

Оригинальное название: That Thing Between Eli & Gwen
by J.J. McAvoy

Переведённое название: «Тот случай между Илаем и Гвен»
Дж. Дж. МакЭвой

Перевод: La-Lune La-Lune

Редактор: Елена Букова

Вычитка: Саша Елизарова

Русификация обложки: Александра Волкова

Переведено специально для группы: Книжный червь | Переводы книг

**Любое копирование без ссылки
на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Аннотация

Илай Дэвенпорт считал, что встретил свою идеальную женщину, которая в скором времени станет его женой. Она доктор, как и он. Она блистательно умна, как и он. И богата, как и он.

Гвиневра «Гвен» По была уверена, что ее жених совершенен, ведь он красив, успешен, и еще он стал ее первым мужчиной...

Однако после того, как невеста Илая сбежала вместе с женихом Гвен в день их свадьбы, они, Гвен и Илай, остались, чтобы собрать друг друга по кусочкам...

Распахни свое сердце для такой любви, от которой воспаришь на небеса, для любви, без которой не сможешь дышать.

Оглавление

Глава 1.....	4
Глава 2.....	9
Глава 3.....	16
Глава 4.....	23
Глава 5.....	29
Глава 6.....	36
Глава 7.....	43
Глава 8.....	49
Глава 9.....	56
Глава 10.....	63
Глава 11.....	68
Глава 12.....	77
Глава 13.....	83
Глава 14.....	91
Глава 15.....	97
Глава 16.....	103
Глава 17.....	110
Глава 18.....	117
Глава 19.....	125
Глава 20.....	131
Глава 21.....	137
Глава 22.....	145
Глава 23.....	150
Глава 24.....	156
Глава 25.....	163
Глава 26.....	166
Эпилог.....	170

Глава 1

Знаки

Гвиневра

Я должна была распознать знаки этим утром. Они не бросались в глаза, но они были. Например, выйдя из душа, я поскользнулась так, что едва не сломала себе шею. И это происшествие стало первым большущим, точнее сказать, просто гигантским знаком — остальные не были столь катастрофичны. Собравшись, мне не удалось найти одну из двух любимых красных туфелек на шпильке. Жемчуг, который *он* мне подарил, соскользнул с моей шеи и рассыпался по полу в ванной. И когда *он* все-таки появился спустя двадцать минут, Тайги, мой пес, долго лаял на него и никак не мог остановиться, как будто предчувствовал, что первое марта станет днем моего позора.

Он не произнес ни слова, пока садился в свой новый «Мерседес» темно-синего цвета, и мы отъехали от пляжного домика в Хамптоне. Пальцы его руки, вцепившиеся в руль мертвой хваткой, побелели от напряжения, а пальцы другой руки, крепко сжатые в кулак, он плотно прижал к своим губам. За три года нашей совместной жизни я убедилась, что он поступал так в тех случаях, когда был сильно взволнован или чем-то расстроен.

— Бэш? — Я прикоснулась к нему, и он от неожиданности дернулся так, будто и вовсе забыл, что я нахожусь рядом.

Он повернулся ко мне, и его светло-коричневые глаза встретились с моими.

— Да?

— С тобой все в порядке? Ты выглядишь так, словно мы едем на похороны, а не на свадьбу, — пошутила я и улыбнулась.

Он кивнул головой и взял меня за руку.

— Все хорошо, — ответил он, прикоснувшись губами к моей руке. — Просто небольшие неприятности на работе. Надеюсь, мы сможем выполнить то, что от нас требуется, и уехать оттуда дотемна.

Кивнув, я оглянулась на пляж.

Себастьян или Бэш, как я его называла, был владельцем и основателем двух журналов: «Класс» и «Бунтарь». Именно это и послужило причиной нашей первой встречи. Он посетил одну из моих выставок, и ему понравились мои фотографии. Я часто повторяла себе, что не стоит связывать себя контрактом ни с одной корпорацией, ни с каким-либо брендом. Мне нравилось работать фрилансером, рисовать и фотографировать то, что хочу, что мне интересно. И все-таки Себастьян Эванс чем-то зацепил меня. Неважно, сколько раз я отклоняла его просьбы и игнорировала письма, он не сдавался. Этот человек всегда упорно шел к цели, которую желал, пока та не становилась его собственностью. Со временем я уступила и согласилась сделать снимок для весенней обложки в его журнале. Предполагалось, что это будет разовый заказ, однако спустя три года я стала фотографом по контракту и его невестой.

— Добро пожаловать в «Шато Руж», — поприветствовал нас дворецкий, как только мы подъехали к огороженному особняку. Пока Бэш беседовал с ним, я принялась внимательно изучать обстановку. Все вокруг было выполнено в красивых зеленых и голубых цветах. На изумрудную лужайку проецировались инициалы «И & Х», а вокруг них расположился небольшой оркестр, приглашенный для развлечения гостей.

И только выйдя из машины, я смогла увидеть то, что должно было стать завершающей «вишенкой на торте»: вокруг особняка разгуливали павлины, призванные служить доказательством состоятельности его владельцев.

Я уставилась на Бэша.

— Что? — Он непонимающе посмотрел на меня.

Я показала на происходящее вокруг.

— Это не шутка? — только и смогла я выдавить из себя.

— Такое ощущение, что ты никогда раньше не видела богачей. Кстати, ты могла

бы надеть то красное платье, которое я выбрал для тебя.

Он нахмурился, взял меня за руку и повел к местам, предназначенным для гостей. Это был второй знак, на который мне следовало обратить внимание, но и тут я оказалась слепа. До сих пор помню, насколько холодной казалась его рука в этот момент. Во время фуршета, смешавшись с толпой Нью-Йоркской элиты, я чувствовала себя так неуютно, словно осталась посреди Арктики в одном бикини.

— Ого, она прекрасна! — прошептала я, когда невеста появилась в проходе.

Безупречный макияж придавал сияние ее коже. Ее мягкие медово-золотистые волосы переливались на солнце, а открытое платье без бретелей с декольте в форме сердца облегало каждый изгиб ее тела. В голубых глазах невесты стояли непролитые слезы. Крепко сжимая букетик роз, она медленно, но твердо шла по проходу. На какую-то долю секунды мне показалось, будто она бросила взгляд в нашу сторону.

«Надеюсь, во время моей собственной свадьбы я буду выглядеть хотя бы наполовину столь же прекрасно», — подумала я, не отводя взгляда от невесты, пока она неторопливо шла к центральной площадке.

Все произошло мгновенно. В одну секунду я слушала речь пастора, а в следующую секунду рука Бэша больше не удерживала мою.

— Ханна! — закричал он, продвигаясь к центру прохода.

Она посмотрела на него, потом на жениха, и затем ее взгляд снова вернулся к Бэшу.
Моему Бэшу.

Что?..

— Не делай этого, Ханна!

Что... это... значит?!

«СТОП!» — завопили мои мысли.

Но, к моему ужасу, она высвободила свою руку из руки жениха и побежала навстречу Бэшу.

Мне стало трудно дышать. Я встала, опрокинув при этом стул.

— Бэш! — закричала я.

Но они уже убегали, не оглядываясь, крепко держа друг друга за руки.

К этому моменту все гости поднялись со своих мест. Те, которые находились вокруг меня, отодвинулись, позволяя остальным рассмотреть девушку, которую только что бросили. Я знала, что единственный человек, которому сейчас еще хуже, чем мне, — это парню, оставшемуся стоять на центральной площадке. Впервые с тех пор, как оказалась здесь, я внимательно посмотрела на него: высокий, с кожей цвета слоновой кости, с короткими темными волосами и пронзительным взглядом зеленых глаз, смотрящих вслед убегающей невесте. Он стоял настолько тихо, видимо, пребывая в глубоком шоке, что я практически забыла о своей боли.

Почему я не увидела знаки раньше?

Илай

Даже прожив сто пятьдесят лет своей жизни, я никогда не смогу забыть *то* первое марта. Предполагалось, что этот день станет одним из счастливейших дней в моей жизни. После двух лет свиданий я наконец попросил руки *той самой* Ханны Майклс.

Мы встретились с ней при прохождении интернатуры в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка, и в первый же день она привлекла к себе внимание каждого мужчины традиционной ориентации. Что может быть болееексуальным, чем сочетание красоты и ума? Она была предана не только своей работе, но и своим пациентам. *Та самая* Ханна Майклс...

Моя Ханна была нежной, милой, сосредоточенной и аккуратной. Какой бы недостижимой не выглядела цель, она упорно трудилась, чтобы достичь ее, и это мне в ней нравилось. Всякий раз, работая вместе, мы быстро находили общий язык. Мы были во

многом схожи, даже случались моменты, когда в разговоре мы заканчивали мысли друг за друга. Мы достаточно быстро сблизились, но встречаться начали только тогда, когда оба уже стали лечащими врачами.

И я тогда не мог даже допустить мысли о том, чтобы встречаться с кем-то еще.

— Ты нервничаешь? — Мой младший брат, Логан, положил руку мне на плечо, когда я стоял в гардеробной.

Я отряхнул его руку, застегивая запонку.

— С чего бы мне нервничать?

— Илай Дэвенпорт наконец решился на серьезный шаг в своей жизни. Не могу в это поверить! Я думал, что вы, ребята, никогда не поженитесь.

Он оттолкнул меня от зеркала, чтобы повязать свой галстук, и я отвесил ему подзатыльник.

— Неужели даже в такой важный день вы опять ругаетесь? — Войдя в комнату, моя мама вздохнула. У нее были седые с золотистым оттенком волосы до плеч, а ее нежное зеленое платье касалось пола. Когда она подошла ближе и легонько обняла меня, ее глаза наполнились слезами.

— Мам, он женится, а не умирает, — усмехнулся Логан.

Она мельком взглянула на него, нахмурилась и снова посмотрела на меня.

— Ты уверен... в своем выборе?

— Мам. — Я обнял ее за плечи. — Ты любишь Хану, я люблю Ханну. Почему тогда я не должен быть уверен? У тебя наконец появится дочь, которую ты так долго хотела.

— Знаю. — Она прикоснулась рукой к моей груди. Даже на каблуках мама была на голову ниже меня. — Я просто никак не могу избавиться от этого чувства. Даже и не предполагала, что отпускать тебя будет настолько тяжело!

«*Моя мама и ее склонность драматизировать*», — подумал я. Если бы мы прислушались тогда к ее интуиции!

— У тебя все еще есть я, — добавил Логан, доказывая тем самым, что он больше походил на маму, чем на нашего отца.

Мы оба посмотрели на него, прежде чем, смеясь, отвернуться.

— Хорошо. Я все понял, — пробормотал он и вышел из комнаты.

— Если бы твой отец был жив, уверена, он бы гордился тобой сегодняшним, Илай. Я тобой очень горжусь! — Она вытерла слезы.

Я не знал, что еще сделать, и взял ее под руку. Я никогда не любил нежничать, но в тот день мне довелось пережить множество различных эмоций.

Мама крепко держала меня под руку, когда мы вышли в сад. Они с Ханной просто обезумели, украшая его, но процесс им обеим нравился, а мне, если честно, было все равно. Мне просто хотелось побыстрее перейти к самой важной части свадьбы.

Я встал, повернувшись лицом к своей семье и друзьям. Логан замер слева от меня. Заиграла музыка, и в этот момент мой взгляд был прикован к дверям дома: я ждал, когда они откроются.

Я знал, что Ханна будет прекрасна, но сейчас она выглядела поистине блестательно.

Боже, да я просто счастливчик.

С каждым ее шагом моя улыбка становилась все шире, пока ее рука не оказалась в моей.

— Ты выглядишь великолепно! — прошептал я.

Она улыбнулась, но ничего не сказала в ответ. С первых мгновений речи пастора у меня перед глазами пробегали минуты, прожитые вместе с ней: первая встреча, наша первая совместная операция, первый поцелуй... Первая ночь. Как в кино — самые важные вехи нашей жизни.

И это только начало чего-то большего. Сегодня...

— Ханна! — прокричал кто-то.

Услышав ее имя, я вернулся из своих воспоминаний к реальности и увидел застывшего в проходе мужчину — он протягивал руки в сторону моей будущей жены.

— Себастьян? — произнес Логан.

Себастьян... Мужчина, звавший мою Ханну, — Себастьян Эванс, один из самых близких друзей Логана. Я не дружил с ним, но мы были знакомы.

— Ханна! — снова выкрикнул он.

«Достаточно!» — завопили мои мысли, и я шагнул вперед, но было уже поздно.

Ханна выпустила мою руку и побежала к нему, ни разу не обернувшись. А я застыл на месте, потрясенный, не в силах ни говорить, ни двигаться. Этот момент стал для меня адом на земле.

Я не был способен разговаривать в течение еще нескольких часов. Мой разум пребывал в отключке. Я пытался понять, что же произошло, но мозг и сердце были уничтожены. Наблюдая за океаном, яостоял на балконе до самого захода солнца. И только тогда, когда заново обрел функции своего тела, я побежал. Убегая, по глупости я понесся прямиком к центральной площадке. Все гости, за исключением моей семьи и команды уборщиков, разъехались. Когда я оказался вне стен дома, то увидел своего брата, отрывающего от «Бентли» ленту с надписью «Счастливые молодожены».

— Илай...

— Ключи! — Обойдя машину, я подошел к водительской дверце, и в этот миг увидел напротив женщину в голубом. У нее были длинные волнистые волосы каштанового цвета, а кожа была теплого коричневого оттенка. Ее карие глаза выглядели опухшими и красными, скорее всего, от слез. Она храбро стояла передо мной с высоко поднятой головой.

— Это ваш номер, да? — Она указала на номер телефона, указанный в приглашении, и перед тем как быстро набрать что-то в своем телефоне, добавила: — Пожалуйста, врежьте ему по морде! — и направилась к такси, не дожидаясь ответа.

— Гвен! — закричал ей вслед Логан, а потом громко застонал. — Боже! Он же был ее женихом.

Почувствовав вибрацию телефона, я вытащил его из кармана пиджака и прочел сообщение:

«Он оставил открытый почтовый ящик на моем телефоне, и я получила подтверждение о бронировании ими комнаты.

Прескотт Хилз.

Монток, Нью Йорк.

Комната 1204».

— Илай, не надо...

Игнорируя Логана, я сел в машину и, не раздумывая, поехал. Бешенство нарастало во мне с каждой милей, оставленной позади. Я крепко вцепился в руль, скрежеща зубами. Они всего в двадцати минутах от хаоса, воцарившегося в моей жизни по их милости.

Припарковавшись у «Прескотт Хилз», я приготовился вышибить дверь их номера ногой и тут увидел этих двоих. Они шли прямо на меня, совершенно не замечая ничего вокруг, и все так же держали друг друга за чертовы руки.

— Илай! — Ханна, одетая уже не свадебное платье, а в джинсы и рубашку, от удивления открыла рот.

Проигнорировав ее, свой первый удар я адресовал ему прямо в челюсть, и он отлетел к стене, но это меня не остановило. Схватив его за воротник, я кулаком наносил ему удар за ударом, пока мои пальцы не затрещали от ударов о его лицо.

— Хватит! Илай! Прекрати, или, клянусь, я вызову полицию! — закричала она.

Мне хотелось прикончить его, но каким-то образом удалось сдержать себя.

— Вызовешь полицию? — Я стоял, не шевелясь и не обращая внимания на боль в руке и на ублюдка у своих ног. — Что же тебя останавливает, Ханна? Давай, сделай этот

день еще более запоминающимся!

Она опустила голову, упав на колени возле него.

— Я понимаю, ты ненавидишь...

— Ты ничего не понимаешь! — перебил я её. Даже просто смотреть на них было невыносимо, и я отвернулся, собираясь уйти, но затем остановился, вытащил свой телефон и сфотографировал его окровавленную морду. Это не принесло мне реального удовлетворения, но, какого черта! Может быть, женщина, которую он обидел, обрадуется, увидев эту его фотографию.

Все время, пока я ехал обратно, в моей голове крутилась одна единственная мысль: «*Как? Ну как это могло случиться?*»

Глава 2

Доктор Кретин и Аферистка

Гвиневра

Прошел месяц с того кошмарного дня, и теперь я могу твердо сказать, что музыка — это Божий дар разбитому сердцу. Первую неделю я плакала под Адель и Маррайю Керри. Вторую неделю я существовала под Бейонсе и Пинк. На третьей неделе мы говорили на одном языке с Эминемом, а четвертая неделя была посвящена музыке 90х.

— Гвен? Алло? Ты еще здесь?

— Да, папа. Здесь.

Зажав плечом телефон, я паковала туфли в коробку.

— Ты уверена, что мне не стоит приезжать?

— Папочка, не волнуйся, у меня все в порядке.

Конечно же, это было ложью. Да, с тех пор прошел целый месяц, а я все еще ощущала себя по уши в дерьме и знала, что в ближайшее время это не пройдет.

— Гвен, когда в жизни происходят такого рода события, требуется поддержка семьи. Это единственный способ пережить катастрофу. И потом, Нью-Йорк не против.

Глубоко вдохнув, я схватила другую пустую коробку и направилась в ванную.

— Как ты посмотришь на то, что я пообещаю приехать через пару недель, ладно? У меня еще куча дел в городе. К тому же ты должен понять, что я не могу вернуться домой прямо сейчас. Люди буду смотреть и судить...

— С каких это пор мою Гвен стало заботить то, что думают другие? — Он рассмеялся в трубку.

С тех пор, как меня публично унизили.

— Ты прав, пап. Плевать на них, и передай маме, что я хочу самую грандиозную вечеринку по поводу своего возвращения.

— Вот так, девочка! Выше голову!

— Конечно, папа. Пока. Люблю тебя.

— Я тоже, — ответил он и повесил трубку.

Вздохнув, я бросила коробку на пол, и Тайги, забыв о том, что он уже давно не щенок, решил улечься в нее и сломал. Разочарованный, он убежал в угол и улегся, свернувшись в шарик черно-белого меха. Мне тоже захотелось свернуться клубочком возле него, когда раздался дверной звонок.

Тайги резко поднял голову, но остался лежать на месте.

— Не вставай, я открою, — сказала я, когда звонок зазвенел снова.

— Иду! — застонала я, пробираясь сквозь беспорядок, который сама же и устроила.

Прежде чем открыть, я проверила, кто стоит за дверью, и увидела там Логана.

Логан Дэвенпорт, один из близких друзей Бэша, стоял за дверью с двумя стаканчиками кофе на подносе в одной руке и пакетом продуктов в другой. С того момента, как произошло печальное событие, он взял на себя миссию навещать меня каждые несколько дней.

— Ты похудела, — сказал он, нахмурившись.

Я посмотрела на свои штаны для йоги и рубашку большого размера.

— М-да?

— Не м-да, — парировал он, входя в квартиру, — а тебе надо есть, Гвен.

— Логан, кажется, я уже говорила тебе, не нужно этого делать для меня. — Пройдя за ним на кухню, я увидела, что он принял распаковывать мои кастрюли и сковородки. — Эй?!

— Я сложу их обратно, когда закончу.

Он сверкнул улыбкой и продолжил поиск другой кухонной утвари.

— Я серьезно, Логан.

— Гвен, пожалуйста, позволь мне это сделать, — пробурчал он, колдуя над плитой. — Ты не представляешь, насколько виноватым я себя чувствую. Мой лучший друг сбежал с невестой моего брата, оставив свою девушку с разбитым сердцем. Ведь это именно я познакомил их друг с другом, Гвен. Я очень виноват перед тобой. Поэтому, пожалуйста, позволь мне сделать для тебя хоть что-то. Знаю, мы не так близко знакомы, но все же.

На секунду я уставилась на него. Это была правда. Я действительно мало знала Логана. Они с Бэшем состояли в одном студенческом братстве. Он приходил к нам на вечерние игры и ужины, которые мы устраивали, но помимо этого, мы с Логаном практически не общались. Ему только что исполнилось двадцать два, и это на пять лет меньше, чем Бэшу, и на два года меньше, чем мне. Может быть, именно поэтому я всегда воспринимала его как младшего брата Бэша... И в некотором роде как своего младшего брата. Они с Бэшем даже выглядели одинаково: у обоих были светло-коричневые глаза и каштановые волосы, только у Бэша они были с песочным оттенком. Видеть Логана таким серьезным было непривычно.

— Ты вообще умеешь готовить? — Я усмехнулась, заглянув в пакет, который он принес с собой.

— Умею ли я готовить? — передразнил он меня, как будто в моем вопросе было что-то оскорбительное. — Сейчас ты узнаешь, что мой омлет — самый лучший во всем Нью-Йорке.

— Во всем Нью-Йорке? — Я скрестила руки на груди.

— Ты меня слышала. — Он подмигнул мне. — Так, где остальная часть кухонной утвари?

— В тех коробках. — Я указала на коробки с надписью «КУХНЯ» позади него. — О, а как продвигается твоя музыка? Ты очень популярн, да?

— Популярн. Но сейчас мне нужно сфокусироваться на учебе... Боже, это все твое? А Бэш хоть что-нибудь покупал, когда вы жили вместе? — спросил он, открыв коробку, и я поняла, что он просто хочет сменить тему.

— Не совсем. Ты же знаешь, он практически жил в офисе... или я так думала раньше. Теперь я не совсем уверена, чем именно он занимался в это время...

Мой голос затих, что заставило Логана остановиться и посмотреть на меня. Подняв руки вверх, я покачала головой, как будто тогда он перестал бы меня жалеть.

— Как твой брат? — я попыталась сменить тему.

— Точно так же, как и ты.

Браво! Отличная попытка сменить тему!

Логан больше ничего не сказал, продолжая раздраженно рыться в коробке.

— Боже, мне хочется убить его! — неожиданно прорычал он, ударив кулаком по коробке.

— Логан! — крикнула я, а Тайги громко залаял, но оказалось слишком поздно. Логан напоролся кулаком как раз на то место, где лежали ножи.

— А-а-а-а, черт! — завопил он, сжимая свою окровавленную руку.

Схватив его, я открыла воду и попыталась помыть руку.

— Проклятье! Рана слишком глубокая, придется зашивать.

Он дёрнулся от боли, когда я схватила полотенце и быстро обмотала его вокруг раны.

— Где твои ключи? Надо ехать в больницу. — Я осмотрела столешницу.

— Все нормально, у меня аптечка в машине. Я доктор...

— Быть студентом медицинской школы не значит быть доктором, Логан... по крайней мере, не таким хорошим, чтобы зашивать собственную руку у меня на кухне.

Я ждала, когда он отдаст мне ключи. Нахмурившись, он здоровой рукой вытащил из кармана связку ключей и передал их мне. Его раненая рука была в очень плохом состоянии и кровоточила даже сквозь полотенце.

— Гвен, честно, ты придаешь этому слишком большое значение.

— Да, и мы поедем. — Видя, как кровь стекает по его руке, я вытолкнула Логана из квартиры.

Илай

Закончив обход, я сдавал обходной лист дежурной медсестре, когда она остановила меня.

— Доктор Дэвенпорт, ваш брат только что доставлен в отделение экстренной помощи...

Не дав ей даже закончить, я бросился бежать.

— Все в порядке, доктор Дэвен...

Я игнорировал всех на своем пути, следя по голубой линии на полу к двойным дверям, ведущим в отделение экстренной помощи. Сканируя кушетки, я остановился, когда увидел его черные «звездные» ботинки.

Он сидел на кровати и смеялся, пока один из моих коллег зашивал его руку.

— Что случилось?

— Илай, я думал, у тебя выходной...

— Что случилось с твоей рукой?

— Он ударил кулаком по коробке, в которой лежали мои ножи.

Я повернулся на голос, моментально узнав ее, и не смог сдержать потока негативных воспоминаний.

Она стояла в углу, держа в руках жакет Логана.

— Он... ударил... по коробке с ножами? — Я повернулся к младшему брату.

— Это долгая история, — проворчал он.

— Логан!

— Честно говоря, произошел несчастный случай. Логан был слишком взволнован и...

— А вам все еще необходимо оставаться здесь? — спросил я, даже не взглянув на нее.

— Илай! — Логан возмущенно посмотрел на меня.

Краем глаза я увидел, как девушка напряглась.

— Извини еще раз, Логан. И спасибо тебе, — сказала она.

Логан усмехнулся и кивнул в ответ.

— Нет, это тебе спасибо. Пожалуйста, возьми мою машину, чтобы добраться домой.

— Все нормально, я возьму такси.

— Для меня это станет поводом приехать к тебе и приготовить свой знаменитый омлет.

— Просто выздоравливай. Еще увидимся.

Она собрала свои вещи и ушла.

Когда она ушла, Логан со злостью посмотрел на меня.

— Тебе действительно нужно быть такой задницей?

— Спросил придурок, который стукнул по коробке с ножами, — парировал я и направился вслед за девушкой. Дождавшись, когда она закончит оформлять заказ в службу такси, я подошел к ней.

— Вот, — я протянул ей полтинник. — Спасибо, что привезли его сюда.

Она посмотрела на деньги, а потом на меня.

— И часто вы вознаграждаете людей деньгами за человеческое отношение?

— Пятьдесят долларов — это разве вознаграждение?

— Ах, да, вы же состоятельный врач. Извините, я забыла свое место. — Она изобразила реверанс. — Пожалуйста, сэр, можно?

Прикусив щеку изнутри, я протянул ей деньги и развернулся, намереваясь уйти, но остановился, когда увидел, что она подошла к ящику с денежными пожертвованиями в угол больницы и опустила купюру туда.

Затем она остановилась на углу здания и просто смотрела на улицу, ожидая такси.

Вздохнув, я подошел к ней.

— Послушайте, думаю, мы не с того начали.

Она усмехнулась.

— В любом случае, — продолжил я, — спасибо, что привезли его сюда. Но в будущем, если вы сможете игнорировать его, думаю, это стало бы оптимальным решением для всех.

— Вы хотите, чтобы я игнорировала вашего брата? — медленно повторила она.

— Вы и я, мы оба знаем, что он делает это из-за гипертрофированного чувства вины. Я не могу исключить его из своей жизни, но ваше присутствие лишь усугубляет ситуацию. Я понимаю, возможно, вам одиноко, но пожалуйста, не пользуйтесь добротой моего брата...

— Простите! — Она подняла руку, желая остановить меня.

— Я только хочу сказать...

— Ну да, вы только хотите сказать, чтобы я убиралась вон, поскольку приношу болезненные воспоминания, с которыми вы не хотите больше иметь дело. Но вместо того, чтобы отрастить себе пару яиц и научиться справляться с трудностями, вам проще игнорировать и выталкивать из своей жизни всё, что напоминает о том, что вас бросили на вашей собственной свадьбе.

— Простите!

Похоже, она тронулась умом.

Она скрестила руки на груди.

— Что? Это не то, что вы пытались сказать? Ваш брат давно не маленький ребенок. Если он чувствует себя виноватым и хочет загладить свою вину таким путем, у него есть на это право. Вы знаете, сколько паршивых людышек мы встречаем в городе каждый день? Разумеется, вы знаете, вы же — один из них. Ни за что на свете в угоду вам я не стану игнорировать достойного человека.

— Так вы даже не знаете его!

У этой курицы явные проблемы.

— Нет, это вас я не знаю, вот в чем разница! — прокричала она, направляясь к подъехавшему такси. — К тому же уж если я, по вашему мнению, чувствую себя *одинокой*, как же должен чувствовать себя ты, кретин?

Дверь такси захлопнулась. Я наблюдал, как она отъезжает.

— Ну, вот ты и познакомился с Гвиневрой. — Логан рассмеялся, подойдя ко мне со свежеперебинтованной рукой.

— Гвиневрой? Я думал, ее зовут Гвен. — По крайней мере, так он звал ее в тот ужасный день.

Он кивнул.

— Ее зовут Гвиневра По, и она довольно известный художник в нашем городе. Знаешь, та картина маслом, которую только что купила мама, — ее работа.

— Что? Она стоила почти два миллиона долларов!

— А ты пытался всучить ей полтинник на такси. — Он хохотнул.

Промолчав, я посмотрел на него.

— Ты это видел?

— С того момента, как ты пошел за ней следом, я знал, что все плохо кончится. — Он кивнул и выдавил улыбку, которая не выглядела искренней. — Знаю, после смерти отца ты практически воспитал меня наравне с мамой, но теперь тебе пора остановиться. Я уже не ребенок. Иногда я чувствую, что ты фокусируешься на мне, чтобы не думать о дерьме, происходящем в твоей жизни. Может быть, тебе стоило заняться этим раньше, но не сейчас. Сейчас проблемы в жизни у тебя, а ты опять пытаешься присматривать за мной. Я в порядке, честно.

Логан помахал мне и направился к парковке. Я недолго понаблюдал за ним, понимая, что иногда действительно обращаюсь с ним, как с ребенком, и вернулся в больницу.

Желая избежать разговоров и встреч, я направился в комнату отдыха для персонала и прилег на кушетку.

У нас с Логаном девять лет разницы. Ему было всего два года, когда от инфаркта умер отец. В списке худших дней моей жизни тот день значится на первом месте. До сих пор помню, как мама кричала мне, чтобы я вызвал скорую, Логан плакал в гостиной, а няня, обезумев, пыталась помочь маме.

— А-а-а, не хочу больше думать об этом, — пробормотал я, вытаскивая телефон. На экране до сих пор высвечивалась наша с Ханной совместная фотография. За прошедший месяц я сто раз хотел поменять ее, но не мог.

«*Если уж я, по вашему мнению, чувствую себя одинокой, то как же тогда ты себя должен чувствовать, кретин?*» — звучал в голове ее голос. Что она о себе возомнила? Она ведь меня не знает. У меня все в порядке.

— Что это за имя такое, Гвиневра? — прошептал я.

— О, как же я соскучилась по тебе, — прошептала девушка-интерн, целуя медбрата. Он приподнял подол ее медицинского халата.

Я сел и заорал:

— Это что, сцена из «Анатомии страсти»¹?

Они подпрыгнули от неожиданности и побежали так быстро, что, уверен, один из них упал.

Я схватил телефон и попытался еще раз поменять заставку экрана, но опять не смог.

Черт побери!

В ту же секунду мой телефон зазвонил.

— Доктор Дэвенпорт слушает.

— Я тут подумал о том, как тебе реабилитировать себя в глазах Гвен, — начал Логан.

— Она переезжает, и я планировал ей помочь, но...

— Мне это не интересует. Пока.

На кой черт он должен всем помогать, скажите на милость? Я волновался, что, став врачом, Логан будет слишком привязан к своим пациентам.

Дзинь. Пришло новое сообщение.

И опять тот же поток мыслей: «*Почему, Господи? Ну почему?*»

Гвиневра

Порой я ненавижу этот проклятый город...

Я посмотрела на кирпичное здание, которое должно было стать моим новым домом. Несколько миллионов долларов за достойных размеров кондоминиум в фешенебельном районе Верхнего Ист-Сайда, а мой риелтор пытался заставить меня заплатить даже больше этого, просто смешно.

— Что думаешь, Тайги? — спросила я, взяв коробку в руки.

Как всегда, на мою собаку это не произвело особого впечатления, но, по крайней мере, на этот раз я не могла винить его. В смятении я оглянулась на кучу коробок, оставшихся в грузовичке компании-перевозчика U-Haul. Да, чтобы все перетащить, потребуется время.

«*Может быть, стоило нанять грузчиков?*» — подумала я и вошла в здание.

Тайги заскулил, когда его лапки заскользили и разъехались в стороны на гладком мраморном полу. Рассмеявшись, я схватила его за поводок возле лифта.

К счастью, пол на нашем этаже не был столь гладким и блестящим. Квартира 34В находилась в конце коридора, и в тот момент, когда я взялась за ручку двери, услышала, как позади меня открылась другая дверь. Развернувшись, я лицом к лицу столкнулась с доктором-кретином. Его зеленовато-голубые глаза смотрели на меня в полной

¹ «Анатомия страсти» — американский сериал о жизни медицинского персонала одной из больниц.

растерянности. Он поглядел на коробку в моих руках, затем на мою дверь и снова перевел взгляд на меня.

— Пожалуйста, только не говори, что ты переезжаешь сюда, — нахмурился он.

— Пожалуйста, только не говори, что ты здесь живешь, — парировала я, указав на его дверь.

Он поджал губы и заиграл желваками.

Жаждущий внимания Тайги подбежал к нему и обнюхал его джинсы, прижимаясь к ним носом и чихая на них.

Хороший песик!

— А-а-а-а! Что за херня! Ты могла бы держать при себе своего волкодава, — заорал он, отмахиваясь от собаки.

— Это не волк, а сибирская лайка, любезный, — ответила я, бросив ящик на пол холла и оттаскивая Тайги, который снова на него чихнул.

Глаза мужчины расширились, а одна бровь задергалась, когда он со злостью в глазах посмотрел на меня.

— Извини, у моей собаки аллергия на кретинов. — Я притянула Тайги поближе к себе.

Клянусь, если бы он мог, то просто испепелил бы меня своим взглядом, и я бы сейчас оказалась глубоко под землей. Не проронив больше ни слова, он развернулся и зашел обратно в свою квартиру, вероятно, чтобы сменить одежду.

Когда его дверь захлопнулась, я взяла в руки мордочку Тайги: «Молодец, мальчик!» — и рассмеялась, заходя в наш новый дом.

На самом деле меня мучил вопрос, как в целом городе из всех чертовых кондоминиумов я умудрилась выбрать именно этот? Встреча с ним в больнице оставила дурное послевкусие. Раньше я представляла себе его как мужчину, брошенного любовью всей своей жизни у алтаря с разбитым сердцем. Но с каждой новой встречей эта картинка менялась. Он оказался таким высокомерным!

Уму непостижимо, Логан — его брат.

Мне нужно было снова идти за коробками, и я вышла к лифту. Ужасно, но прежде чем двери лифта закрылись, снова появился он, уже переодетый в спортивные штаны и толстовку. На этот раз он не обратил на меня ни малейшего внимания и надел наушники.

Лифт спускался вниз целую вечность, и когда, наконец, его двери открылись, я быстро выскочила из него, направившись к грузовику.

— Что, аферистка вроде тебя не может позволить себе грузчиков? — По какой-то причине он остановился и уставилялся на мои коробки.

Катись на свою пробежку. Подожди-ка... «Аферистка»?

Он кивнул, как будто бы понимал, почему я удивилась.

— Я видел твои картины. Ни при каких обстоятельствах они не стоят столько, сколько ты за них просишь. Ты же просто обманываешь людей, поэтому ты — аферистка!

Моя челюсть отвисла от шока.

— Очень привлекательно, — сказал он, брезгливо морщась, надел наушники и пошел вниз по улице.

— КОЗЕЛ! — заорала я, привлекая этим к себе несколько взглядов.

Мой телефон зазвонил. Я резко ответила:

— Да!

— Тебе неудобно разговаривать?

Я посмотрела на экран.

— Катрина, извини, я не могу сейчас говорить. У тебя все в порядке?

— Да, и я как раз нахожусь недалеко от тебя. Мы можем встретиться на пару минут?

— Ладно, правда, дома полный бардак, — ответила я, высматривая ее на улице.

Однако она не пришла, а, как многие высокооплачиваемые юристы, подъехала на своей глянцевой городской машине. Ее короткие светлые волосы были гладко зачесаны

назад, и на ней был надет явно сшитый на заказ брючный костюм. Катрину Тёрнер можно описать одним словом — устрашающая. Именно поэтому я ее и наняла.

— Ты не шутишь? — спросила она, увидев море моих коробок и картин.

— О, да. Извини. Мучительно трудно переезжать, когда об этом тебе сообщили лишь накануне.

На деле в это было трудно поверить: всего несколько недель назад я искала свадебное платье и планировала путешествие для медового месяца. А теперь... теперь моя жизнь заключалась в этих коробках.

— Я бы зарезала его, — произнесла она, направляясь к широкому окну, из которого отрывался вид на город.

— Верю тебе. — Я улыбнулась и тоже посмотрела в окно.

Она протянула мне файл.

— Я отправила это только час назад. Если он не позволит тебе прервать контракт досрочно, мы всегда сможем поднять шумиху.

Она никогда не спрашивала меня, хочу ли разорвать контракт с журналами «Класс» и «Бунтарь», а я даже не знала, вернулся ли он на работу. Я просто не смела показаться там. Все произошло слишком быстро, и как бы я ни старалась держать лицо, все равно чувствовала себя уничтоженной.

— По существу ты обязуешься не распространяться о произошедшем, а он взамен обязуется удвоить твое выходное пособие. Также я переговорила с твоим агентом, и в настоящий момент у тебя более двенадцати предложений о работе, не говоря уже о том, что ты планировала заняться открытием новой галереи. Не связанный контрактом, ты здорово освободишь своё расписание. По всем статьям ты — победитель.

Если я победитель, то почему до сих пор чувствую себя неудачницей?

— Дай мне знать, что они ответят, — прошептала я, вернув ей файл.

— Хорошо, я ухожу. И, Гвен. — Она остановилась у двери. — Я знаю, что еще слишком рано говорить об этом, но считаю, тебе будет намного лучше без него.

Оставшись одна, я снова выглянула в окно. Мое тело дрожало, и я чувствовала, что у меня поднимается температура. Мои глаза горели от непролитых слез.

— Нет! — громко сказала я. — Я не сломаюсь. Не сейчас.

Мне уже было плохо и тошно от слез, черт бы их побрал! Перебирая коробки, я нашла переносной проигрыватель, поставила любимую подборку и включила звук на полную мощность, срывая пустые холсты со стен.

Илай

Я бегал по меньшей мере пару часов, и когда вернулся, увидел, что в грузовике U-Haul все еще оставались три коробки. Я не уверен, была ли она просто дурой или ей на самом деле было наплевать на все. Да, хоть этот район и считался достаточно спокойным, но все же не стоило оставлять свои вещи без присмотра.

Взяв коробки, я закрыл дверь грузовичка и направился внутрь здания. *Зачем я это делаю?* Она все равно лишь наорет на меня. Подходя к ее двери, я услышал рев музыки.

Просто великолепно! Она как раз из тех соседей, о которых я всегда мечтал. Из всех трехъярусных мест Нью-Йорка она выбрала именно мое здание.

Я уже хотел постучать к ней, когда дверь сама медленно открылась.

— Эй?.. — я крикнул, но мой голос утонул в музыке.

Ее пес посмотрел на меня, но в этот раз даже не удосужился встать. Проследив за его взглядом, я увидел ее на коленях посреди комнаты с ворохом холстов, лежащих на полу, застланном полиэтиленом. Она пуляла краску голыми руками, словно дралась с холстами. Соверши еще несколько бросков, она вытерла глаза, не заботясь о том, что краска размазалась по всему ее лицу. Сидя на четвереньках, она одновременно рисовала и плакала.

Поставив коробки возле ее двери, я незаметно вышел. Дома, взяв бутылку воды из холодильника, я постарался не думать об увиденном. Именно поэтому жизнь по соседству с ней могла превратиться в огромную проблему! В случившемся не было ни капли ее вины, но даже один ее вид уже раздражал меня, а ее слезы просто приводили меня в бешенство.

— А-а-а-а! — Я швырнул бутылку в стену.
Мне нужна выпивка покрепче.

Глава 3
Наука против Искусства
Гвиневра

Бум!

— О, Боже!

Бум!

— Да!.. Сильнее!

Бум!

— Как хорошо!

Бум!

Я села на кровать, в недоумении и ужасе уставившись на трясущуюся стену. Прошло четыре дня с момента моего переезда сюда, и вот такая фигня происходила теперь каждую вторую ночь. В первый раз я подумала, что он снимает порно.

— Илай!.. Да!..

Женщина за стеной вопила, как я могу предположить, в высшей степени экстаза. Ее словарный запас был несколько богаче, чем у другой, которую он приводил сюда до нее. Она твердила одно и то же: «Твою мать!».

Бум!

Я подскочила, когда мои стены вновь затряслись.

Это просто нелепо! Сейчас два часа ночи!

Я поднялась и заколотила кулаком по стене, потом соскочила с кровати и рванула к входной двери. Резко открыв ее, я подошла к его двери и подняла кулак, готовясь как следует ударить по...

— Что?! — заорал он, практически сорвав дверь с петель. Он стоял передо мной в одних пижамных шортах до колен, и его мускулистая грудь была обнажена.

— Привет, ты не был бы так любезен трахаться в более разумное время?! Я не могу уснуть из-за ваших стонов, — огрызнулась я.

— Я — доктор, и для меня это время вполне разумное, — ответил он, закрывая у меня перед носом дверь.

Я просунула в дверь руку, чтобы помешать ему.

— Может, для тебя — да, но для нормальных людей — нет.

Он пожал плечами.

— А мне-то что до этого?

— Ого! А ты и правда кретин!

— Дорогой, все в порядке? — Рыжеволосая женщина в одной рубашке шагнула вперед. Она положила руки ему на грудь и недовольно взглянула на меня.

— По всей видимости, ты была слишком громкой. Моя соседка теперь не может уснуть.

Ее взгляд снова сфокусировался на мне. Осмотрев меня сверху до низу, она выдавила:

— Извините.

— Ну что, теперь ты довольна, Аферистка?

Не дожидаясь моего ответа, он захлопнул дверь. Но я постучала еще раз.

— Что?

Я посмотрела мимо него, на женщину, и улыбнулась ей.

— У него хламидии.

— Что?!

Он уставился на меня, ошарашенный моим заявлением, но девушка, похоже, не поняла. Я расхохоталась и вернулась к себе в квартиру. Да, пусть это было по-детски, но очень уж сильно он меня разозлил. Мне буквально хотелось дать ему по роже.

«Ну, они хотя бы остановились», — подумала я, падая на кровать. Однако ровно через минуту раздался стук в мою дверь. «Пожалуйста, только не ты!» — молча помолилась я, но это не помогло.

Едва я успела приоткрыть дверь, как этот придурок ввалился ко мне в квартиру, теперь уже одетый в джинсы и серую рубашку. Он осмотрелся вокруг. Моя квартира выглядела практически пустой, поскольку у меня еще не было мебели.

— Извини, но не помню, чтобы приглашала тебя войти!

— Так значит, хламидии, да? Ты кто? Старшеклассница? — возмутился он, опершись на барную стойку.

— Ты пришел, чтобы извин...

— Да, конечно, именно для этого. Моя девушка сбежала от меня, и мне стоит подать на тебя в суд за клевету.

— Клевету? Серьезно? Так вперед! Меня это не будет волновать до тех пор, пока я буду спокойно спать по ночам!

— Ты зарабатываете рисованием. Спи днем!

Как же мне хотелось ударить его!

— Послушай, как бы там ни было, извини за то, что я сказала. Это было невежливо с моей стороны. Ну не опирайтесь, по крайней мере, на стену спальни, пожалуйста, у меня слабая психика... Илай, если ты будешь вести себя цивилизованно, я стану поступать так же.

Я протянула ему свою руку.

— Отлично, Гвиневра. — Он пожал мою руку и нахмурился.

— Называй меня просто Гвен.

— Договорились, Аферистка, будем цивилизованными. — Он усмехнулся и вышел. Мне снова захотелось врезать ему. В нем не было даже намека на цивилизованность.

Илай

Я старался игнорировать головную боль, пока повязывал галстук и искал телефон. У меня было тяжелейшее похмелье. Я не планировал напиваться прошлой ночью, но так как вчера мне не нужно было дежурить, я направился в бар напротив больницы. Оказавшись внутри, я встретил рыжеволосую Сюзанну... или Джоанну, не могу вспомнить точнее, но что-то заканчивающееся на «...анну», и мы с ней прекрасно веселились, пока дура из соседней квартиры не начала долбить в мою дверь посреди ночи.

— Доброе утро! — весело поприветствовала она меня, выходя из квартиры в тот же момент, что и я. Одетая в забрызганный краской широкий белый блейзер, узкую рубашку, шорты и черные военные ботинки, она придерживала руль своего яркого желтого велосипеда. — Все в порядке? Выглядишь как-то не очень, — поинтересовалась она.

— Решила притворяться? — Я прошел к лифту.

— Нет. — Она переложила шлем в другую руку. — Просто больше не позволю тебе опустить меня до твоего уровня. С этого момента на каждую твою грубость я буду отвечать добротой.

— В старших классах над тобой, видимо, издевались, да? — спросил я, когда двери лифта открылись.

Она было открыла свой рот, собираясь ответить, но вместо этого лишь что-то пробубнила себе под нос и убрала каштановый локон за ухо.

— Ты что-то сказала?

Она посмотрела на меня и отрицательно покачала головой, выходя из лобби.

— Ничего. Удачного дня, доктор Крет... Доктор Дэвенпорт.

Машина уже ожидала меня. Девушка помахала мне, уезжая на велосипеде.

— Ваша знакомая, сэр? — решил узнать шофер.

— Даже близко нет, — сказал я, садясь в машину.

— Странно. Клянусь, я где-то уже видел ее.

Я ничего не ответил, бегло просматривая свои записи для выступления перед студентами в Нью-Йоркском университете. Вообще, на эту роль могли бы пригласить любого другого доктора, какого черта им понадобился именно я? Тем более мне было совершенно наплевать, что эти студенты решат делать со своей жизнью в дальнейшем.

— Моя дочь говорит, что билеты на сегодняшнее мероприятие были распроданы давным-давно. Она распространяла информацию об этом по студенческому радио. — Водитель посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Только не могу понять почему. — Откинувшись на сиденье, я наблюдал за пешеходами. Я ненавидел пробки, а сейчас мы двигались со скоростью улитки. В этом городе все куда-то постоянно спешат.

— Через две недели выпускные. Думаю, многие из них надеются, что все эти разговоры и дискуссии помогут им как-то определиться с дальнейшей жизнью. — Он рассмеялся, и мы снова тронулись.

— Разве это не входит в обязанности колледжа? У них было четыре года, чтобы подумать над этим.

— Ну, вы же понимаете, дети постоянно сомневаются. Уверен, что и у вас случались моменты, когда вы не знали точно, что дальше делать с карьерой.

— Никогда! — я покачал головой. — Я всегда знал, чем буду заниматься в жизни. Передо мной никогда не стояло никаких «если» и «как», единственным вопросом было «когда». Я уверен, что многие из них знают, чего хотят от жизни, но слишком боятся, что ничего может не получиться.

— В таком случае я тоже приду послушать, — заявил водитель, подъехав к ступенькам у входа в университет.

Шофер открыл мне дверь. Я пригладил жакет, кивнул ему и поднялся по ступенькам.

Водитель оказался прав: аудитория оказалась заполнена многообещающей молодежью старше двадцати лет — они собирались вокруг большой площадки для выступлений.

— Доктор Дэвенпорт!

Руководитель мероприятия, профессор Милз, помахала мне, пытаясь протиснуться сквозь толпу. Это была невысокая бледная женщина в огромных очках, за которыми почти не было видно её лица. В руках она удерживала кучу папок с бумагами. В качестве приветствия она пожала мне руку.

— Добро пожаловать! Простите за хаос. После объявления последнего выступающего у нас наблюдался небывалый наплыв жаждущих присутствовать студентов.

Она улыбнулась, показав свои брекеты. Мимо нас проталкивались вновь пребывающие студенты.

— Я как раз хотел отметить, что не ожидал увидеть такое количество студентов, интересующихся наукой. Кто ваш следующий гость? Музыкант или кто-то из этой области?

— Нет... Подождите, она была где-то недалеко. — Мисс Милз развернулась, привстав на цыпочки, и попыталась осмотреть толпу сверху. — О, вот и она!

Я проследил за ее взглядом.

— Вы, должно быть, шутите?

Там, куда указала мисс Милз, стояли два студента: один с дредами до земли, другой с розовым ирокезом на голове, а между ними я увидел Аферистку собственной персоной, позирующую для селфи.

— Мисс По! — позвала ее руководитель мероприятия.

В это время охрана университета стала призывать всех к порядку и просила продвигаться в сторону холла.

Аферистка увидела нас, и ее карие глаза расширились от удивления.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, подойдя к нам.

И опять воспоминания: «*Ну почему, Господи, почему?!*»

— Я хотел спросить у тебя о том же.

— Вы знакомы?! — Организатор захлопала в ладоши от радости. — Это прекрасно. Не могу дождаться открытых дебатов.

— Дебатов? — спросили мы с ней одновременно.

— Я так понял, что речь будет строиться вопросов от студентов и моих ответов на них.

— И я поняла все именно так.

— Правда? Мы сообщим об этом заведующему кафедрой, мистер Дэвенпорт, и вашему агенту, мисс По. Суть мероприятия заключается в разрешении вопросов, о которых выпускники научной кафедры и кафедры гуманитарных наук спорят по сей день. Они надеются, что вы оба ответите на их бесчисленные вопросы. Ну а поскольку вы — друзья, уверена, у нас получится провести здоровую дружескую дискуссию. Следуйте за мной, — практически на одном дыхании выпалила мисс Милз.

Никто из нас не догадывался, как понимать ее слова, пока мы не прошли сквозь двери, ведущие к подиуму, где уже стояли ожидающие нас три красных кресла. Толпа, которая еще недавно была единой, теперь разделилась на два лагеря: гуманитарный и научный. Различия между ними были очевидны. И Аферистка, и я, не осознавая этого, своим собственным видом олицетворяли каждый свой лагерь. Я был в деловом костюме, она же в более живой и комфортной одежде.

— Леди и джентльмены! Для меня большая честь представить вам наших первых выступающих сегодня, — объявила мисс Милз, ожидая нас в своем кресле на сцене.

— Это ужасная идея, — прошептала Аферистка.

— Наш первый гость — один из самых молодых нейрохирургов в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка. Он окончил Нью-Йоркский Университет, а затем получил высшую квалификацию в Йельском Медицинском Университете. Леди и джентльмены, пожалуйста, встречайте доктора Илайя Дэвенпорта.

Левая половина аудитории поднялась на ноги, приветствуя меня аплодисментами.

— Удачи! — пожелал я Аферистке, прежде чем поднялся на подиум. Поприветствовав аудиторию, я пожал руку мисс Милз и присел в свое кресло.

— Наша вторая гостья также закончила Нью-Йоркский Университет, и именно в нашей арт-галерее дебютировала ее первая крупная работа «Кричащие в городе». С тех пор ее картины и фотографии украшают уголки всего мира. Журнал «Таймс» назвал ее Ансельмом Кифером своего поколения². Леди и джентльмены, встречайте мисс Гвиневру По.

Я думал, что аплодисменты, которыми встречали меня, были оглушительными. Однако сейчас студенты-гуманитарии буквально сошли с ума. Стуча ногами и хлопая руками, они приветствовали ее так, словно она решила проблему голода во всем мире или как минимум нашла лекарство от рака.

Она вышла с широчайшей улыбкой на лице, помахала двумя руками и даже поклонилась аудитории.

Я закатил глаза.

— Удачи! — передразнила она меня, наконец закончив себя представлять и усевшись в кресло.

Мне хотелось стереть с ее лица этот взгляд.

— Спасибо за то, что пришли, — сказала ведущая, передавая нам микрофоны.

— Нет проблем, — радостно ответила Аферистка.

Я бы не сказал «нет проблем». Я мог бы в это время спасти чью-нибудь жизнь, но...

Охи и смех раздавались в моем секторе.

Аферистка взглянула на меня и кивнула, словно соглашаясь с чем-то.

² Ансельм Кифер — немецкий художник и скульптор.

Ну что же, игра началась!

Гвиневра

Так он хочет поиграть? Только что дав себе слово не опускаться до его уровня, я оказалась здесь, на ринге, с этим... этим мужчиной... опять. Я прожила в Нью-Йорке много лет, и раньше он никогда не казался мне таким маленьким, как в последние несколько недель. Я ну никак не могу отвязаться от этого придурка.

— Приступим? — спросила нас мисс Милз.

Мы оба кивнули, поворачиваясь лицом к студентам.

— Прошу вас не забывать, что все вопросы должны быть заданы в вежливой форме. Мы планируем осветить тему со всех сторон, и начнем с вопросов *научного отделения*.

В ответ раздались тихие возгласы недовольства, полагаю, со стороны «креативных».

Первой со своего места встала студентка с тугим хвостиком, консервативно одетая в черные брюки и наглухо застегнутую рубашку.

— Мой вопрос мистеру Дэвенпорту. — Она внимательно посмотрела на него. — Верите ли вы в то, что благодаря масс-медиа наше поколение особенно заблуждается в вопросах, касающихся жизни артистов?

Раздался гул голосов недовольных вопросом, но все ждали ответа. Доктор расслабленно сидел в своем кресле с еле уловимой усмешкой на губах.

— Конечно, — сказал он.

Примерно представляя, какой бред он сейчас будет нести, мне захотелось прикрыть свои уши.

— Я хочу спросить, действительно ли каждому из вас в этой аудитории в будущем представится возможность стать следующей Леди Гагой или Ансельмом Кифером? Конечно же, нет. Проблема любого вида искусства заключается в том, что его невозможно контролировать. Какими бы талантами вы ни обладали, ваш заработок будет зависеть от множества факторов: во-первых — заметят ли вас, во-вторых — от вашей популярности. Уверен, что на свете существует великое множество таких же талантливых художников как Мисс По, если даже не лучше. Но ни один из них просто не был замечен. В отличие, например, от мира науки, в котором вы получаете признание, которого достойны, только если станете лучшим в своем деле.

Услышав, что высказанные им бредовые рассуждения заслужили аплодисменты студентов, я задумалась о будущем нашей страны.

— Могу ли я ответить? — спросила я у ведущей.

— Пожалуйста.

Я вздохнула и засучила рукава.

— Я обещала себе попробовать сдержаться, так как очень часто, когда я говорю людям правду, им становится больно.

Зал рассмеялся, и я улыбнулась им.

— В любое время, мисс По, — сказал он, отпив воды из стакана.

— Что ж, доктор Дэвенпорт, ваше высказывание лишь в очередной раз подчеркнуло фундаментальную разницу между нами. Вы ищете признания в своей работе. И, не поймите меня правильно, я ни секунды не сомневаюсь, вы любите свое дело, но также я уверена в том, что вы не идете на работу каждый день в надежде спасти как можно больше жизней. Для вас это лишь способ сделать себе имя в своей профессии. Для таких как я не имеет значения, знают ли люди о моих достоинствах. Мое искусство существует не для кого-то, а для меня самой. Так я выражают свой внутренний мир, когда рисую или фотографирую. Именно это дает мне истинное удовлетворение от работы. Это может показаться пугающим для людей, которым нужен заведомо определенный путь в жизни, так называемый набор из десяти конкретных шагов в карьере, но мы, творческие натуры,

сами создаем свой путь и ставим перед собой цели и ограничения. Мы живем в разноцветном мире, мой друг!

— Да! — прокричал кто-то из моего сектора, и я подмигнула им.

— Следующий вопрос.

Ведущая указала на кого-то из артистического сектора. Встал студент.

— Мой вопрос адресован мисс По, — произнес он в микрофон.

Я вспомнила, что недавно фотографировалась с ним. Его дико-розовый ирокез было трудно не заметить.

— Что вы думаете по поводу нашей системы образования, которая поощряет развитие науки и вместе с тем уже в который раз сокращает бюджет на развитие искусства?

— Мне стыдно. Я живу в обществе, которое обманывает себя, веря в то, что оно не нуждается в искусстве. Дизайн университетской рубашки, которая сейчас надета на вас, создан художником. Расположение этого холла, в котором мы собирались, придумано художником, который потратил на это свое время. Искусство повсюду, и, не понимая этого, система образования сама лишает себя своей сердцевины.

— Отчасти я согласен с вами, — Илай обратился к студентам. — Развитие науки крайне важно не только для нашей экономики, но и для поддержания статуса развитого общества. На сегодняшний день Америка занимает тридцать первое место в мире по математике и двадцать третье в науках. Как же можно не обращать на это внимание? Если вы хотите стать вольными художниками, прекрасно, но почему бы вам параллельно не заняться изучением, например, химии? Многие студенты не хотят этого, говоря: «У меня гуманитарный склад ума, мне не нужно это изучать».

— Интересная мысль! Тогда позвольте спросить вас, доктор Дэвенпорт, когда в последний раз вы что-то рисовали или как-то еще проявляли себя в искусстве? — перебила я, заставляя его посмотреть на меня. — Вы утверждаете, что художник должен быть всесторонне образован, и я не вижу в этом ничего плохого. Но что в таком случае вы можете сказать о людях науки? Сколько студентов выбирают уроки искусства для легкого получения высоких баллов, а на деле даже не умеют рисовать? Когда лично вы в последний раз что-либо рисовали?

Он кивнул.

— Тушь.

— Следующий вопрос.

Встал другой парень, одетый в жилетку, бабочку и очки.

— Мой вопрос доктору Дэвенпорту. Я тоже хочу стать доктором, но пока не уверен, в какой области буду специализироваться. Знаю, что следующие четыре года моей жизни пройдут в медицинской школе, после этого будет интернатура или что-то еще. Скажите, когда же вы находите время для свиданий? Или об этом можно забыть до окончания медицинской школы?

Услышав этот вопрос, я тут же повернулась к Илаю. Несмотря на его смех, я видела, насколько ему было некомфортно.

— Простите, глупый вопрос.

— Нет, все в порядке. Просто... — Илай замолчал, выпав на секунду из реальности.

— Свидания возможны, — ответила я вместо него, обведя взглядом студентов. — В конце концов, ему до сих пор удается быть со мной.

Помещение заполнили оглушительные охи, свист и смех.

Илай смерил меня таким взглядом, будто бы я лишилась рассудка.

— Вы встречаетесь? — мисс Милз наклонилась ко мне, ожидая услышать большую тайну.

Я еще раз взглянула на него, втайне надеясь, что он прочтет мой замысел по глазам.

— Да! Даже и не знаю, как это произошло. Сначала мы были просто соседями, а потом вдруг оказались в отношениях.

Он засмеялся, но внутри, я точно это видела, он орал на меня. Сарказм в его голосе был слышен только мне.

— Вот вам и пожалуйста, слияние правого и левого полушарий, — проговорила ведущая.

— По-це-луй! По-це-луй! — принялась скандировать толпа студентов к моему собственному ужасу. Это было похоже на дыру, в которую мы случайно попали, и она затягивала нас все сильнее и сильнее.

Когда я повернулась к Илаю, он одним быстрым движением мягко поцеловал меня в губы и сел обратно в кресло, принимая аплодисменты.

Что это сейчас было, черт возьми?

Илай

— Что это было, черт возьми? — Я орал на нее, когда мероприятие закончилось, и студенты покинули аудиторию.

— Не знаю! Ты же не ответил на вопрос, и мне стало жаль...

— Кто просил тебя жалеть меня? Я выгляжу жалким?!

— Значит, встречаться со мной, по-твоему, недостойно? — заорала я в ответ.

— Да! Особенno, если сравнивать, с кем я встречался до этого! Она была не только красива, но еще и чрезвычайно умна. Одним словом, девушка высокого класса. Как ты можешь сравнивать себя с ней?

Слова слетели с моих уст прежде, чем я успел заткнуться.

Она посмотрела в сторону, на мгновение сомкнув губы, затем высоко подняла голову и посмотрела прямо мне в глаза.

— Я поняла тебя. Я жалкая и недостойная... Но что ты можешь сказать о себе? Кажется, и ты не оказался удостоенным ее любви. Должно быть, именно чрезвычайный ум заставил ее бежать от тебя так быстро, да не оглядываясь, — прошептала она и прошла мимо меня к выходу.

Идиот! Я нанес ей удар ниже пояса, и она ответила мне тем же.

Глава 4

Бракованные игрушки

Гвиневра

— Гвен?

Катрина щелкнула пальцами у меня перед глазами. Быстро моргнув, я увидела небольшую чашку чая перед собой.

— Спасибо.

Катрина сидела за столом, сложив руки на документах. Ее офис, выполненный в черно-белой гамме, выглядел весьма стильно.

— У тебя все в порядке? — спросила она, переключая мое внимание на себя.

— Да, в полном. Просто утром я беседовала со студентами и рассказывала им, как здорово быть мной. — Я попыталась заставить себя улыбнуться.

— Может быть, это сделает твой день чуточку лучше.

Катрина пододвинула ко мне документы.

— Все, что нам нужно — это твоя подпись в документах, и ты будешь свободна от контракта. Они согласились на все наши условия и выплатят тебе выходное пособие, причем значительно превышающее сумму, которую мы обозначили... Ты не рада?

Глубоко вздохнув, я поставила чашку на стол и взялась за ручку.

— Все, что мне нужно сделать, — это поставить подпись, правильно?

— Да, они со своей стороны уже подписали.

Когда она сказала *они*, она имела в виду *его*.

Я взяла документ, воткнула ручку в его середину и провела до самого низа, разрывая бумагу.

— Что ты делаешь?

— А что? Я сделала что-то не то?

— Что?

— Я сделала что-то не то? Такое ощущение, что именно я виновата в сложившейся ситуации! Так почему же тогда я должна бежать? От меня хотят откупиться?! И все, что от меня требуется, — это по-тихому принять деньги, заткнуться и исчезнуть?

— Гвен...

— Сколько еще я должна отработать по контракту?

— Пять месяцев. Но, Гвен?..

— Я отработаю этот контракт до конца и только потом уйду, поэтому позвони ему и скажи, что я жду новый проект.

Я поднялась, схватив свои вещи.

— Гвен! Остановись на секунду! — Катрина подошла ко мне. — Я понимаю тебя, действительно понимаю. Но не стоит проходить через эмоциональное унижение во имя своей гордости. В том, что ты закрываешь эту страницу своей жизни, ничего неправильного нет. Это вовсе не значит, что ты убегаешь.

— А мне кажется, что все выглядит именно так, будто мне стыдно за что-то. Да, я закрываю страницу, но мне нужно это сделать с позиции силы. Пять месяцев... Я смогу это пережить, тем более мне не придется бывать там каждый день. Возможно, понадобится всего три или четыре съемки. Спасибо за твое участие, но, пожалуйста, сделай то, о чем я тебя попросила, сообщи им.

— Договорились, я им позвоню.

— Спасибо.

Я вышла из офиса. На выходе мне каким-то чудесным образом удавалось «держать лицо», но в лифте, наедине с собой, я без сил прислонилась лбом к стене.

«Она не только красива, но еще и чрезвычайно умна. Словом, девушка высокого класса! Как ты можешь себя с ней сравнивать?»

Его слова разъедали мне душу, как соль разъедает рану. Хуже всего было не то, как глубоко он ранил меня, а то, что я не могла злиться на него. С чего бы это? Ну и что, что он невысокого мнения обо мне? Ведь он для меня никто, и я для него пустое место. Похвально, что он так уважительно отзывался о своей бывшей. В конце концов, он ведь хотел жениться на ней, поэтому именно так и должен был думать.

Разве муж или жена — это не те люди, которым мы должны быть преданы до конца жизни? Не должны ли они стать идеалом для нас? Вот и она показалась ему идеальным человеком. Самым мучительным в этой ситуации было то, что мой идеальный человек, мой Бэш тоже решил, что я недостаточно хороша, хотя я стала для него самым близким человеком. Он видел меня в лучших и худших жизненных обстоятельствах, и все-таки в его глазах я не стала самой красивой и умной. Это просто убивало меня.

Идя к велосипеду, я вглядывалась в лица людей, проходящих мимо, стараясь отвлечься от тяжелых мыслей. Вытащив камеру, я сделала несколько снимков. Через объектив мир казался куда привлекательнее. Может быть, это потому, что у меня получалось увлекать прекрасное мгновение? Нью-Йорк чрезмерно заселён, люди все время куда-то спешат, толкаясь, но на самом деле не видят друг друга.

Передвигаясь на велосипеде, я наслаждалась легким бризом. Мне не терпелось скорее сесть за рисование. К счастью, путь домой не был долг.

Подъехав к дому, я подкатила велосипед к входу в здание, и вдруг мимо меня словно ураган пронеслась маленькая девочка, бросившая своего медведя и едва не сбившая меня с ног. Лапа медведя была оторвана, ему не хватало одного глаза, и из его спины торчал наполнитель.

— О, извините, пожалуйста. Она просто слишком возбуждена, — светловолосый мужчина с легкой щетиной на лице посмотрел на меня сквозь толстые стекла черных очков, сидящих у него на носу. Он был похож на «ботаника», но весьма симпатичного.

— Все в порядке. Возьмите, она уронила. — Я отдала ему медведя.

— Вы новенькая из квартиры 34В, да? — Он протянул мне руку. — Я Тоби Уэсли из 32-й, двумя этажами ниже. Приятно познакомиться.

— Гвиневра По, но называйте меня Гвен. Приятно познакомиться с вами. — Я пожала его руку.

— ПАП! — прокричала девочка у входа.

— Добро пожаловать! — сказал он и заторопился к дочери.

Я улыбнулась, видя, как медвежонок беспомощно торчит у него подмышкой, и направилась к лифту.

Последнее, что я ожидала увидеть, поднявшись на этаж, — Илая, сидящего у двери квартиры с бутылкой вина и пакетом продуктов. Вместо костюма на нем были надеты темные джинсы и застегнутая на все пуговицы рубашка.

Он не посмотрел на меня, и я, не говоря ни слова, прошла к своей квартире, продолжая изумляться тому, что меня как-то угораздило стать его соседкой.

— Прости меня, — произнес он, когда я уже вставила ключ в замочную скважину.

Оглянувшись, я осмотрела холл, думая, что здесь есть кто-то еще.

— Да, я разговариваю с тобой. — Он поднялся с пола и повернулся ко мне лицом. — Прости меня за то, что я наговорил тебе, это было... Я вел себя, как задница... Я пришел помириться с тобой. — Он указал на вино и пакет.

Отвернувшись, я открыла дверь.

— Я в порядке!

— Уверен, что это не так.

Я почувствовала нарастающее раздражение.

— Я знаю, что ты не в порядке, потому что и сам далеко не в порядке. Мы говорим «все нормально», а на самом деле просто не знаем, как себя чувствуем в данный момент. Еще труднее объяснить это другим людям.

Я бросила на него взгляд. Он опять показал мне бутылку вина.

— Ты же вроде бы доктор? Не должен ли ты сейчас быть на работе вместо того, чтобы пить в середине дня?

— Да, должен. Но я целый месяц вкалывал, не вылезая из больницы, вместо того, чтобы наслаждаться своим медовым месяцем. Так что... я отработал больше, чем положено, — искренне ответил он.

В его глазах читалась абсолютная потеряянность, как и в моих, и я испытала прилив понимания и человечности, которые оказались способны заставить меня пить с человеком, которого я даже не знала.

Я открыла дверь, приглашая его войти, и поставила велосипед у стены.

— У тебя до сих пор нет мебели, — констатировал он, оглядывая пространство вокруг себя.

Он прав, моя квартира выглядела голой. В гостиной на стене одиноко висел телевизор, и еще на подоконнике огромного окна, из которого был виден весь город, лежала подушка. В этом месте я любила сидеть.

— Меньше мебели, больше пространства для работы, — ответила я, снимая туфли, и направилась на кухню. — Зато у меня есть бокалы!

— У тебя разве нет студии или чего-то в этом роде? — он принялся осматривать квартиру.

Я не была уверена в том, что он хочет найти.

— Есть, но дом меня вдохновляет больше. Проще рисовать здесь, чем каждый раз мчаться в студию. Я использую ее для проектов помасштабнее. Почему ты спросил? — Я протянула ему бокалы и штопор.

Он пожал плечами.

— Не могу понять, как ты всем этим зарабатываешь.

— Все это — моя работа...

— Не хочу снова показаться задницей, просто интересуюсь.

Он открыл вино и наполнил бокалы.

Так значит, вести себя как задница — его природный недостаток.

Взяв бокал, я прошла в гостиную и устроилась на подоконнике. Он последовал за мной, обойдя спящего Тайги, который лежал возле двери и дрыгал лапами во сне. Илай усился на полу напротив меня, но никто из нас не решался заговорить. Неожиданно Тайги пукнул во сне, и я расхохоталась, увидев лицо Илая.

— Да, отличный способ разрядить обстановку! — произнес он, кивнув в сторону собаки. — Честно говоря, я не верил, что мне удастся извиниться. Думал, ты захлопнешь дверь прямо перед моим носом.

— Мне очень этого хотелось, — ответила я и отпила вино.

Какое вкусное!

— Хорошее вино, не правда ли? — улыбнулся он.

— Нормальное, — нахмутившись, я пожала плечами.

— Тогда почему ты до сих пор продолжаешь облизывать губы?

Черт тебя подери!

— А мне и правда стоило захлопнуть дверь перед твоим носом. — Я отпила еще немного.

Он прислонился к окну.

— Так почему ты не сделала этого?

— Честно?

Он кивнул.

— Просто не смогла, услышав твое признание, что вместо своего свадебного путешествия ты ушел с головой в работу.

— Понятно. Снова пожалела меня. — Он скривился, допив свой бокал, и наполнил его опять.

— Вовсе нет. Как я могу? Мы с тобой оказались в одной лодке, это больше похоже на понимание. Например, как сейчас, ты просто понял, что мне плохо.

Мы снова замолчали.

— Знаешь, — мягко добавила я, допивая свой бокал, — а ведь мы так и не были представлены друг другу по всем правилам. Я ничего о тебе не знаю.

Он налил мне еще вина.

— Меня зовут Илай Дэвенпорт. Рост сто восемьдесят четыре с половиной, вес восемьдесят три килограмма. Два дня назад, двадцать третьего июня, мне исполнился тридцать один год. Работаю нейрохирургом в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка. У меня есть младший брат, который и познакомил мою невесту с ее любовником, после чего она сбежала с ним в день нашей свадьбы. Приятно познакомиться.

Я рассмеялась и выпрямилась, собираясь представиться.

— Гвиневра По. Рост ровно сто семьдесят пять, вес — не твоего ума дело. С тринадцатого февраля мне двадцать четыре года. Я — художник и фотограф. Мой жених пригласил меня на одну свадьбу и сбежал оттуда с невестой, бросив меня там без возможности вернуться домой. Приятно познакомиться, Илай.

— Твое здоровье! — Он поднял свой бокал, и, чокнувшись, мы пригубили вино.

— Да, это действительно прекрасное вино. — Я взяла в руки бутылку, желая узнать название. — Солнце Красной Саванны? Никогда не слышала о таком.

— Его производил мой отец. Теперь это вино не найти в магазинах.

Он забрал у меня бутылку и снова наполнил наши бокалы.

— Кстати, а ты гораздо младше, чем я подумал сначала.

Я заметила, что он быстренько сменил тему, но не придала этому значения.

— И сколько, ты думал, мне лет?

Он быстро оглядел меня.

— Двадцать восемь или двадцать девять.

— Двадцать девять?!

— Достойные двадцать девять. — Он попытался спасти ситуацию. — В свою защиту хочу отметить, ты давала такие жизненные советы студентам, словно сама гораздо мудрее их. Ты закончила учебу, наверное, всего год назад?

— Три.

Я недовольно выпятила губы и отпила из бокала.

— А сколько лет *ей*?

Я понимала, что ступаю по тонкому льду, но по какой-то причине мне захотелось больше узнать о *ней*.

— Тридцать один.

Я недовольно откинулась на стену и удивленно вздохнула.

— Что?

— Бэшу всего двадцать семь! Разве парни не предпочитают девушек моложе себя? Должно быть, она — та еще штучка!

Услышав имя Бэша, он напрягся на секунду, а потом вынул свой телефон.

Я увидела на заставке их с Ханной совместную фотографию. Они обнимались, улыбаясь. С улыбкой на лице он выглядел совсем по-другому.

Илай повернул телефон так, чтобы я могла увидеть, как он, открыв настройки, попытался сменить заставку, но в последний момент передумал.

— У-у-у, я жалок! — Он отбросил телефон в сторону, грустно усмехнувшись.

— Не ты один. — Я достала свой телефон и показала ему заставку на нем.

— Это?..

— Да, та самая фотография, которую ты прислал мне, набив ему морду.

Я улыбнулась, глядя на фотографию, потом нахмурилась.

— Каждый раз, когда я смотрю на нее, испытываю небольшое удовольствие. Не значит ли это, что я до сих пор связана с ним? У меня своя жизнь, я обрубила все старые контакты, даже выбросила его подарки, но все еще привязана к нему?

Он взял мой телефон и протянул мне свой.

— Поменяй картинку и получи удовольствие от осознания того, что они не протянут долго вместе.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Потому что я думал об этом миллион раз с тех пор, как они сбежали. Когда им проводить время вместе? Ханна такой же трудоголик, как и я. Разрываясь между мной и больницей, у нее почти не оставалось свободного времени, и когда ей строить отношения? Проанализировав ситуацию, я понял, что у них нет отношений, только чистый секс. Должно быть, на самом деле увлекательно получать удовольствие, прячась, боясь, как бы их не застукали. Но настоящие отношения не могут основываться только на сексе, а страсть недолго длится. И если два здоровых человека еще могут получить классный секс, то поверь мне, он один не сможет восполнить пустоту и бессмысленность. Они могут не понимать этого пока, но позже осознание вернет их к реальности.

Он посмотрел на меня, продемонстрировав мой телефон с новой заставкой: картинкой детеныша панды.

— По крайней мере, я так думаю.

— Тогда я тоже буду почаше говорить себе это, — ответила я, в свою очередь, поменяв заставку на его телефоне.

— Не стыдясь, раскручиваешь собственный шедевр? — сказал он, забирая у меня свой телефон. Я поменяла ему заставку на одну из своих картин, написанных маслом, где изображен ребенок, стоящий под дождем.

— Так девушке надо что-то кушать, — пошутила я, принимая свой телефон обратно.

Неважно, насколько плохо закончились наши отношения с Бэшем. По крайней мере, я никогда не смогу сказать, что они были пустыми и бессмысленными.

Илай

Кряхтя, я повернулся на бок и дотянулся до телефона, который вибрировал и трезвонил на полу. Моя голова была готова вот-вот лопнуть. Ох, вчера я слишком много выпил.

— Доктор Дэвенпорт, — я зевнул в телефон.

— Илай, ты где? С тобой все в порядке?

Голос мамы прозвучал слишком обеспокоенно, особенно учитывая тот факт, что я давно вырос.

— Все в порядке, мам.

— Ты просто забыл о нашем бранче?

— Нет, а сколько сейчас?.. — Я наклонил голову и посмотрел на наручные часы: без четверти двенадцать. — Ох ты, черт!

— Чего ты так орешь? — спросила Гвиневра, свернувшаяся клубочком рядом со мной на полу. Половина ее лица была закрыта волосами, изо рта сочилась слюна.

«Прекрасная картина», —sarкастически подумал я, сев. Моя спина ныла после ночи, проведенной на полу.

— Кто это? — мама все еще оставалась на линии.

— Мам, а где ты сейчас? Я встречу тебя через двадцать минут.

— Я стою возле твоей квартиры.

— Что?! — рявкнул я, рванув к двери.

Я надеялся встретить ее на полпути к квартире, но, открыв дверь, увидел ее стоящей у моего порога. Она была одета в мягкий персиковый костюм, волосы зачесаны за уши.

Все еще с телефоном в руках и с тарелкой свежевыпеченных кексов, она повернулась ко мне в растерянности:

— А почему ты?..

— Что ты так разорался-то с утра пораньше? — Гвиневра, спотыкаясь, вышла из гостиной и подошла к двери. Она потерла глаза и зевнула. Тайги подбежал к ней и улегся возле ее ног.

Я уставился на Гвен, не в силах говорить, потом перевел взгляд на маму, чьи глаза расширились от понимания увиденного. Чтобы она там не надумала, мне это заведомо не нравилось.

— Мам, это Гвиневра По.

Когда я обратился к матери, увидел, как Гвиневра встрепенулась и дернулась в ее сторону.

— Э-э-э... Это все выглядит, конечно, ужасно... Мы только пили прошлой ночью, то есть я хочу сказать... блин... Ничего не было.

Она говорила долго и сбивчиво, вызвав у меня желание стукнуться головой о дверь и молить ее заткнуться.

Мама шагнула вперед и улыбнулась.

— Минутку, ты сказал Гвиневра По? Вы художница?

— Да, — ответил я. — И уверен, что у нее полно работы, к которой надо немедленно вернуться.

— Да, у меня много работы... — повторила Гвен.

Я вышел из квартиры Гвен, подталкивая маму в сторону моей квартиры.

— Нам пора идти...

— Подожди, — мама отодвинулась от меня. — У нас бранч в кафе на Пятой улице. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам. Я в течение нескольких недель пыталась попасть в вашу студию, но это абсолютно невозможно.

— Я непрезентабельно выгляжу.

Кто бы спорил!

Мама рассмеялась:

— Презентабельно? Для кого? Вы выглядите очаровательно!

При этих словах я кашлянул. Гвиневра глянула на меня и вновь посмотрела на маму.

— Не обращайте на него внимания. Он беспокоится, что я поставлю его в неудобное положение, а я испекла кексы.

Она передала один Гвиневре, чей взгляд сейчас молил меня о помощи. Я открыл рот, собираясь сказать хоть что-нибудь, но ничего не вышло. Потерев рот, я покачал головой, совершенно не представляя, что теперь делать.

Как нас угораздило уснуть? Мы пили и болтали всю ночь о нашей дерзкой жизни... Я смутно помню, как принес еще вина, прежде чем все потонуло во мраке.

— Хорошо. Как насчет такого развития событий: я встречу вас здесь через полчаса, так будет удобно? — Она добивала лежачего.

Они поболтали еще с минуту, и мама, отпустив Гвиневру, прошла в мою квартиру.

Уже внутри она больно стукнула меня по плечу.

— Мам!

— Прекрасно зная о том, как я влюблена в работы Гвиневры По, жить с ней по соседству и не сказать мне ни слова об этом?!

Закатив глаза, я прошел на кухню, где взял аспирин и воду.

— Потому что для меня она не Гвиневра По, а невеста того парня, который сбежал с Ханной.

— Что? Это она? — прошептала мама, медленно оседая на диван и вновь вспоминая ту сцену.

— Да, это она. Второй, после меня, самый униженный человек на моей свадьбе. Себастьян Эванс был ее женихом.

— О! Этот город преступно мал!
Это точно!

Глава 5

Фоновый шум

Илай

Я едва узнал Гвиневру, когда она вошла в кафе. Со стильно уложенными волосами, в красной хлопковой рубашке, выгодно подчеркивающей ее грудь, и белой юбке она выделялась среди посетителей. Может быть, это потому, что я никогда прежде не видел ее на каблуках, и теперь ее ноги казались мне длиннее.

— Что такое? — Подойдя к столу, она осмотрела себя.

— Ничего, просто впервые вижу тебя настолько великолепно выглядящей, — ответил я и отпил кофе.

— Как тебе удается одновременно и оскорбить, и сделать комплимент?! — Она нахмурилась и присела рядом.

В этот момент к нам подошла мама, и Гвен зачем-то снова встала.

— Прошу, не обращайте внимания на моего сына. Понятия не имею, куда подевались его манеры, — сказала мама, улыбаясь. Она поставила дымящуюся чашку перед Гвиневрой. — Я не была уверена, что вы любите пить, поэтому взяла капучино. Надеюсь, вы не против? Там уже скопилась длинная очередь.

— Конечно, нет. Спасибо вам большое, — вежливо ответила Гвен.

Все выглядело так, будто бы она просила маму о встрече, а не наоборот.

— Вы упомянули, что искали встречи со мной?

Мама печально улыбнулась.

— Да. Но я бы никогда не подумала, что именно может нас объединить.

— Мама председательствует в больнице и решила попросить тебя украсить ее стены росписью, — я попытался сменить тему разговора.

— Разрисовать стены?

— Я понимаю, вы — весьма занятой человек, но, прошу, подумайте об этом. Вы даже не представляете, насколько близки мне ваши работы. Илай не очень-то понимает искусство. Он думает, что я сошла с ума, купив вашу картину «Шепот востока». Она затронула меня до глубины души.

— Вот по этой самой причине он теперь и называет меня Аферисткой, — рассмеялась Гвен.

Мама перевела на меня свой изумленный взгляд.

— Аферисткой?

Надо ведь было ей поднять эту тему прямо сейчас?! Решив ничего не отвечать, я отпил еще кофе.

— Не могу поверить, что именно вы приобрели эту картину. — Гвен выпрямилась. — Я была удивлена, когда узнала, что ее вообще продали. Я совершенно не рассчитывала, что кто-то еще, кроме меня самой, почувствует эту картину.

— Я читала, что вы написали ее после смерти бабушки и дедушки? Вы сказали, что тяжело восприняли их потерю, будто бы и вовсе перестали дышать. Пережив смерть своего мужа, я все поняла, впервые увидев ее.

На секунду я снова увидел то выражение на мамином лице, которое не видел ни разу за последние двадцать лет... С тех пор, как умер отец. Рядом с нами ей всегда удавалось выглядеть счастливой и оптимистичной. Подрастая, я стал чаще задумываться над тем, как ей удавалось справляться и жить дальше? И только теперь я понял, что вся ее веселость была напускной.

Гвиневра обхватила руками чашку с капучино.

— Бабушка и дедушка значили для меня много больше, чем я способна выразить словами. Написание этой картины на самом деле оказалось на меня терапевтический

эффект. И я бесконечно рада, что она попала в хорошие руки. Что же касается росписи стен в больнице, мне будет нужно осмотреть помещение и обсудить это со своим агентом. Я была бы счастлива принять ваше предложение и расписать стены, миссис Дэвенпорт.

— Правда? — Мама искренне улыбнулась и взяла ее за руку. — Спасибо Вам. Илай сможет показать фронт предстоящей работы в любое удобное для вас время.

— Что?! — Гвиневра легонько пнула меня ногой под столом. — Здорово! Уверен, мы найдем время для этого.

— А теперь мне пора бежать на встречу. Пожалуйста, держите меня в курсе.

Мама встала, и я тоже поднялся, помогая ей отодвинуть стул.

— О, нет, пожалуйста, допивай спокойно свой кофе. Увидимся позже. И еще, Илай, позвони брату!

— Да, мама.

Она помахала нам рукой, уже болтая с кем-то по телефону. Водитель распахнул перед ней дверь кафе и кивнул мне, выходя следом за ней.

Когда мама ушла, Гвиневра откинулась на сиденье, глубоко вздохнула и, расслабившись, поставила локти на стол.

— Почему ты так волновалась?

— Я всегда нервничаю, когда рядом со мной родители или кто-то старше пятидесяти. Точнее объяснить не могу, просто мне сразу хочется им понравиться.

— Почему? — Я с трудом подавил смех.

— А ты хотел бы оказаться тем человеком, которого ненавидят старики?

Я не знал, что на это ответить.

— А ты странная, Гвиневра По.

— Пожалуйста, называй меня Гвен. Кстати, не хочешь выпить мой кофе? У меня на него аллергия.

У тебя что?

— Так зачем же ты взяла его?

— Твоя мама купила его для меня, и я не хотела показаться грубой.

— Гвиневра, я уверен, если бы ты сказала ей, что не хочешь кофе, она бы не обиделась. Насколько серьезна твоя аллергия?

— Я просто его не перевариваю. Если выпью, сразу начинает болеть голова и даже опухает лицо. Но это не страшно...

Но это не страшно?

— И, пожалуйста, называй меня просто Гвен.

— Нет, — сказал я и поднялся со стула. Оставив оплаченный счет на столе, я выбросил кофе в ведро для мусора и вышел.

Она проследовала за мной на улицу, звонко цокая каблуками.

— Почему нет?

— На это есть три причины, — ответил я, сворачивая за угол.

— Какие же?

— Во-первых, тебя жутко раздражает, когда тебя называют полным именем. — Я довольно ухмыльнулся.

Она хлопнула меня по плечу, когда мы стали переходить дорогу.

— Разве ты не хочешь узнать оставшиеся две причины?

— Я и так их уже знаю: ты — задница и еще раз задница.

Не обращая на это внимания, я продолжил.

— Во-вторых, если я стану называть тебя сокращенным именем, это будет означать, что мы с тобой подружились. И, в-третьих, если я буду так тебя называть, ты можешь влюбиться в меня, а мне бы не хотелось разбить тебе сердце.

Она резко остановилась, когда мы пересекли улицу, и измерила меня колючим взглядом.

— Ха! Мечтать не вредно!

— Что означает твое «Ха»?

— А то и значит. Если мельком взглянуть на тебя, причем с дальнего расстояния, и ты при этом не будешь раскрывать своего рта, только в таком случае, может быть, ты сможешь сойти за симпатичного. А пока не тянешь.

— Ну, разумеется! Можно подумать, ты — мечта поэта, особенно со слюнями, вытекающими из твоего рта, как этим утром.

Ее глаза распахнулись от удивления.

— Не может такого быть!

— Я был там и видел все своими собственными глазами. Даже у твоей собаки не вытекло столько слюны.

Конечно же, я привирал, но было чертовски приятно наблюдать за выражением неподдельного ужаса, исказившим ее лицо. Гвен оказалось так легко задеть!

— Ты... да ты просто современная версия Прекрасного Принца, — отрезала она.

— У меня много... — Мой голос мгновенно оборвался, когда я увидел ее фотографию в витрине галереи напротив. «Гвиневра По: Герои, Бунтари и Воры», — гласила надпись.

— Ого, открытие совсем скоро. Со своими проблемами я совершенно забыла об этом, — прошептала она, перейдя на обочину и принимаясь рассматривать саму себя в окнах. — Ты можешь поверить? Я год работала над этим проектом, и из-за одного говнюка забыла обо всем на свете.

— Пожалуй, стоит заглянуть сюда на следующей неделе, после открытия.

Гвен повернулась ко мне.

— Не стоит изображать вежливость, тебе это не идет. Все в порядке, я же знаю, что это тебя не интересует.

— Нет, я просто хочу узнать, на что мама тратит деньги, и достойно ли это того, чтобы оказаться на стенах моей больницы.

Она нахмурила брови.

— Что такое? Ты сама попросила меня не изображать вежливость.

— А почему бы нам не заглянуть на выставку прямо сейчас? Если только ты, конечно, не торопишься растоптать еще чью-нибудь гордость.

— До завтрашнего дня я совершенно свободен, веди, — ответил я и шагнул следом за ней.

Мне было крайне любопытно, чем же работы Гвиневры так сильно полюбились маме. Даже узнав, кто такая Гвиневра По, и какие обстоятельства свели нас вместе, мама продолжала сходить с ума от ее творчества. Именно это стало единственной причиной моего желания увидеть все самому.

Гвиневра

Даже зная, что он ничегошеньки не соображает в искусстве, я все равно нервничала. Я тряслась каждый раз, когда демонстрировала другим свои работы. Мое творчество — это часть меня самой. Каждый раз, выставляя свои работы на суд публики, мне казалось, будто бы на всеобщее обозрение выставлена моя душа. И если публика отвергнет их, она не примет и меня.

— Добро пожаловать, леди Гвиневра. Не ожидал сегодня увидеть вас здесь.

Мистер Д'Амур, владелец этой галереи и нескольких других по всему миру, опираясь на деревянную трость, встретил нас у входа. Это был невысокий, горбатый, загорелый мужчина из французского городка Ле-Ман. Его лицо было испещрено морщинами такой же глубины, как Гранд-Каньон. Он стал в своем роде моим наставником, одним из первых, кто поддержал меня, и единственным человеком, который категорично отказался называть меня коротким именем Гвен.

Обняв его, я ответила:

— Зашла на минутку, хочу показать свои работы моему личному критику.

— Критику? — удивился он.

Я отодвинулась, чтобы он смог увидеть Илай, вставшего позади меня с заложенными за спину руками и внимательно разглядывающего на потолке сменяющие друг друга фотографии людей разных рас и народов, которые махали рукой в камеру или показывали знаки «мира» и «ок».

— О! — возмутился Илай, когда я толкнула его локтем в бок, чтобы он обратил на нас внимание.

— Илай, Мистер Д'Амур. Мистер Д'Амур, Илай Дэвенпорт.

— Только мужчина без сердца может оказаться критиком леди Гвиневры По, — похвалил меня Мистер Д'Амур.

Я кивнула в знак согласия.

Голубые глаза Илая коварно блеснули, а губы сложились в ироничную улыбку.

— Леди Гвиневра По? Кажется, вы оба достаточно дружны? Так не думаете ли вы, что можете быть слегка необъективны?

— Давайте посмотрим, останетесь ли вы при своем мнении после осмотра выставки? — ответил ему мистер Д'Амур, когда один из сотрудников подошел к нему. — Пожалуйста, не торопитесь. Имейте в виду, расстановка полотен еще не закончена, — добавил он, уходя.

— Спасибо! — Я помахала ему вслед.

— У тебя просто одержимые фанаты. А если мне что-то не понравится, меня заскидают камнями? — Илай приступил к осмотру выставки.

— Сделай так, чтобы тебе все понравилось.

— Ты требуешь слишком много, леди Гвиневра, — добавил он изdevающимся тоном. — Ну что ж, пожалуй, начнем мое просвещение.

Закатив глаза, я подошла к началу галереи. Потолок был низким и куполовидным, что выгодно оттеняло фотографии, размещенные здесь. Свет мягко рассеивался на снимки и хорошо освещал картины. Пол был черным и таким блестящим, что я могла увидеть в нем свое отражение. Прежде чем подойти к первой картине, зрителям предлагалось надеть наушники.

— Хм, — Илай сделал шаг назад, рассматривая мою первую картину и поглаживая при этом подбородок.

Я схватила наушники и надела их ему на уши.

— Не пытайся понять, просто смотри на них... молча, пожалуйста.

Он настоящая заноза в заднице!

Илай

После длительной тишины в наушниках зазвучала музыка. В первые несколько мгновений мне показалось, что я оглох и не могу слышать себя. Постепенно мягкая мелодия полилась мне в уши.

Гвен взяла меня за руку, и мои глаза немедленно сфокусировались на наших соединенных вместе руках. Закатив глаза, она отпустила мою руку, показав в сторону следующей картины.

Когда я подошел туда, то заметил, что музыка изменилась и стала громче. Я посмотрел на Гвен. Она кивнула, будто бы прочитав мои мысли.

Музыка менялась в зависимости от того, на какую картину я смотрел. *А это забавно!* Мысли в голове заструились против моей воли. Краем глаза я заметил ее насмешку и постарался сохранять невозмутимое выражение лица, медленно переходя к следующему полотну. Здесь я остановился и отошел немного назад, чтобы проверить, будет ли музыка меняться снова. К моему удивлению, да, музыка тут же поменялась.

Гвен, вставшая позади, шлепнула меня по руке, тем самым привлекая внимание к картинам. Я снова сосредоточился.

Музыку к следующей картине я бы назвал трагической. Полотно передо мной выглядело массивным, размером почти во всю стену. На нем были изображены красные, золотые и оранжевые завитки, вокруг которых танцевали безлицые силуэты. Заметив, что свет поменялся, я снова посмотрел на свод потолка, где крупным планом проецировалась фотография пожарного, который тушил горящий автобус. Пот градом катился по его лицу, руки крепко удерживали шланг... Прошла целая вечность, прежде чем я снова перевел взгляд на картину. И тогда я понял, что эти завитки — не что иное, как языки пламени, а безлицые фигуры вовсе не танцевали, они оказались загнанными в ловушку. Я почувствовал тяжесть в груди и отошел от картины.

С моим дальнейшим продвижением музыка изменилась, теперь я слышал что-то похожее на выстрелы или взрывы фейерверков. На этот раз картина стала более ясной — стычка между полицией и обычными гражданами. Всё вокруг было разрушено, казалось, вот-вот начнется ужасная бойня. Посмотрев на потолок, я увидел фотографию, где посереди невероятного беспорядка и хаоса, царившего повсюду, на улице целовались два подростка, спрятавшись за машиной. *Занимайся любовью, а не войной.* Я улыбался, проходя к следующей картине.

В наушниках зазвучал смех. На полотне был изображен старый продавец мороженого, грозящий зрителю поднятой палкой. Его мини-мобиль перевернулся, и все мороженое оказалось на земле. Я перевел взгляд на потолок. Там, на снимке, сияя улыбками во все лицо, от старика удирали три сорванца не старше семи лет с руками, нагруженными сворованым мороженым.

Отступив на шаг, я постарался увидеть сразу все три работы и услышать музыку, в которой смешались трагедия, выстрелы и смех.

— Герои, Бунтари и Воры, — громко произнес я, теперь постигая значение выставки. Вся экспозиция была разбита на группы из трех работ. Поняв, как это работает, я продолжил осмотр, чувствуя, что пространство засасывает меня, и мое любопытство только нарастает...

Не помню, сколько времени я провел возле этих картин, но каждая из них наводила меня на размышления, даже если я этого изначально не хотел. Гвен обладала способностью ухватить камерой человеческие эмоции на самом их пике. Вот ты страдаешь, но буквально через мгновение уже смеешься. Каждая эмоция всего лишь в шаге друг от друга.

Спустя два часа осмотр выставки был завершен. Я чувствовал себя эмоционально выжатым и потрясенным... Таких эмоций я не испытывал с момента собственной свадьбы.

— Ну что? — снимая с меня наушники, спросила она. — Я все еще остаюсь Аферисткой?

Она была чем-то.... Я не мог подобрать нужные слова, чтобы выразить свои чувства.

— Это было... лучше, чем я ожидал. Ты, конечно, не Джексон Поллок³, но твои работы выглядят очень достойно.

По правде говоря, мне было знакомо имя только этого художника. Как-то раз в одном старом учебнике мне попалось изображение его картины. Но сейчас я не был уверен, как лучше ей ответить, чтобы она не начала зазнаваться. С ней и так-то было весьма непросто.

Гвен усмехнулась и демонстративно погладила себя.

— Два комплименты за один день от доктора Дэвенпорта. Я сейчас просто умру от счастья!

— Когда это я успел сделать тебе комплимент сегодня? — Я попытался вспомнить.

³ Джексон Поллок — американский художник, представитель абстрактного экспрессионизма.

Она покружилась, держа свои каблуки в руках.

— Ты сказал, что я прекрасно выгляжу.

— Конечно, я же не выспался, — проворчал я. Мне совсем не нравилась то, как она сейчас улыбалась.

— Да, *разумеется*.... В любом случае благодарю за просмотр.

— Ему понравилась выставка? — Мистер Д'Амур подошел к нам, постукивая тростью.

— Бессспорно, но гордость мешает ему признаться в том, что мне удалось поразить его.

O, Боже!

— Может тебе стоит вести себя чуточку поскромнее? — спросил я.

— Обещаю поработать над этим вопросом.

— Если вы не будете против, я бы хотел украсть ее у вас ненадолго? — вмешался Мистер Д'Амур.

Я кивнул.

— Конечно, тем более мне сейчас нужна небольшая передышка. Увидимся позже.

— Я махнул ей рукой и вышел из галереи.

И только когда летний ветерок освежил мое лицо, я осознал, *что* только что натворил. *Увидимся?* *Помахал ей?* Когда это мы успели продвинуться так далеко? И я едва верил тому, что два часа к ряду провел в ее компании. Очевидно, теперь мы стали друзьями.

Гвиневра

Когда Илай ушел, мистер Д'Амур взял меня за руку, и мы прошли в ту часть галереи, которая еще не была организована до конца.

— Это еще не все твои лучшие работы, леди Гвиневра.

Он остановился перед пустой стеной, наблюдая за командой рабочих, бережно, словно ребенка, устанавливающих мою картину. Он с благодарностью посмотрел на них.

— Вы всегда это говорите, мистер Д'Амур, — улыбнулась я.

— Естественно. Если я перестану так говорить, это будет означать, что ты стала писать хуже. Одна из целей художника — создавать каждую последующую работу лучше предыдущей.

— Не уверена, что у меня это получается.

Иногда я впадаю в отчаяние.

— С тобой все в порядке?

— Что? — я удивленно посмотрела на него. — Ох, извините. Что вы спросили?

Он нахмурился, оглаживая свою бороду.

— Я спросил, все ли у тебя в порядке? Я слышал о твоей расторгнутой помолвке, Гвиневра, и с тех пор, дорогая, тебя у нас не было видно. Поэтому я и спрашиваю, как ты?

Интересно, сколько людей уже знают об этом?

Я попыталась улыбнуться, но по какой-то причине не захотела обманывать старика, как и не смогла посмотреть ему прямо в глаза. Я просто возобновила нашу неспешную прогулку по галерее.

— Простите, что исчезла и не наблюдала за проведением организационных работ. Я... я просто забыла... Единственная причина, по которой я все еще нахожусь в городе, — это мое творчество. Когда я впервые пришла сюда, меня волновало и интересовало все. Теперь я открываю другую безумно красивую галерею, а сама чувствую, что — всё! Приехала! Мне больше не мечтается так, как раньше. Я хочу все забыть и никогда больше не вспоминать и... не могу. Как думаете, когда я смогу освободиться от груза прошлого?

— Твое сердце разбито, Гвиневра. Нет такого лекарства, которое бы ускорило процесс заживления. Сначала ты должна это принять, а только потом начнешь выздоравливать. Ты и твое творчество, вы поможете друг другу. Если ты сомневаешься в моих словах, так об этом написаны миллионы песен.

Я рассмеялась. Он прав хотя бы потому, что сейчас, по истечении нескольких недель, ко мне вновь вернулась способность смеяться. Я позабыла о том, что, даже если твое сердце разбито вдребезги, мир вокруг не останавливается и не перестает существовать. Да, давно я не чувствовала себя так легко и хорошо. Да, мне все еще было горько и тяжело, но уже не смертельно. И это заставляло меня гордиться собой.

Глава 6

Боевое крещение

Илай

— Посмотри направо, — сказал я маленькой девочке с ярко-розовым бантом в волосах, когда она уселась напротив меня.

Она не поняла, куда я прошу ее посмотреть, и тогда я кивнул в том направлении головой. Улыбнувшись, она утвердительно кивнула мне в ответ, и взгляд ее теплых карих глаз переместился вправо.

— Теперь посмотри налево. Умница, Молли, спасибо. У тебя очень красивые глаза.

— Они у меня от мамы, — радостно ответила девочка.

Я бы мог назвать ее отца счастливчиком, однако увидел, что слова девочки сильно опечалили его.

— Мои интерны возьмут у тебя анализ крови, пока я поговорю с твоим папой, договорились? Если тебе будет больно, скажи мне, и я отправлю их обратно в колледж.

— Что?! — возмутился один из интернов позади меня.

Я пригласил ее отца проследовать за мной.

— С ней все в порядке? — спросил он, как только дверь кабинета закрылась за нами.

— Мистер Уэсли, как давно глаза Молли дергаются?

— Не могу сказать точно. Я заметил это, может быть, неделю или две назад. Это не часто происходит, только когда она их трет. Я думал, это какая-то инфекция или что-то подобное.

— Она недавно болела? Были рвота или жалобы на головную боль?

Он согласно кивнул.

— На прошлой неделе она переболела гриппом. Доктор Дэвенпорт, что-то не так? Мы пришли лишь на прививку.

— Я пока еще сам не уверен, и не хочу, чтобы вы понапрасну паниковали. Мы проведем полное обследование и как только получим точные сведения, я сразу сообщу. Мы постараемся сделать все быстро, ни один ребенок не должен проводить свой день рождения в окружении докторов, — улыбнулся я.

— Доктор Дэвенпорт, все готово, — сообщил один из интернов.

Доктор... о, не важно, как его зовут, я не запоминал их имена. Про себя я называл его просто Четырехглазым доктором, поскольку его очки увеличивали глаза до «мультяшного» размера.

— Готово, да? — Я подошел к девочке. — Молли, тебе было больно? Покажи, кого из них отправить обратно в колледж?

Она так сильно замотала головой, что ее бантик едва не свалился.

— Не-а, не было больно. Они мне дали конфетку.

Я взглянул на трех «докторов», которые дали взятку ребенку во время забора анализа. Все трое в этот момент дружно отвернулись от меня.

— Ну что же, постараитесь получить от них еще больше конфет, ведь сейчас они отправятся с тобой делать снимки, — заявил я, обращаясь в большей степени к ним, чем к ней.

— Снимки, а потом мы уйдем отсюда, да, папа? Ты обещал, что мы пойдем в аквариум. Я хочу увидеть, где живет Ариэль! — Она показала пальчиком на свою футболку.

— Делаем снимки и уходим, — засмеялся он, опускаясь на колени возле нее.

— Сделайте полное сканирование. Если там будет очередь, скажите, что вас направил доктор Дэвенпорт, — прошептал я интерну возле дверей.

— А если это не поможет? — спросила интерн с вечным пучком на голове, за что получила локтями в бок сразу от двоих: высокого и худого доктора Эластичный, как я любил его называть, и Четырехглазого доктора.

— А если это не поможет, тогда вы больше со мной не работаете, и не думайте о других вариантах, — ответил я и направился на пост медсестер. Вздохнув, я положил мои записи на стойку.

— Я была права? — Доктор Хандлер, педиатр Молли, подошла ко мне. Ее глаза пристально смотрели на Молли сквозь окошко кабинета.

Когда я не ответил, она повернулась ко мне, тряхнув темно-коричневым каре. Доктор Хандлер работала в больнице более двадцати лет. Она считалась одним из лучших педиатров, если не самой лучшей. Она уже и так знала ответ.

— Доктор Дэвенпорт...

— Да, у нее опухоль мозга. Я не могу с точностью утверждать, насколько это серьезно, пока не увижу снимки. Я не знаю, какая стадия, но ей трудно следить за моими пальцами и светом, не говоря уже о тике.

Молли только что исполнилось семь лет. Иногда я ненавидел свою работу.

— Илай, ее мама умерла в прошлом году, находясь на шестом месяце беременности. Пожалуйста, очень прошу тебя, сделай для нее все, что ты можешь, ладно? Она моя пациентка с трехмесячного возраста.

Я словно почувствовал, как она вдохнула в меня надежду. Она верила, и поэтому я тоже верил...

— Мы начнем завтра. Пусть сегодня она спокойно отпразднует свой день рождения, — прошептал я и направился к лифту.

Когда двери лифта открылись, я услышал смех... ее смех, справа от меня. Размахивая назад и вперед блондинистым хвостом с лестницы спускалась Ханна... моя Ханна. Она заправила выбившийся локон за ухо и повернулась в мою сторону.

Я буквально влетел в лифт, сразу же нажав кнопку закрывания дверей.

Почему она здесь? Какого черта она все еще здесь?

Единственный человек, который мог ответить на этот вопрос, находился на самом верхнем этаже. Поднимаясь с каждым этажом выше и выше, я чувствовал, как растет мое кровяное давление. Мои пальцы дрожали, поле зрения резко сузилось, мне стало казаться, что кабина лифта сжимается вокруг меня.

На одном из этажей двери лифта открылись.

— Садитесь в следующий! — рявкнул я и снова нажал на кнопку закрывания дверей перед группой удивленных докторов, тоже стремящихся попасть наверх.

Но я не мог сейчас находиться с кем-то рядом.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я добрался до ее этажа и офиса. Я приблизился к деревянным дверям.

— Доктор Дэвенпорт, у нее сейчас телефонная конференция...

Я не обратил внимания на слова секретаря и прошел прямо в кабинет.

— Что она здесь делает?! — заорал я так громко, что она подпрыгнула в своем кресле, едва не выронив телефон из рук.

— Бен, извини, пожалуйста, я перезвоню тебе чуть позже, — с улыбкой произнесла моя мама и положила трубку.

Затем она сердито посмотрела на меня.

— Илай Филип Дэвенпорт, ты с ума сошел?

— Нет, но вот-вот сойду. Как так вышло, что она до сих пор здесь работает?

— О ком ты говоришь? И перестань орать!

Тяжело вздохнув, я потер переносицу.

— Ханна. Ханна София Харпер. Я надеялся, что она больше не работает в больнице.

— А почему нет? — Мама совершенно спокойно положила руки на стол. — Она отличный доктор.

— Мама!

Не орать. Только не орать.

Я снова глубоко вздохнул.

— Мама, она не может здесь работать. Она...

— Потому что она оставила тебя? Разбила твоё сердце? Все это — личные причины, Илай. Я не могу уволить ее только поэтому, и ты об этом прекрасно знаешь.

Ты, верно, шутишь?

— Мама!

— Дорогой мой, как твоей матери, каждый раз видя ее, мне хочется свернуть ее тощую шейку и оторвать голову. Но как директор больницы я не могу быть вовлечена в сердечные дела наших докторов. Этот риск ты взял на себя, решив встречаться с ней. Доктор Харпер — хороший врач, а в нашей больнице работают только лучшие врачи.

— Когда она вернулась? — прошептал я.

— Неделю назад.

— Неделю?!

Мама скрестила руки на груди.

— Неделю назад я был здесь, почему же я ни разу не видел ее?

Не то чтобы я этого хотел...

— Потому что она попросила меня поставить ее на другой этаж и перевести на другой график. А ты? Что ты делал в педиатрии?

— Доктор Хандлер вызывала меня туда для консультации.

Снова потерев переносицу, я постарался не думать о том, что Ханна тоже не хотела встречаться со мной.

— Дорогой, попытайся избегать ее до тех пор, пока один лишь взгляд на нее не будет больше причинять тебе боль.

Я не справлюсь с этим.... И зачем я завел роман на работе? Никогда! Больше никогда! Мне нечего было ответить, поэтому я направился к двери.

— Илай! — остановила меня мама.

Не оглядываясь, я спросил:

— Да?

— Поверь мне, как только она оступится в работе, как только появится подходящий момент уволить ее, я это сделаю со скоростью ветра.

Она попыталась утешить меня, но это не помогло. Я знал, что Ханна не ошибается. По крайней мере, не до такой степени, чтобы быть уволенной за это.

Я думал, что знал ее.

— Извините за беспокойство, госпожа директор. Я заеду к вам на обед на этой неделе. — Я попытался улыбнуться, закрывая дверь за собой.

Я ненавидел это. Я ненавидел себя за то, что разрывался между желаниями больше никогда не видеть Ханну и случайно столкнуться с ней еще раз.

Почему?!

Гвиневра

— Ты справишься! — сказала я себе, глядя на пятизвездочный ресторан прямо перед собой.

Интуиция подсказывала, что мне следовало бы избегать этого места любой ценой, но и не пойти туда я тоже не могла. Взявшись за подарок в одну руку и расправив платье другой, я глубоко вздохнула и шагнула в свой личный ад.

Все будет хорошо!

Когда я вошла, то увидела, что все вокруг было выполнено в стиле восемнадцатого века: золотые, белые, бежевые тона, за исключением голубого неба на потолке, где упитанные ангелочки танцевали на облачках с арфами... Да, да! Дети-ангелочки играли на арфах!

Это так на нее похоже.

— Гвен! — Она встала из-за стола и помахала мне. За столом сидели женщины в жемчугах и бриллиантах на шеях, запястьях и в ушах.

Я поняла, что мне срочно нужно снять серьги-браслеты с ушей прежде, чем двинусь дальше.

Она расцеловала меня в обе щеки.

— Гвен, ты выглядишь так артистично. Леди, это моя подруга, Гвиневра По, известный художник.

Стиви, что же с тобой случилось? Пока она хвасталась, я продолжала всем улыбаться.

— Гвиневра По? — Женщина с длинными, уложенными в красивую прическу коричневыми волосами поднесла «Космополитан» к своим розовым губам. — Я слышала о вас.

— Стефани, я не знала, что ты столь значимая фигура на артистической сцене.

— О, Боже! Раньше я любила рисовать. Это такое классное хобби! — Стиви громко и фальшиво засмеялась.

Я зажмурилась. *Классное хобби???*

Стиви Спенсер или Стефани, как она сейчас себя называла, приехала вместе со мной из маленького городка Сайпресс, что на Аляске, изучать искусство в Нью-Йоркском университете. Однако через три года она бросила учебу после встречи с Натэниэлем Уорреном Ван Алленом, сыном богатеньких родителей. Мы даже с ней крепко рассорились из-за этого. Я твердила ей, что она лишилась разума, и до сих пор считаю так же. Как она могла бросить всё на ветер?! Всё, над чем она так долго и усердно трудилась! И это только из-за парня, который, на мой взгляд, совершенно ее не понимал. Он выглядел дебилом, и я прямо сказала ей об этом и... Целый год после этого мы с ней не разговаривали. Только после того, как я извинилась, мы возобновили нашу дружбу, но было уже поздно, с тех пор она сильно изменилась.

Ее рыжие волосы раньше всегда были заплетены в косу, чтобы не мешать рисовать. Мы никогда не тратили деньги на маникюр или бижутерию, никогда сильно не красились... Не потому, что это было неправильно, а потому что это мешало нашей работе, а работа была для нас всем... Теперь же ее волосы были распущены, а на лицо нанесен толстый слой яркого макияжа. Она носила украшения, которые стоили целое состояние, включая ее помолвочное кольцо. Именно по этой причине мы и собрались здесь сегодня. Это была вечеринка невесты накануне ее свадьбы.

— Теперь, когда мы все в сборе, — та самая женщина, которая говорила до этого, встала, — давайте поднимем тост за нового члена семьи Ван Аллен. За тебя, Стефани! Пусть твоя жизнь будет наполнена блеском! Я так рада, что мы с тобой стали лучшими подругами! Ты самая милая!

— За тебя! За тебя! — Мы все подняли бокалы.

— О, спасибо, друзья! И спасибо, Жозефина, за организацию вечеринки. Ты просто великолепна! — Стиви засмеялась, приобнимая всех одной рукой.

— Ну конечно! Кто бы еще сделал это для тебя?

По какой-то причине мне показалось, что слова Жозефины были обращены непосредственно ко мне, хотя я даже не подозревала почему.

— Извините, леди, — официант подошел к нам с тремя бутылками вина.

— Мы это не заказывали, — сказала Жозефина.

— Вино «Блэнди Мадера Буал» 1920го года прислано мистером Ван Алленом. Он надеется, что сегодняшний вечер пройдет превосходно, — проговорил он, ставя бутылку на стол.

— О, Боже! — зашептались леди.

Стиви, казалось, вот-вот расплачется. Наклонившись, я обняла ее и прошептала:

— Ты испортишь свой макияж, если заплачешь. И, если Натэниэль узнает, что ты плакала над бутылкой вина, он подумает, что сделал что-то неправильное.

Она кивнула, рассмеявшись:

— Я знаю, но он такой милый!

Женщины захихикали.

— Вот это любовь! Двадцать тысяч за бутылку.

— Двадцать тысяч долларов? — ахнула я, рассматривая темно-красную жидкость у себя в руке. — Думаю, оно должно сопровождаться каким-нибудь подарком при такой-то стоимости.

Стиви негромко рассмеялась, но только она одна. Остальные лишь вопросительно приподняли брови.

— Это подарок, который надо попробовать на вкус, мисс По. Поверьте, вы никогда не сможете забыть вкус первого бокала «Буал»! — Жозефина улыбнулась мне.

— Я не могу себе позволить пить такое дорогое вино, — прошептала я Стиви.

Она ткнула меня локтем в бок, одной рукой прикрывая свою улыбку.

Может быть, она не так уж и изменилась?

— Постойте! А не ты ли та самая Гвиневра По, невеста Себастьяна Эванса? — ахнула Жозефина, поворачиваясь ко мне, хотя ее лицо не выражало такого уж сильного шока.

— Нет...

— Не твоя ли это свадьба должна состояться, кажется, через две недели? Где же твое кольцо? — Она придвигнулась ближе, чтобы внимательно рассмотреть мои руки.

Я медленно опустила руки под стол.

— Жозефина, это недостоверные данные... — Стиви попыталась выкрутиться из щекотливой ситуации.

Я накрыла своей рукой ее руку и улыбнулась всем ждущим ответа женщинам.

— Наша свадьба...

— О, Боже! Это правда? Он оставил тебя и сбежал с чьей-то невестой? — Одна из женщин подняла свой телефон. — Я только что погуглила его имя. Он владеет журналами «Класс» и «Бунтарь», правильно?

Женщины в шоке ахнули, кто-то захихикал, кто-то прикрыл в ужасе рот, ожидая моего ответа.

Дотянувшись до середины стола, я взяла бутылку вина, налила себе полный бокал и осушила его залпом.

— Да... — Я замерла на секунду, положив руку на грудь, чтобы сдержать отрыжку.

— Да, это все чистая правда, и я не собираюсь посвящать вас в детали. И, если бы это случилось с вами, вы бы тоже хихикали? У тебя еще остались вопросы, Жозефина? Или нам лучше поговорить о предстоящей свадьбе нашей дорогой подруги?

— Извини, я не знала...

— *Конечно же, ты не знала!* Давай больше не будем говорить об этом, чтобы тебе не пришлось выглядеть ужасным человеком. — Я улыбнулась, поставив бутылку вина обратно на середину стола. — Кстати, ты оказалась абсолютно права, я никогда не смогу забыть этот первый бокал «Буала».

— Вероятно, тебе уже хватит, — объявила она остальным присутствующим за столом.

Я уже хотела спросить, в чем ее проблема? Что я ей сделала? Но Стиви скжала мою руку.

— Гвен, прошу, не надо, — прошептала она.

Я не знаю, как долго могла бы продолжать терпеть такое. Если бы не Стиви, я бы давно отсюда ушла или, скорее всего, не приходила бы сюда вовсе. Было понятно сразу, что я человек не их круга. И еще меня задевало то, что я не могла врать самой себе — Стиви стала своей среди них.

— Моя любимая история про Стефани... — Жозефина подумала и щелкнула своими наманикюренными пальчиками. — Когда мы отправились в магазин Брунелло Кучинелли, чтобы найти подарки для Натэниэля и Дэвида, не зная их размеров. Тогда мы позвали клерков и попросили их примерить...

— Жозефина! — хихикнула Стиви и бросила в нее салфеткой.

— Должна заявить, что ни один клерк не пострадал в процессе, — продолжила Жозефина, и все рассмеялись.

Я просто улыбнулась. Это было немного забавно.

Когда смех утих, все посмотрели на меня, выжидая.

— О, теперь моя очередь, — усмехнулась я.

— О, нет! — Стиви спрятала лицо в ладонях.

— Что же, вы можете этого и не знать, но мы со Стиви были сорванцами, когда жили в Сайпресс, и постоянно вливали в неприятности с мальчишками.

— Нет, это ты попадала в неприятности с мальчишками! Я всегда оставалась в стороне, — ответила она, отпивая из бокала.

— Правда?! А кто толкнул бедного Джереми в реку с красной неркой и бросил рыбью еду в него за то, что он обозвал тебя красноголовым медведем?

Она закашляла, подавившись вином.

— Что она сделала? — нахмурилась Жозефина, ничего не понимая. — Что произошло потом?

— Джереми плакал, как ребенок, и с тех пор никогда больше меня не обзывал, — гордо ответила Стиви.

Я утвердительно кивнула. Жозефина деланно засмеялась.

— Если бы я была матерью Джереми, я бы рассердилась. Он же мог пострадать!

— А кто, как вы думаете, дал ей рыбью еду? — заговорщически сообщила я, на этот раз пригубив воды.

— Дух Сайпрессса, — прошептала Стиви.

Скучала ли она по тем временам, как и я? Наш маленький городок порой напоминал мне тюрьму, пока я там жила. Но теперь, покинув его, я оценила его очарование.

Совершенно случайно я посмотрела направо, и на секунду мне показалось, что я увидела его.

Бэй? Не может быть, наверно, я просто выпила лишнего.

Однако, увидев возле него блондинку, перекинувшую волосы на одно плечо, я встала.

— Гвен?! — Стиви встала рядом со мной. — Ты в порядке?

— Мне нужно идти.

Я собрала свои вещи так быстро, как могла. Но повернувшись, чтобы уйти, я столкнулась с официантом, несущим на подносе наш десерт. Серебряный поднос выскользнул и перевернулся сначала на меня, а потом на ковер. Моим первым желанием было посмотреть в его сторону, заметил ли он меня. Но, вероятно, они пересели, потому что я не увидела их на прежнем месте.

— Прости меня, прости, пожалуйста, — пробормотала я. — Мне нужно уйти. Извини меня, Стиви.

И я побежала. Я бежала так быстро, как могла, держа в руках сумочку и жакет. Потом подвернула лодыжку, но, не обращая на это внимания, бросилась к двери, где прохладный воздух освежил мне лицо.

— Гвен?!

Я не хотела оборачиваться. Она догнала меня и положила свою руку мне на плечо.

— Гвен, что случилось?

— Он здесь, Стиви. Я видела его, их...

— Гвен, — она крепко держала меня. — Это не он. Я мельком взглянула на них, а потом, когда поднос упал, он оглянулся, и я убедилась, что это был не он.

— Не он? — прошептала я.

Она покачала головой.

— Нет, давай вернемся обратно.

Мне захотелось ударить себя.

— Прости меня, Стиви.

— Все в порядке не волнуйся. Давай вернемся и закажем десерт.

— Посмотри на меня, я вся испачкалась. Не хочу больше портить твой вечер. Извини меня, пожалуйста. Возвращайся к подругам, они ждут тебя. Сегодня твоя счастливая вечеринка. Иди и повеселись как следует. У меня все будет в порядке, честно.

Это была откровенная ложь. Она всматривалась мне в глаза, и я через силу улыбнулась, легонько оттолкнув ее.

— Иди, я обещаю рассказать еще больше смешных историй на твоей свадьбе. Я даже принесу фотографии.

— Ухожу-ухожу. — Она подняла руки и отступила назад. — Напиши мне позже.

Я просто кивнула ей в ответ, потому что знала, скажи я сейчас что-нибудь еще, уже не смогу сдержаться, а это несправедливо по отношению к ней. Когда она зашла обратно в ресторан, я развернулась и быстрым шагом понеслась прочь, вытирая слезы и пытаясь прикрыть жакетом пятна на платье.

Господи, что за бред! Почему я такая? Это ведь даже был не он!

Илай

Я уже готов был нажать на кнопку закрывания дверей лифта, когда она, прихрамывая, вошла в него. В руках она несла свои туфли, ее голубое платье было чем-то испачкано, а под глазами размазалась тушь. Она просто так и стояла, пока двери закрывались. Лифт поехал вверх.

— Тяжелый день? — спросила она.

Мне было смешно, но я не мог засмеяться.

— Да. Ты в порядке?

— Ага.

Двери открылись, и мы разбрелись по своим квартирам.

Глава 7
Наши дела плохи
Гвиневра

Пока я раздумывала, постучать в его дверь или нет, он сам неожиданно распахнул ее, удерживая в руках аптечку.

— Что ты здесь делаешь? — удивился он и отступил на шаг.

— Я так и не обзавелась своей аптечкой, поэтому хотела одолжить твою, — затараторила я. — Но не беспокойся, я ее завтра же куплю.

— Ясно. — Он рассмеялся, хотя ему не было смешно, и протянул аптечку мне. — Я как раз собирался отнести ее тебе.

— О, спасибо. — Я потянулась за аптечкой, балансируя на одной ноге.

Посмотрев на мою опухшую щиколотку, он вдруг передумал мне ее давать.

— Насколько все плохо? — Илай присел возле меня. — Ты почувствовала, что она щелкнула?

— Нет, правда, все нормально!

Я поставила больную ногу на всю стопу и тут же, скривившись от боли, подняла ее обратно.

— Это ненормально. Заходи. — Он взял меня под локоть, помогая войти.

— Илай!

— Просто иди.

Он подвел меня к серому дивану. В его квартире все было либо синим, либо серым. Все было раздражающе стерильным, словно в шоуруме или больнице.

— Сидеть, — скомандовал он.

— Я тебе не собака.

Вздохнув, он легонько подтолкнул меня назад. Едва я коснулась дивана, мне тут же захотелось на нем развалиться. Он оказался таким мягким.

— Как уютно! — прошептала я, поглаживая рукой подушки.

— Верно. Эта вещица называется диваном, просто замечательное изобретение! Зная, что у тебя в квартире до сих пор нет мебели, я не уверен, знакома ли тебе эта вещь?

Он присел на деревянный кофейный столик и приподнял мою ногу.

— Не смешно. Ай! — Я зажмурилась, когда он надавил на мою щиколотку.

— Как это случилось? — теперь он смотрел на меня.

— А тебе какое дело?

— А такая, что люди, увидев твою хромую походку, начнут сомневаться в безопасности нашего дома, и его цена снизится.

Я попыталась дотянуться до него и шлепнуть, но он опять надавил на щиколотку.

— Ой, больно же! Что случилось с «не делай больно ближнему своему»?

— Извини, просто проверяю, не порвала ли ты случайно чего-нибудь.

Он пожал плечами с притворной улыбкой на губах, разоблачающей его ложь.

— В первую очередь нужно приложить лед, — проворчал он, разворачивая просто огромный пакет со льдом. — Когда опухоль немного спадет, наложим компрессионную повязку. Подай-ка мне вон ту подушку.

Дотянувшись, я подала ему синюю подушку. Он подложил ее мне под ногу.

— Ты сможешь не двигаться в течение двадцати минут? Я знаю, это непросто, но...

— Не уверена, доктор Дэвенпорт, мне же всего пять лет.

Я закатила глаза и пошевелила ногой. Он молча обошел диван.

— Спасибо, — прошептала я.

— Ты что-то сказала?

Я была уверена на сто процентов, что он прекрасно все расслышал.

Этот мужчина решил довести меня до белого каления?

— Я сказала тебе спасибо, — буквально проорала я.

— Ладно. И незачем так орать!

Повернувшись, я взглянула на него. Он невинно смотрел на меня, держа в руках бутылку пива.

— Хочешь? Или могу предложить тебе «Кока-Колу» и...

— А у тебя есть ванильное мороженое? — У меня был такой радостный вид, что, готова поспорить, он смог подавить свой очередной гнусный комментарий благодаря только огромным усилиям воли.

— К сожалению, я ненавижу ваниль, поэтому у меня его нет.

— Ты не любишь ваниль? Это же базовая составляющая любого мороженого.

— Нет, базовая составляющая — это шоколад. Так ты не хочешь пива?

Он был слишком вежлив.

— Я чувствую подвох в твоих словах.

— Расскажи мне, что случилось?

— Нет уж, спасибо. У меня все в порядке.

Перед собой я увидела висящий на стене, как и у многих знакомых парней, огромный телевизор.

— Ну как знаешь!

Он присел рядом, открыл бутылку и принялся щелкать пультом, выбрав канал, где показывали мужчину, идущего по канату, натянутому между двух гор.

Я отвернулась от экрана.

— Что?

— Ничего!

— И почему ты тогда смотришь на меня?

— Извини, — я перевела взгляд на часы.

— Ты боишься высоты так сильно, что не можешь даже просто смотреть на это?

— Не боюсь.

— Хорошо. Сейчас он уже на высоте пятидесяти четырех метров над землей.

— Да, я боюсь высоты.

— Серьезно?!

Я сердито посмотрела на него, и он переключил на «Энимал Плэнэт».

— Так лучше? — Он указал на морских черепах.

— Намного.

— Что и требовалось, — пробурчал он, с наслаждением потягивая пиво.

Какое-то время мы просидели в тишине, уставившись на черепах, медленно плавающих на дне моря. Тишина и он, уютно потягивающий пиво, заставили меня разговориться.

— Я повредила лодыжку, когда удирала из ресторана. Мне показалось, что я увидела там Бэша, Себастьяна и Хану, вместе. Поэтому я захотела как можно скорее убежать оттуда, но столкнулась с официантом, который опрокинул поднос с мороженым прямо на меня. — Я вздохнула.

Он ничего не ответил мне, просто развалился на диване и протянул мне свое пиво.

— Но это оказались не они, да? У них с Ханой не было там свидания, — мягко добавил он, продолжая внимательно смотреть на черепах.

— Нет, это были не они. Я ошиблась, и это заставило меня почувствовать себя полной идиоткой. Хромая и жалкая я вернулась домой и залезла под душ. Все.

Я вернула ему бутылку. Он сделал большой глоток и уставился на нее.

— Честно говоря, я сегодня видел Хану. И в моем случае это не было ошибкой, это на самом деле была она. Оказывается, уже неделю назад она вернулась к работе в больнице, а я об этом ничего не знал. Увидев ее, я запаниковал. Так кто из нас жалок, ты или я?

— А что бы ты сказал, если бы столкнулся с ней лицом к лицу? Я так много думала о крупной ссоре, о том моменте, когда смогу просто подойти к нему и сказать, как сильно он меня ранил, и как я... себя чувствовала.

— Просто поздоровался бы. — Он снова отпил пива.

— Что? Ты бы просто сказал ей «привет»?

— Да, — он кивнул. — Сказав ей о том, что мне больно, и показав свою злость, я лишь подтвердю, что мне до сих пор не все равно. Да, я все еще привязан к ней... Поэтому простое «привет» прозвучит так, будто бы ничего не произошло, и мне абсолютно пофиг.

— Он был горд своим замыслом, но гордость очень быстро исчезла из его глаз. — Хотя, не думаю, что когда-нибудь буду способен на это. Поэтому я жалок.

— Я все еще могу побить тебя в собственном самоуничожении, — ответила я.

— Это почему? — Он посмотрел на меня.

— Потому что на девичнике я опозорилась перед несколькими будущими богатыми домохозяйками Нью-Йорка. Но самое худшее в том, что через три недели мне снова предстоит с ними встретиться, только уже на свадьбе. Ты даже не представляешь, насколько униженной я себя чувствовала...

— О, нет, отчего же, очень даже могу себе представить, — засмеялся он, допив пиво.

— Эй, вообще-то нам нужно поддерживать друг друга.

— А я думал, что мы тут просто хандрим.

Интересная мысль.

— А нельзя ли совместить одно с другим? С чего ты взял, что я вообще выделялась?

— Ну... — Он наклонил голову.

— Ну что?

— Ты же не кричишь: «*Я тоже миллионерша*», правильно?

— Что это значит? Мне стоило пойти в футболке с надписью?

— Это могло бы помочь, — он рассмеялся.

Мне захотелось ущипнуть его за щеку.

— Нет, правда. У тебя есть свой собственный стиль. Ты можешь надеть военные ботинки с платьем, и это неплохо, но не надейся в таком образе почувствовать себя равной людям, которые живут и дышат «Прада».

— У меня есть туфли на каблуках.

— Дизайнерские?

Я скрестила руки на груди.

— Ты думаешь, что я потрачу кучу денег на какие-то туфли?

— Именно! — Он ткнул в меня пальцем. — Твоей первой мыслью стали деньги, даже если ты на самом деле можешь себе позволить купить их. Для таких людей как они первым встал бы вопрос о том, насколько хорошо они будут смотреться в них. Ты не станешь своей среди них, потому что смотришь на мир по-другому, не так, как они.

— Ты несколько раз повторил: *они*, *их*. А сам-то ты разве не из числа тупых толстосумов?

Он покачал головой.

— Это моя семья считается обеспеченной, а я, Илай, всего лишь финансово стабилен.

— Ха, точно так же ответил бы ребенок любого богача.

Он передвинулся, не отводя взгляда от экрана телевизора.

— Ну а что тогда делаешь ты со всеми теми деньгами, которые заработала как аферист... То есть как художник?

— Даже не думай, что я хоть на секунду поверила, будто бы ты сейчас случайно оговорился. И, отвечая на твой вопрос, я занимаюсь благотворительностью. Ну чего ты на меня уставился?

— Благотворительностью? — Он удивленно приподнял брови. — Правда?! Ты кто, Мать Тереза? Должна же ты куда-то их тратить? У тебя есть слабости? У всех они есть.

— Вероятно, это... — Я замолчала.

— Ты продолжишь или так и будешь смотреть в никуда?

Я повернулась, чтобы тоже посмотреть на морских черепах, но он тут же выключил телевизор.

— А на что ты тратишь свою «финансовую стабильность»?

— На красивую одежду, часы и машины.

— Буржуй. — Я закашлялась и положила руку на горло. — Ты такой же, как они.

— А я никогда и не утверждал, что с ними что-то не так. Я сказал, что это ты другая. И можешь не притворяться, что существует что-то более привлекательное, нежели стильно и модно одетый мужчина, например, стильно и модно одетый я.

Боже, какое же у него раздумое это!

— Так на что же ты тратишь свои деньги? Ну же, поделись!

— Ничего особенного, так, путешествия и... — Я снова запнулась.

— Гвиневра, я бы назвал тебя вторым именем, но, к сожалению, не знаю его. Итак, По, куда уходят твои сбережения?

Он выпрямился.

— Не может быть...

— Что?! — Я почувствовала, что он пытается просверлить во мне дырку взглядом.

На миг на его лице показалась ухмылка, будто он о чем-то знал. Затем он снова включил телевизор.

— Ничего, — он пожал плечами.

— Что?

— Просто единственное, что трудно открыто признать женщине вроде тебя, это секс.

— Это вовсе не секс.

— Ты так яростно защищаешься...

— Это романтические новеллы. У меня в комнате огромная коллекция, которая способна заставить практически каждую любительницу романов позеленеть от зависти.

— Так я и знал! — Он иронично улыбнулся.

— Но это не секс!

— Ой, пожалуйста, только не говори мне, что ты тратишься на Диккенса? Дай-ка сам догадаюсь. У тебя там найдется все, от «Гордости и предубеждения» до «Пятидесяти оттенков серого»?

Я ненавижу его!

— Это все же книги!

— Да брось ты! Это же порнография на бумаге! И у тебя еще хватило наглости стучаться той ночью в мою дверь с жалобами на слишком громкий секс?!

— Ты бы не стал продолжать?

— Слава богу, некоторые любят заниматься сексом в реальной жизни, а не только в воображении!

Захотелось придушить его.

— По крайней мере, ты не такая ханжа, как я думал. Просто притворяешься скромницей.

Я накрыла его рот рукой.

— Во-первых, что бы ты там ни хотел сказать, лучше промолчи. И, во-вторых, тот факт, что я не трахаюсь с мужчинами возле соседской стены, не значит, что я скромница.

Я убрала руки с его рта.

— Почему нет? Ты не замужем, не помолвлена, ты — свободный человек. Не вижу причин, чтобы не хотелось наслаждаться жизнью...

— После секса со всеми этими женщинами ты чувствуешь себя лучше? Только не говори о тех моментах, когда ты еще в процессе или сразу после. Когда они покидают твой дом, и ты остаешься один, ты чувствуешь себя лучше? Если ты искренне ответишь мне «да», я завтра же сниму парня и приведу его к тебе.

Он снова пересел на кофейный столик и принялся накладывать компрессионную повязку на мою щиколотку.

На это раз я не отдернула ногу.

— Догадываюсь, что сейчас должна последовать моя реплика... Ты права. Вообще ничего не чувствую. — Он посмотрел на меня мертвыми глазами, без эмоций, его лицо посерело. — Я привожу их, раздеваю и трахаю во всех мыслимых и немыслимых позах до тех пор, пока они больше не могут ходить, и все равно ничего не чувствую после. Но что прикажешь делать, Гвиневра? Тосковать по ней? Читать книги о выдуманных несуществующих идеалах? Я был готов отдать ей свою жизнь, свое имя, все, что у меня было. А она швырнула все это мне в лицо, словно это ничего не стоит. Поэтому, да, я трахаю женщин, и в этот момент я кайфую! Уж лучше так, чем никак. Потому что остаться ни с чем гораздо больнее. Тебе это известно.

Закончив перевязку, он встал, собрал все со стола и ушел на кухню.

Я молча встала, всего раз посмотрела на него и вышла из квартиры. Когда я вернулась к себе, Тайги бросился ко мне, потерся об мою ногу и следом за мной засеменил в спальню. Единственной мебелью в спальне были кровать и шкаф, наполненный книгами от пола до потолка. Сидя в центре кровати, я смотрела на все это. Мои книги... это ничто. Это просто еще одна маленькая мечта.

У него был классный секс, который дарил ему моменты облегчения, а я читала об этом, погружаясь в придуманную жизнь героев.

Мы с ним абсолютно одинаковы.

Илай

Как это возможно? Даже врубив музыку, я все равно продолжал слышать ее голос. Когда Гвиневра ушла, я оделся, позвонил Логану и направился на восемьдесят третью улицу, где находился самый модный ночной клуб города. Модный на ближайшие две-три недели, пока люди не найдут что-нибудь интереснее. Это Нью-Йорк, здесь ничего не длится вечно.

— Это ты пригласил меня сюда, а веселюсь я один! Что с тобой? — спросил Логан, удобно устроившийся за барной стойкой и наблюдавший за симпатичной брюнеткой позади меня.

— Ну и не веселись, погрусти немного, — ответил я, опрокидывая скотч.

— Ого! Серьезно, что с тобой?

— Гвиневра По, — сообщил я, взяв в руки следующий стакан. — Кстати, как звучит ее полное имя? Не могу матерились от всей души, не зная ее полного имени.

— А мне-то откуда знать?

— Ты же вынудил нас познакомиться, разве забыл? Это ты пригласил ее жениха на мою свадьбу, а когда он слинял оттуда вместе с моей невестой, остались только бедняги Гвиневра и Илай. Хотя бы по этой причине тебе не стоит веселиться, ты должен быть таким же жалким, как и мы с Гвен.

Почему он раздваивается у меня перед глазами? Похоже, я напился.

— Мама сказала, ты сегодня видел Ханну. Поэтому мы здесь?

— Нет, — улыбнулся я, погладив его по плечу. — Не все в этом мире вращается вокруг Ханны. Я не могу бесконечно думать только о ней. Сегодня виновницей моей злости стала Гвиневра. Ей удалось заставить меня задуматься над тем, над чем мне совсем

не хотелось бы думать. А теперь, если ты меня извинишь, я сниму женщину, потому что именно за этим я сюда и пришел.

Развернувшись на стуле, я попытался присмотреть кого-нибудь, но куда бы ни глянул, повсюду мне мерещились лишь ее большие карие глаза и лицо в форме сердца.

«Чувствуешь ли ты себя лучше после этого?» — в голове снова раздался ее голос.

Вздохнув, я развернулся обратно к барной стойке.

— Что же случилось со съемом?

— Иди и повеселись, Логан. — Я кивнул бармену, чтобы он налил мне еще порцию.

Нужно запомнить: держаться подальше от женщин. Они слишком легко могут предать. Наверное, их учат этому еще в школе.

Глава 8

Потрясающий человек

Гвиневра

В течение следующей недели мы с Илаем не виделись и не разговаривали. После той ночи мы всячески избегали встреч. Практически каждый день лил дождь, и было достаточно просто, спрятавшись под капюшоном или зонтом, дойти незамеченной до безопасной территории моей квартиры. Не знаю почему, но я постоянно думала о нем. Каждый раз, закрывая глаза, я видела его то смеющегося надо мной, то помогающего мне или просто слушающего меня. Больше всего я скучала просто по его присутствию и по его манере слушать меня. Мне было совестно от того, что я осуждала его. Я ничего не могла с этим поделать, хотя, это, конечно же, не извиняло меня.

Я могла бы увидеть его сегодня.

Почему меня это так заботит?

Потому что мне нужно извиниться перед ним.

— Гвиневра, вы все-таки пришли!

Звук голоса миссис Дэвенпорт вернул меня к реальности и отвлек от внутренней психологической борьбы. Она выглядела мило в простом бежевом платье под белым халатом, а ее серовато-рыжие волосы были убраны назад.

— Простите, пожалуйста, что потребовалось так много времени, чтобы вернуться к нашему разговору о росписи стен.

— Это ничего, дорогая. Я и не ждала, что вы всё бросите и тут же займетесь моим заказом. Как дела?

— Спасибо, все хорошо. Я хотела бы спросить, как мне вас можно называть? Миссис Дэвенпорт или доктор Дэвенпорт? — Все-таки она была директором больницы и носила белый халат.

— Так, как вам будет удобнее. Пожалуйста, давайте я вам покажу, где бы мне хотелось поместить роспись.

Она повернулась, указывая мне дорогу. Я шла следом на некотором расстоянии. Мои глаза скользили по медсестрам, докторам, пациентам, с пола на потолок, различая оттенки голубого, белого и серого.

Совсем как в квартире Илая.

Я хихикнула над этой мыслью. Я была права, он обставил свою квартиру так, чтобы она походила на больницу.

Интересно, а он сам это понимает?" И почему это меня заботит?

— Гвиневра, Вы слышите меня?

Черт!

— Нет, извините, что вы сказали? И, пожалуйста, можно просто Гвен.

Кивнув, она повторила:

— Я спросила, вы уже знаете, что можно будет изобразить на стене? Вам приходилось раньше расписывать стены?

— Да, несколько стен, но не в больнице. Моей первой работой была роспись стены в моей школе. Думаю, что она сохранилась там до сих пор. Я пока не уверена, что можно нарисовать, мои идеи могут меняться. Может у вас есть какие-то мысли?

— К сожалению, нет.

Она нахмурилась, скрестила руки на груди и остановилась перед большой бело-черной стеной, на которой был изображен логотип больницы.

— Годами яхожу мимо этой стены, каждый раз чувствуя, что здесь чего-то не хватает. Она выглядит как-то неуютно и холодно, но мне ничего не приходит в голову, чтобы как-то исправить ситуацию, поэтому, если у вас есть идеи, я готова целиком положиться на вас.

Клиент, который разрешает художнику делать все, что захочется, одновременно становится его мечтой и его кошмаром. Да, у меня есть свобода творчества, но что, если они не одобрят мою работу?

Шагнув вперед, я провела руками по стене и подняла глаза.

— Слишком большая? Необязательно расписывать всю стену...

— Нет, все в порядке. Я смогу, но мне нужно пару дней, чтобы все обдумать и сделать наброски. И еще у меня к вам будет две просьбы.

— Хорошо.

— Во-первых, вы не станете возражать, если я немного прогуляюсь по больнице, чтобы набраться идей? Я не буду мешать работе персонала. Обычно я фотографирую, но понимаю, здесь это будет несколько проблематично.

Миссис Дэвенпорт на мгновение задумалась, потом кивнула:

— Хорошо, но, пожалуйста, будь внимательна. В чем заключается вторая просьба?

— Возможно ли на время отгородить это пространство?

Миссис Дэвенпорт удивленно вздернула брови.

— Отгородить?

— Да, я предпочитаю, чтобы люди не наблюдали за мной во время работы. И, к тому же, это позволит удерживать посетителей на расстоянии от росписи, так как частенько люди хотят не только посмотреть, но еще и потрогать. Не знаю зачем, но это факт.

И это меня бесит!

— Да, договорились. Когда вы сможете приступить?

— Завтра, сейчас мне нужно сделать замеры и все еще раз обдумать.

Я вытащила из сумки свой блокнот для набросков.

— Отлично! Пожалуйста, если что-то потребуется, сообщите мне, хорошо? У вас есть мой номер телефона, и еще я буду иногда прогуливаться мимо...

— Она пытается сказать, что будет шпионить за тобой.

Мы обе повернулись и увидели направлявшегося к нам Илай в синей медицинской униформе и белом халате. Он протянул один стаканчик, пахнущий чаем, своей маме, а сам отпил из другого.

— Я бы никогда не стала шпионить!

— О, пожалуйста, ты ненавидишь сюрпризы. Спорим, ты будешь спускаться сюда через день, стараясь подсмотреть за работой.

— Твое недоверие ранит меня. — Она нахмурилась и повернулась ко мне. — Иногда я буду спускаться сюда, но говорить не буду ничего...

— Ты просто почувствуешь ее взгляд, сверлящий твой затылок. Ой! — Илай резко замолчал, когда она ущипнула его за руку.

— Пожалуй, я пойду, пока не покалечила одного из моих самых ценных докторов. Еще раз, спасибо, Гвен.

— И все-таки, нам не нужна никакая роспись, — пробурчал ей вслед Илай, когда миссис Дэвенпорт, цокая каблучками, удалялась по больничному коридору.

— Ты лучше подумай о своих пациентах, а я подумаю о больнице.

Она махнула на прощание рукой, даже не повернувшись к нам, и сделала глоток чая из стаканчика. Илай покачал головой.

— Она даже не поблагодарила меня за чай.

— Разве мамы должны благодарить нас? Моя мама считает, что имеет право делать мне замечания просто потому, что родила меня.

— Сделай достойную... — Он прервался на полуслове, услышав сигнал своего пейджера.

Его глаза увеличились, и он тут же бросился бежать. И не только он. Все доктора вокруг меня с пейджерами в руках один за другим мчались в том же направлении, что и Илай. Было трудно не запаниковать при виде такой картины. Часть меня хотела убежать отсюда, а другая

часть, контролировавшая мои ноги, медленно поволокла меня следом по голубой линии, вдоль которой стремглав бежали врачи.

В конце линии над дверями я увидела надпись: «Отделение скорой помощи». Замерев в углу, я наблюдала, как парамедики ввозили на каталках в больницу мужчин, женщин и детей.

— Сколько жертв? — спросила пробегавшая мимо медсестра, которая несла сумки с бинтами.

— Они не знают, — ответила другая медсестра. — По всей видимости, колеса грузовика застряли в сточном колодце и создали эффект волны на скоростном шоссе, но пострадал не только он. Перевернулся автобус с детьми из летнего лагеря, избегая...

— Пучок! — прокричал Илай, поднимая маленького мальчика на каталку.

Блондинка, с пучком на голове, рванула к нему.

— Ты осмотрела его? — спросил Илай, заглядывая в глаза малышу.

— Он сказал, что с ним все в порядке. У него поврежден нос, но я проверила, все в норме. Его сестре намного хуже...

— Прекрати болтать!

Она подпрыгнула, прикрыв рот.

— Дыши. Ты сказала, что его нос поврежден. Давление в пазухах. Его барабанные перепонки разорваны, тебе нужно...

— Отправить сообщение на пейджер скорой помощи, назначить антибиотик и проверять каждые тридцать...

Он строго посмотрел на нее.

— Каждые пятнадцать минут проверять его состояние.

— Доктор Дэвенпорт! — закричал другой врач, стоявший у дверей.

— Пучок, присмотри за ним, — приказал Илай, уже двигаясь в другую сторону.

Врачи были повсюду, передвигаясь от одного пациента к другому. Некоторые пациенты, находившиеся в плачевном состоянии, сразу же направлялись в хирургическое отделение. В основном, всем процессом руководил Илай.

Даже среди этого жуткого хаоса я, не отрываясь, смотрела на него, снующего взад и вперед среди вновь и вновь поступающих пациентов, истекающих кровью, плачущих и кричащих. Казалось, он работал на автопилоте. Ничто не могло вывести его из равновесия, даже когда пожилую женщину вырвало прямо на его кеды. Вместо того, чтобы отпрыгнуть назад, он придерживал ее седую голову до тех пор, пока кто-то не поднес ведро.

— Извините, я такая...

— Не извиняйтесь, миссис Миллер. У вас все еще кружится голова?

Никогда не думала, что признаюсь в этом, но в тот день он был потрясающим. Весь персонал больницы работал потрясающе.

Конечно же, это подразумевалось, как само собой разумеющееся, но, увидев их работу собственными глазами и даже безмерно обожая свою собственную профессию, в тот момент мне тоже захотелось стать первоклассным врачом.

По крайней мере, теперь я знаю, как извиниться перед ним и какие создать наброски.

Илай

Я выбросил кеды в мусор вместе с носками и перчатками и рухнул на диван в комнате отдыха для персонала. Все тело страшно ныло. Сегодня был один из тех дней, когда ты, выжатый словно лимон, вынужден раз за разом подпинывать себя. Всю неделю я чувствовал себя дерзко и не понимал причины.

— Фу, что это за запах?! — услышал я голос входящего.

Не отнимая рук от своих глаз, я ответил:

— Должно быть, это мусор и мои туфли.

Больше похоже на мои туфли, чем на мусор, но какая, собственно, разница?

— Понятно, — он фыркнул. — Разгребали последствия аварии на шоссе?

Кивнув, я попытался заглушить доктора Ян Сио, пластического хирурга, учившегося в лучших школах Кореи и Америки, чей спокойный релаксирующий голос пугал меня до чертиков.

Ежедневно он наслаждался свежим домашним обедом, на приготовление которого у него всегда хватало времени, потому что он — пластический хирург. Он никогда не торопился, вышагивая по больнице так, будто ничего не произошло, выкачивал жир из женщин, у которых его не было, делал грудь или попу и на этом завершал свой рабочий день.

Каждый раз, видя его, я спрашивал себя, почему сам не выбрал путь безмятежности и спокойствия, то есть путь пластической хирургии? *Потому что я бы сдох от тоски, вот почему!* Я рассмеялся над этим. Видя, как он поедает свой йогурт с банановым вкусом, я закатил глаза. Его черные волосы были стянуты в маленький хвостик, а темные глаза внимательно рассматривали меня.

— Почему ты все еще здесь? Обычно ты уходишь в пять, — поинтересовался я.

— Ты заметил?

— Как же не заметить? Именно в это время перестает болеть моя голова.

Я встал и направился к своему шкафчику.

— Ты оскорбляешь меня.

— Знаю.

Довольно улыбаясь, не обращая на него внимания, я открыл дверь и был весьма удивлен, увидев пару сине-белых найковских кед, ждущих меня внутри шкафчика.

Какого черта? На шнурках болталась записка:

«Доктор Дэвенпорт.

Простите, что осуждала вас.

Вы отлично поработали сегодня!

Это было действительно круто!

Больше никогда я не стану называть вас Доктором Кретином!

Извините, если кеды не подойдут по размеру, чек в коробке.

Увидимся дома.

Увидимся в квартире.

Пока. Гвен».

Она не всерьез. Она вообще думала, прежде чем написать это всё? О боже, и почему она не взяла новый листок?

— Что смешного? — спросил доктор Сио, когда я перевел взгляд на него.

— Что?

Он ложкой указал на меня.

— Улыбка на твоем лице. Прямо сейчас. Она просто ослепила меня. Что же тебя так рассмешило?

— Ничего! И я не улыбаюсь.

— Я успел сфотографировать этот момент. — Он протянул мне свой телефон, демонстрируя мою фотографию в профиль.

— Что ты сделал?

— Я успел ее разослать всем врачам и медсестрам в больнице. — Он щелкнул кнопкой.

Мне очень захотелось сделать ему больно.

— Тебе что, двенадцать? Что с тобой?

Он лишь пожал плечами в ответ.

— Без доказательств мне никто не поверит, если я скажу, что ты улыбался.

Мы что, в средней школе?

— Я всегда улыбаюсь, кретин! — разозлился я, развязывая шнурки на кедах.

Он громко засмеялся, облизывая крышечку второго йогурта.

— То, что ты изображаешь на своем лице при пациентах, улыбкой не считается.

— Да ты просто... — Я замолчал, примеряя новые кеды, которые прекрасно подошли мне. Мои ступни расслабились в мягком пеноматериале.

Откуда, черт побери, она узнала размер моей ноги?

Щелк! Взглянув в его сторону, я увидел, как этот кретин еще раз сфотографировал меня.

— Ты опять улыбнулся! Ты должен немедленно все мне рассказать.

Натянув второй кед, я подошел к нему, выхватил дурацкий телефон из его шаловливых ручонок и выбросил его в мусор.

— Эй! Я только недавно купил его!

— Не моя проблема, — ответил я, поворачиваясь, чтобы уйти, но остановился, когда он приблизился к мусорному контейнеру.

— Еще раз сфотографируешь меня, и я скажу директору больницы, чем ты занимался в лаборатории на четвертом этаже.

— Расскажешь своей мамочке? Ой, боюсь, боюсь!

Я вытащил свой телефон из кармана и начал набирать номер. Он вздохнул.

— Ладно.

— Доброй ночи, Ян.

Покинув комнату отдыха, я старался не встречаться взглядами ни с кем из персонала, так как кто-то мог уже успеть получить эту дурацкую фотографию. Конечно же, они хихикали, глядя на меня, и мне хотелось их всех придушить.

Подойдя ко входу, я остановился, увидев ее. В темных рваных джинсах, желтой футболке, военных ботинках и шляпе, она рисовала, прислонившись к стене под логотипом больницы и кивая головой в такт музыке в наушниках.

Она занята, но должен же я поблагодарить ее за кеды!

Не осознавая этого, я подошел к ней. Она была настолько погружена в свой мир, что не заметила меня, пока я не встал напротив и не помахал ей.

— Боже праведный, как ты напугал меня! — Она подпрыгнула, прижав свой рисунок к груди.

Не могу отрицать, что, пока она вынимала наушники, пару секунд мой взгляд был устремлен на ее грудь.

— Я напугал тебя? — спросил я, присев рядом.

— Весь день никто не замечал меня. — Она рассмеялась, захлопнув блокнот.

— Потому что ты — призрак? Как понимать, никто тебя не замечал?

Ее было трудно обойти вниманием.

Она пожала в ответ плечами.

— Вы, доктора, очень сосредоточены на своей работе. Большую часть времени я слонялась по больнице, вдохновляясь идеями для росписи стены по просьбе твоей мамы.

— Это не личная стена моей мамы, так что, пожалуйста, не надо рисовать на ней ее огромный портрет только потому, что она заплатила тебе за это.

Гвен закатила глаза.

— Не беспокойся, у меня появились некоторые более интересные идеи. И даже гораздо быстрее, чем я думала.

— Можно мне взглянуть? — я потянулся за ее блокнотом.

Она лишь крепче прижала его к себе.

— Что такое?

— Никому нельзя смотреть, пока не закончу, а я пока еще в процессе.

— Какие же вы, художники, эмоциональные! — Я откинулся назад.

Она пнула меня по ноге.

— Эй, осторожней! Кеды совсем новые!

— Ага. — Она откинулась на стену, улыбаясь. — Ты их надел! Они пришли впору?

— Я бы их не надел, если бы они не были по размеру. Как, черт возьми, ты узнала размер моей ноги?

— Я была страшной пацанкой в детстве.

— Шокером.

Она взглянула на меня.

— Уверена, ты был очаровательным подростком.

— Конечно, просто посмотри на меня.

— Я...

— В любом случае, ты была пацанкой? — продолжил я, пока она не забыла то, о чем начала рассказывать.

— О, да! Большую часть времени я проводила с соседскими мальчишками. Вообще-то, мы росли вместе и частенько гуляли босиком по берегам рек, благодаря этому я научилась разбираться в размере мужской обуви.

На речках?

— Откуда ты?

— Сайпресс, Аляска — место ловли лучшей дикой семги во всей стране.

— Ого! — Я рассмеялся и уже не мог остановиться. — Это место реально существует?.. Сайпресс?.. Аляска?.. Ты?

— Это реальное место. И там намного красивее, чем ты, городской мальчик, способен представить.

Она обиженно надула губы.

— Это место ловли лучшей в стране дикой семги... — повторил я с улыбкой. — Я прекрасно с этим справлюсь...

Она встала.

— Ты просто...

Я перебил ее, тоже встав:

— Спасибо за кеды. Тебе не за что было извиняться, хотя твоя записка развеселила меня.

— О, у меня просто закончилась бумага, и я не захотела еще раз докучать медсестрам своими просьбами. Я и так их еле уговорила помочь мне с твоим шкафчиком, — пробурчала она.

— Ага, значит вот как ты... — Сквозь стеклянные двери больницы я увидел ее, входящую в здание, и замолчал. На ней была прямая юбка и розовая блузка, светлые волосы были уложены.

Моя смена только что закончилась, следовательно, ее смена только начиналась. Я слишком долго проторчал в больнице.

— На что ты смотришь? — Гвиневра попыталась оглянуться.

Я схватил ее за талию, удерживая прямо перед собой.

— Что ты делаешь?

— У тебя все вещи с собой?

— Да, а что?

Я взял ее за руку и, опустив голову, постарался выйти из здания незамеченным. Не хотелось, чтобы Ханна увидела нас. Мне почти удалось это сделать.

— Она... — Гвиневра резко остановилась.

Черт возьми!

— Гвиневра, — позвал ее я, надеясь, что Ханна пройдет мимо нас, но мне не повезло.

Увидев нас, она перебросила волосы на бок.

— Идем, — ответила Гвиневра, позволяя мне увести ее.

Мы шли, не останавливаясь, до тех пор, пока не вошли в парк. Огни больницы теперь виднелись вдалеке. Никто из нас не заговаривал, и секунду спустя я понял, что все еще держу Гвен за руку. Наконец я отпустил ее.

— Такое ощущение, что нам по шестнадцать лет, — прошептала она, вглядываясь в небо.

На секунду я задумался над ее словами.

— Согласен, побег — не самый зрелый поступок.

— Да к черту зрелость. В любом случае это больно. Я забыла, что она тоже здесь работает. Ты говорил мне, но я забыла. Что, если я встречу ее?

— Облей ее краской, — пошутил я.

Она хихикнула.

— Может быть, это пойдет ей на пользу... акт справедливости. Думаю, тебе надо продолжать вести себя так же.

— Избегать ее? Бегать от нее? Нет, я слишком устал от всего этого.

Я действительно устал, но больше всего меня беспокоило то, что Гвен может устроить сцену. Это повлечет за собой большие неприятности и для мамы, и для больницы.

Мы молчали, продолжая свой путь, и я впервые почувствовал, что между нами что-то есть. В первый раз за время нашего знакомства я подумал о ней как о друге.

— Ну, а теперь что с тобой? — Она повернулась ко мне.

— А что?

— У тебя такой странный взгляд.

— Иди-иди. Не понимаю, о чем ты.

Глава 9

Крик о помощи

Илай

Я рассматривал заставку на своем телефоне, картину Гвиневры, на которой был изображен маленький мальчик, стоящий под дождем со сломанным зонтиком у ног.

Интересно, чем она сейчас занимается?

Поразмыслив пару секунд, я отправил ей сообщение.

Илай: «**Аферистка!**»

Гвиневра: «**А я-то подумала, что мы стали общаться как цивилизованные люди...**»

Я усмехнулся.

Илай: «**Прости, привычка!**»

Гвиневра: «**Ничего страшного, доктор Кретин. Ой, прости, привычка!**»

Илай: «**Ты здесь?**»

Я не видел ее этим утром.

Гвиневра: «**Ожидаю поставку. Буду позже. Ты все еще в больнице?**»

Илай: «**Уже ухожу. Вечером пропустим по стаканчику?**»

Гвиневра: «**Если ты угощаешься.**»

Илай: «**Скряга!**»

Гвиневра: «**Считай, это комплимент твоему умению выбирать хороший алкоголь!**»

— Простите!

Медсестра, случайно столкнувшись со мной, выронила на пол стопку медкарт.

— Ничего страшного, это я отвлекся. — Помогая ей собрать бумаги, я наткнулся на карту малышки Молли.

— Сегодня утром она потеряла большую часть волос, — проговорила медсестра, пока я читал историю болезни девочки. — У нее был тяжелый день.

— Загляну к ней перед уходом. Спасибо. — Я пошел дальше по коридору.

Однако, войдя в палату к Молли, я увидел столпившихся медсестер и интернов в компании с доктором Сио. Облокотившись на сестринский стол, он то и дело переводил взгляд со своих часов на ее палату и обратно. Я проверил, все ли в порядке у Молли. Она сидела на кровати, а ее голова была обвязана ярко-голубым платком. Не считая того, что она была бледной, выглядела она неплохо.

— Что тут происходит? — Я подошел к Яну.

— Сегодня в два часа состоится совет правления ТУМ, — ответил он таким тоном, будто бы я должен знать, о чем идет речь.

— ТУМ? Компания, которая занимается компьютерным программированием и робототехникой? Какое отношение к тебе имеет их совет правления? *И к тому же ко всем остальным здесь присутствующим?*

Он посмотрел на меня словно на идиота.

— ТУМ или «Тоби Уэсли Механикс» — компания отца твоей пациентки, который является ее генеральным директором. В компании произошел переворот, Илай! Этой новостью пестрят все газеты. Они решили вышвырнуть его из компании, которую он же и основал в гостиной своего брата, именно в такое тяжелое для него время, когда его дочь борется с раком. Это самая гнусная вещь, которую я когда-либо слышал! Все хотят знать, пойдет ли он на совет.

Бросив взгляд на часы, я посмотрел на персонал клиники, напоминающий сейчас своим поведением посетителей зоопарка.

— Клянусь, если вы все сейчас же не разойдетесь по своим рабочим местам, вас уволят! — заявил я и направился к двери.

Я услышал, как они в один миг рванули по своим местам. Когда я повернулся, Ян оказался единственным, кто не сдвинулся с места.

— Ян?!

— Извини, я отвлекся. А твое сердце только что выросло в три раза.

— Иди уже!

Зазвонил его телефон. Не отвечая на звонок, он прошел мимо меня, пританцовывая и громко напевая песенку «*Все хорошо*» его любимой южнокорейской группы «Супер Джунior». Сам факт того, что мне известна эта песня, огорчал меня больше всего. *Я слишком много времени провожу рядом с ним!*

Я сконцентрировался на том, что мне предстояло сделать, и вошел в комнату. Молли и Тоби сидели рядом и смотрели по телевизору трансляцию праздника нашего района.

— Привет, доктор Илай. — Молли помахала мне. Ее отец тут же встал и подошел ко мне.

— Привет, Молли. Как ты себя чувствуешь?

— Я не болею, — прошептала она, крепко прижимая своего плюшевого мишку к груди.

— Это здорово. Я немного поговорю с твоим папой, хорошо?

Она кивнула, продолжая тихо смотреть телевизор.

Тоби последовал за мной. Как только за нами закрылась дверь, он сразу же приступил к вопросам.

— Уменьшилась ли опухоль? Вы сможете оперировать? Она себя чудесно чувствует сегодня, поэтому я...

— Тоби, — перебил я его, — у меня пока нет новостей о состоянии Молли, и простите, что дал вам ложную надежду своим посещением. Я пришел, потому что беспокоился о вас.

— Обо мне? У меня все в порядке. Если у вас нет ничего нового, тогда...

— Я слышал о совещании, которое состоится сегодня, — ответил я, когда он уже подошел к двери в палату.

Тоби замер.

— Вас это не касается.

— Да, я понимаю и, возможно, сейчас перехожу допустимую границу. Но скажите, действительно ли вы хотите отдать свою компанию шайке говнюков, которые даже не постеснялись выбрать для совещания такое трудное для вас и вашей дочери время? Я знаю о ТУМ совсем немного, но запомнил ваш девиз: «Сделай жизнь других лучше».

— «Инновации сегодня — это лучшее завтра для клиентов», — ответил он, отойдя от двери и повесив голову. Он постоял так немного и наконец повернулся ко мне. — Я бросил колледж, жил на одних хлопьях и макаронах, строя и развивая свою компанию. Я до сих пор помню, как приобрел свой первый офис на крыше китайского ресторана. Нас было совсем мало — я, моя девушка и мой брат. Тогда мне казалось, что у меня все получилось. Теперь же у меня больше ста тысяч работников по всей стране. Верите или нет, но я их всех знаю по именам.

— Я верю вам и верю, что вы не сдадитесь и не позволите этим стервятникам растерзать себя.

Он покачал головой.

— Илай, мне все равно. Если они хотят забрать ТУМ, пусть забирают. Я не оставлю дочь одну, особенно сегодня, как не оставил ее в тот день, когда потерял жену, а она свою маму. Дочка не может даже пойти на праздник нашего района. А я не хочу сидеть там, на совете, выслушивая их бред...

— Я возьму ее с собой.

Что я делаю? Что со мной, черт побери?

— Что? — Его брови удивленно приподнялись.

— Как долго продлится это совещание? Час? Два? Молли не может находиться на улице без присмотра, поэтому идите и вытрясите всё дермо из их костюмов, а мы с ней пока сходим на праздник. Все будет в порядке, не волнуйтесь. Потом вы нас встретите.

— Илай...

— Уже половина второго. Вы все еще можете успеть. У меня есть номер вашего телефона. Мой шофер отвезет туда нас с Молли.

— Почему? — он перебил меня. — Почему вы хотите помочь нам? Хотя мы и живем в одном доме, но мы не друзья. Вы даже не знали меня, пока я не обратился к вам в больницу. Почему?

Я задумался и все, что смог сказать в ответ, это слова Гвиневры, однажды брошенные в мой адрес:

— Вы знаете, сколько паршивых людышек мы встречаем в городе каждый день? Я не хочу быть одним из них. Иногда, когда мы нуждаемся в помощи, нам трудно о ней попросить, и поэтому я предлагаю ее сам. Не сдавайтесь! Какой пример вы подаете Молли? Это нормально попросить о помощи, когда жизнь дает нам пинок под зад.

Я протянул ему руку. Он посмотрел на меня и сглотнул.

— Пожалуйста, помогите мне, Илай!

— Конечно.

Я был счастлив помочь ему, и по какой-то причине мне захотелось позвонить Гвиневре и сказать ей, что я не такая уж и жалкая задница, как она считает.

— Молли, пойдешь на праздник вместе с доктором Илаем? — сказал Тоби, открывая дверь.

Гвиневра

— Стиви? — удивилась я, распахнув дверь.

— Привет, — ответила она.

Стиви стояла на моем пороге с красными, опухшими от слез глазами в простых джинсах и футболке, а ее рыжие волосы были собраны в хвост. Еще не зная, что у нее стряслось, я просто шагнула к ней и крепко обняла. Она снова заплакала у меня на плече. В моей голове пронеслись тысячи возможных причин, но я старалась сначала ее успокоить.

— У меня есть вино и шоколад, которые я не хочу есть в одиночестве, — сказала я, взяв ее за руку, завела в квартиру и пошла за бокалами. Тайги подбежал к Стиви.

— Эй, малыш, как ты? — Она шмыгнула носом и улыбнулась, поглаживая его. Он в ответ на ласку звонко тявкнул и привстал на задние лапки. Стиви взяла его за передние лапки, как будто хотела потанцевать с ним.

Налив вина, я передала ей бокал.

— Ты должна попробовать его. Его создал отец моего отнюдь не желанного соседа, и за него просто...

Я замолчала, с удивлением наблюдая за тем, как Стиви залпом осушила бокал вина, словно умирала от жажды. Вытерев губы рукой, она протянула бокал за добавкой.

— Прекрасное вино, — улыбнулась она.

— Почувствовала ли ты его вкус? — спросила я, передавая ей свой бокал.

Не пригубив вина, она принялась рассматривать его в бокале.

— Я совершаю ошибку, да, Гвен?.. Выходя за Натаниэля, я совершаю ошибку?

— Стиви, что стряслось? — спросила я, не ответив на ее вопрос.

— Мы поругались, — прошептала она, поднося бокал к губам. — В большей мере с его родителями, чем с ним. А он просто стоял там и слушал, как они без устали твердили о том, как всю жизнь надеялись, что он женится на ком-нибудь получше меня. Интересно, такой будет теперь вся моя жизнь? Мне придется все время терпеть унижения от них только потому, что мой отец обычный электрик, а мама пекарь?

— Что значит обычный электрик? — Я хотела, чтобы она задумалась над своими словами. — Помнишь, когда нам было по тринадцать лет, я как раз была у вас в гостях, на улице внезапно разыгрался зимний ураган «Майкл», а у людей не было времени к нему подготовиться? Два с половиной метра из снега и льда, электричество отказалось. Было так холодно, что мы с тобой мерзли под тремя одеялами, и твоя мама позволила нам слопать все пирожные и печенья, которые она испекла для школы, пока твой отец надевал зимние сапоги, три шарфа, две шапки и лыжную маску.

Стиви прикрыла рот руками и засмеялась.

— Он тогда стал похож на большую зефирку.

— Он оделся и, прежде чем уйти, попросил нас обнять его, а потом работал на улице в течение нескольких часов, чтобы обеспечить людей электричеством, ведь боялся, что они просто-напросто замерзнут. Когда он вернулся, с его бровей свисали сосульки. Твой отец не просто электрик, Стиви. Он — человек, который решительно и смело действует в любой жизненной ситуации, что бы ни случилось.

Она уронила голову, поставив бокал на стол.

— Я знаю, знаю. Просто они все время заставляют меня чувствовать себя недостойной его.

— Ну так докажи им обратное. Ты ведь знаешь, как говорит мой отец: «Выше голову!»

— Выше голову! — громко повторила Стиви, выпятив грудь колесом.

Мы рассмеялись.

— Наши отцы — это что-то!

— Точно! И они не одобрили бы нас, увидев, как мы пьем вино и жалуемся друг другу на мужиков. Именно поэтому сейчас мы с тобой выметаемся из квартиры! — сказала я, хватая свою сумку и фотокамеру.

— Выходим? Куда?

— Сегодня на улице проходит праздник нашего района. Я собираюсь пойти туда позже, чтобы посмотреть на салют, ну а сейчас мы сможем получить порцию сладкой ваты и смеха.

Я приобняла ее и, взяв Тайги за поводок, повела всех на улицу. Она крепко прижалась ко мне и, когда мы вошли в лифт, положила свою голову мне на плечо.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— За что? Я ведь ничего не сделала.

— За то, что не советовала мне бросить его. Я знаю, что Натаниэль тебе не нравится. Спасибо, что не воспользовалась ситуацией, чтобы сказать мне об этом, — прошептала она.

Я не была уверена, нравилось ли мне то, что она благодарит меня. Я хотела сказать то же самое, что говорила ей, когда впервые встретила его: Натаниэль был испорченным маменькиным сынком. А ведь он должен суметь защитить ее и свою будущую семью. И тот факт, что он этого не сделал, жутко раздражал меня. Их семьи — это только одно из различий между ними. Но, если бы я сказала ей об этом, мы бы, скорее всего, вновь разругались. Она собиралась выйти за него замуж. Она делала осознанный выбор, и я знала, лучше быть на ее стороне и помогать, чем вообще не общаться с ней.

Иногда лучшее, что ты можешь сделать для человека — это просто быть рядом с ним, невзирая на обстоятельства.

Вроде того, как поступал Илай.

Илай

Я был совершенно несведущ в вопросе общения с маленькими девочками. На празднике оказалось полным-полно детей, родителей, воздушных шариков и клоунов. Когда я предложил привести сюда Молли, я не знал, что меня будет ждать, но уж точно не

предполагал увидеть тихонько сидящую в инвалидной коляске Молли, крепко прижимающую к себе любимого плюшевого мишку.

— Молли, все в порядке? — спросил я, присев возле нее. Она положила свой подбородок на голову мишкы. — Ты хочешь вернуться назад, в больницу?

— Нет! — Казалось, она вот-вот заплачет. Несколько родителей обернулись на нас.

— Хорошо, мы туда не поедем. Я решил спросить, потому что заметил, что тебе здесь грустно.

— Мне весело! — сказала она.

Похоже, это была самая худшая идея, которая только могла прийти мне в голову.

— Илай!

Обернувшись, я столкнулся лицом к лицу с Гвиневрой. Она была в джинсах и кардигане поверх красной рубашки, с камерой на шее и сладкой ватой в руках. Она выглядела... как раз так, как бы я хотел, чтобы она выглядела. Молли схватила мою руку, пряча за ней свое лицо.

— Привет! — Гвиневра улыбнулась ей.

— Гвиневра, познакомься, — это Молли, моя пациентка. Мы пришли на праздник, пока ее папа занят на работе.

Я не знал, почему мне хотелось ей все объяснить. В любом случае, не обратив на меня никакого внимания, Гвен посмотрела на Молли и наклонилась к ней.

— Молли, мы прежде не встречались с тобой? — Молли еще крепче прижалась к мишке, и Гвиневра, улыбнувшись, щелкнула пальцами в догадку. — Вспомнила! Ты та самая девочка, которая почти сбила меня с ног, когда я только переехала в новую квартиру. Твоего папу зовут Т...

— Тоби, — ответил я за нее.

— Точно! Тоби Уэсли! Приятно познакомиться, мисс Молли. Ты тогда так быстро пробежала мимо, что я не успела поздороваться с тобой. Ты можешь называть меня Гвен. Мое имя Гвиневра, но друзья называют меня Гвен.

Она протянула руку, и Молли внимательно посмотрела на Гвен, прежде чем пожать ее руку в ответ.

— Хочешь сладкой ваты? — спросила у нее Гвен.

— Нет, — быстро произнес я. — Слишком много сахара сейчас будет ей во вред.

— О, да. Слишком много сахара будет и мне во вред.

Гвен подошла к мусорному контейнеру и выбросила сладкую вату. Молли во все глаза смотрела на Гвен, и на долю секунды мне показалось, что она пытается что-то сказать Гвен на секретном девичьем языке, который мне недоступен.

— Молли, ребятки! Подождите-ка меня здесь, я сейчас вернусь, хорошо? Не убегайте! — Гвен протянула руки, как бы пытаясь удержать нас на месте. — А если Илай попытается убежать, пни его.

Молли захихикала и кивнула.

— Не учи ребенка насилию! — крикнул я ей вслед.

Она показала мне язык, совсем как ребенок, почти споткнувшись о чужую коляску, к неудовольствию няньки. Молли засмеялась, увидев, как пожилая женщина пригрозила пальцем Гвен, а та, в свою очередь, извинилась и понеслась дальше.

— Молли, когда ты вырастешь, постарайся быть пограциознее Гвиневры, хорошо?

Девочка посмотрела на меня, склонив голову на бок.

— Она не твой друг?

— А?

— Она сказала, что друзья называют ее Гвен, а ты не называешь ее Гвен.

Хоть она и маленькая, а с ней непросто. И этот взгляд, с которым она ждала объяснений... Я не мог ей солгать.

— Мы друзья, но мне больше нравится называть ее Гвиневра, а не Гвен.

— Почему?

Молли, я не знаю!

— Потому что, Гвиневра — красивое имя.

— Мне оно тоже нравится. Я буду называть ее Ги... ин... ев... ера, — мучилась она с именем.

— Гвиневра, — медленно произнес я, помогая ей.

— Гви... невра, — повторила она, и я кивнул.

— Я вернулась! — орала Гвен, мчась к нам навстречу на всех парусах.

Подбежав, она практически запрыгнула на меня, чтобы водрузить на мою голову шляпу. В шоке от того, как близко она от меня оказалась, я замер, пока она прятала мои волосы под шляпу. И только когда она отошла, я вновь обрел способность нормально мыслить.

— Классно выглядишь! — сказала мне Гвен и наклонила свою голову вниз, собирая волосы в небрежный пучок. Взяв шелковый платок, она повязала им свою голову.

— Лучше? — спросила она Молли.

И тут я впервые понял, как, должно быть, чувствовала себя Молли, прикованная к инвалидной коляске с платочком на голове. Молли кивнула, но ничего не ответила.

— Мисс Молли, не хочешь ли сфотографироваться со мной? — спросила Гвен, снимая камеру с шеи.

— Хочу. Доктор Илай, давайте с нами, — улыбнулась Молли.

— Да, доктор Илай.

Гвиневра потянула меня за собой.

— Я возьму камеру, у меня руки длиннее, — сказал я, забирая камеру из рук Гвен.

Наши пальцы соприкоснулись и задержались в таком положении чуть дольше положенного. Я не в силах был оторвать от нее взгляда и, не задумываясь, заправил локон, выбившийся из-под ее платка.

— Спасибо, — прошептала она, отведя взгляд в сторону и поправив платочек.

— Не за что. — Я посмотрел в камеру и увидел наши лица рядом друг с другом. — Раз, два, три!

— Звездочки феи! — сказала Гвиневра при щелчке.

— Звездочки феи? — Молли повернулась к ней.

— Да. Они сделаны из счастливых мыслей и даже помогают летать.

Гвен притворилась, что посыпает лицо Молли чем-то волшебным, а ее карие глаза смотрели прямо на меня.

— Подними ее! — прошептала она мне.

Следуя ее приказу, я приподнял Молли.

— Ха-ха-ха! — Молли засмеялась, прижимаясь ко мне.

Слава Богу! Голос Молли наконец-то звучал счастливо, и это благодаря Гвиневре.

— Гвен?

— Стиви, ты вернулась! Что так долго? — спросила Гвен, подойдя к рыжеволосой зеленоглазой женщине, ведущей Тайги на поводке. — Позволь представить тебя моим друзьям — доктору Илаю и мисс Молли. И тебе понадобится платок, если ты планируешь остаться с нами. Правильно, мисс Молли?

Молли радостно кивнула, сидя у меня на руках.

— Я отошла лишь на десять минут, а ты уже успела найти себе весьма привлекательных друзей?! — удивилась Стиви, подбоченившись.

— Что сказать? Вот такая я замечательная! — ответила Гвен, положив голову мне на плечо.

Мне показалось, что ее голова сейчас прожжет дырку на моей рубашке, настолько ее тело было горячим. Я чувствовал себя словно в тумане, не понимал, о чем они болтали и смеялись.

— Нам это разрешается, доктор? — спросила Гвен, выпрямившись.

— Что?

— Поезд, — ответила Молли. — Я могу покататься на поезде?

— Конечно.

— Тогда пойдем, пока вон тот Бэтмэн не уселся впереди. — Гвиневра легко сняла Молли с моих рук.

Я стоял, потрясенно смотря на них. Мой мозг все ещеibriровал. Откуда она взялась? Как она оказалась здесь? И, самое главное, откуда у нее способность полностью менять атмосферу вокруг себя?

— Все в порядке? — Стиви встала рядом, повязывая на голову зеленый платок, который, должно быть, только что купила. Тайги сидел рядом с нами.

— Вы, по всей видимости, близкие подруги. Она всегда была такой? — спросил я, направившись вместе со Стиви к маленькому красно-желто-черному паровозику.

— Ага, это же Гвен! — ответила она, с ходу понимая, что я имел ввиду. — Я знаю ее всю свою жизнь и до сих пор не могу это объяснить. Как будто бы она...

— Совершенна в своем несовершенстве. И чем больше ты смотришь на нее, тем больше запутываешься, но все равно не можешь отвести взгляд... — продолжил я.

— Ого! — воскликнула Стиви.

— Что?

— Ничего. Я, пожалуй, прокачусь вместе с ними на паровозике, — сказала она, отходя. Остановившись, она вновь посмотрела на меня, покачала головой и пошла к ним.

— Что я такого сказал?

Тайги залаял, будто бы знал ответ.

Глава 10
Что-то взятое взаймы, что-то голубое⁴
Гвиневра

— Ну почему? Почему я такая?! — причитала я, пытаясь стащить с себя чертово платье, молния на котором сломалась и застряла намертво. Я вздохнула и посмотрела на свое отражение в зеркале. — Ты идиотка, Гвен! — прошептала я, когда зазвонил мой телефон.

— Илай, ты выбрал не самое удачное время!

— Если ты когда-нибудь еще попросишь меня одолжить тебе книгу или вина...

— Подожди!

Я попыталась подойти к двери, но запнулась о подол платья и грохнулась, опрокинув столик.

— Что ты там делаешь?

Задрав платье, я быстро вышла из спальни.

— Просто оставь книгу и бутылку возле моей двери...

— Ты хочешь, чтобы я сделал что?

O-o-o-o!

— Я не могу сейчас... просто положи.

— Ты плачешь?

— Нет, я не плачу!

— Гвиневра!

Не задумываясь, в порыве раздражения я распахнула дверь.

— Илай, я не плачу.

Его зелено-голубые глаза внимательно осмотрели сверху вниз мое узкое свадебное платье без бретелек с пышной юбкой ниже колен.

Больше всего мне сейчас хотелось захлопнуть дверь прямо перед его носом, так как чувствовала я себя крайне неловко, но еще я понимала, что это лишь усугубит ситуацию.

— Ну, вперед! Начинай смеяться! — вздохнула я, пропуская Тайги, который тут же подошел к Илаю и поставил на него свои передние лапки.

— Не вижу ничего смешного, — ответил он, протянув мне бутылку вина и медицинский справочник, о которых я его просила, и погладил Тайги.

— Я бы предпочла, чтобы ты смеялся. (*Тогда ситуация выглядела бы менее жалкой*). Спасибо, я верну книгу завтра.

Я уже собиралась позвать Тайги домой, но потом решилась.

— Мы ведь друзья, правда? — спросила я.

— Думаю, да.

— Поэтому мы можем оказать помощь друг другу не осуждая, верно?

— Просто скажи, что нужно.

— Мне неловко...

— Гвиневра! Ты стоишь передо мной в свадебном платье. Что может быть более неловким??!

— Я не могу его снять.

— Ты что?.. — удивленно спросил он.

— Это дурацкое свадебное платье не снимается, и мне с каждой минутой становится все труднее дышать в нем.

Я накрыла руками свой живот. Проклятое платье словно анаконда сжимало меня все туже при каждом новом вздохе.

Он попытался подавить смешок, но не смог удержаться и разразился хохотом.

— Ты сказал, что это не смешно.

— Не было смешно, пока ты не сказала, что застряла в платье. Как это случилось?

⁴ Прим. пер.: Что-то взятое взаймы и что-то голубое — вещи в наряде невесты, прочащие ей счастливое замужество.

— Я слегка поправилась, теперь понятно?

По какой-то причине, чем больше он смеялся, тем лучше я себя чувствовала.

— Ну, так ты поможешь мне или нет?

Кивнув, он вошел в квартиру вместе с Тайги, положил вещи на барную стойку и закрыл за собой дверь.

Я повернулась к нему спиной, перекинула волосы через плечо и, когда его руки коснулись моей спины, я вздрогнула.

— Все в порядке?

— Да, все нормально, просто у тебя руки холодные. Ну как, получается? — спросила я, чувствуя, что он потянул платье.

— Молния застяла крепко-накрепко.

Илай схватился рукой за мою талию для опоры и потянул молнию вниз. Должно быть, это платье проклято, потому что не становилось свободней ни на миллиметр.

— Может, просто разорвать его? — предложила я.

— Ты серьезно?! — он буквально замер.

Я усмехнулась, втянув живот еще сильнее.

— А что? Слабо?

— Если какой-нибудь парень захочет порвать твоё свадебное платье, проконсультируйся с психиатром, прежде чем решишь продолжать с ним отношения.

Он положил руки на мои плечи и попытался еще разок.

— Гвиневра, не знаю, что и сказать... Платье не снимается.

Почувствовав головокружение, я прислонилась к столу.

— Гвиневра!

— Все в порядке, просто здесь немного душно...

— Ты синеешь! Тебе плохо? Подожди...

Он потянулся и схватил кухонные ножницы.

— Что ты удумал?

— А на что похоже? Я собираюсь вырезать тебя из платья.

— Не-е-ет!..

Но было уже поздно, я тут же услышала звук разрезаемой ткани.

Я глубоко вздохнула, придерживая платье на груди, и повернулась лицом к нему.

— Ты его разрезал...

— Зато теперь ты можешь свободно дышать!

Я кивнула и посмотрела на платье.

— Ты его разрезал, — повторила я в шоке.

— Не ты ли только что предлагала мне разорвать его?

— Да, но я была уверена, что ты откажешься... Спасибо? — Я не знала, что еще сказать.

— Пожалуйста.

Он отложил ножницы в сторону и направился к двери.

— Постой!

— Что еще? Застряла в бюстгальтере?

Придерживая платье, я развернулась в направлении спальни.

— Мне нужно узнать у тебя кое-что о больнице. Это недолго. Подожди одну минутку.

Забежав в спальню, я мигом скинула платье, переоделась в джинсы с футболкой и вернулась обратно. Илай принялся откупоривать бутылку принесенного им вина.

— Нет! — заторопилась я, но снова опоздала.

Он уже разливал вино по бокалам.

— Что? Ты хотела все выпить в одиночку? — Брови Илай удивленно приподнялись, и он протянул мне бокал.

— Нет. У Стиви завтра свадьба, и я собиралась презентовать ей эту бутылку, — вздохнула я, принимая бокал.

— А о других вариантах подарка ты не думала?

Он прошел в гостиную и сел рядом со мной на полу, возле окна.

— Думала, но Стиви... теперь уже Стефани... Ей может не понравиться. Я хотела подарить им что-то особенное: бутылку вина для Натаниэля и серьги для нее.

Я протянула Илаю подушку. Он подложил ее под спину и пригубил вина.

— Ты имеешь в виду Натаниэля Ван Аллена?

— Ты с ним знаком?

— Элита Нью-Йорка общается исключительно между собой. Моя мама «дружит» с миссис Ван Аллен уже многие годы. Мы оба приглашены, но мама буквально недавно сообщила мне, что пойдет на свадьбу одна.

То, как он произнес слово «дружит», заставило меня задуматься, как ему, одному из представителей этой самой элиты, удается оставаться таким земным и простым. Разумеется, он всегда одет с иголочки, и у него имеется целая куча дорогущих аксессуаров, но он ни разу не вел себя как сноб, по крайней мере, в последнее время. Даже в самом начале, когда я знала его только как доктора Кретина, я понимала, что это просто ответная реакция, ведь он был зол и унижен. Илай искренне заботится о других, я видела это своими глазами в больнице.

— Что? Почему ты так на меня смотришь?

Я покачала плечами.

— Задумалась о том, что ты совсем на них не похож. Тебя не заботит, что подумают другие. Себаст... он...

— Ты можешь смело произносить его имя, Гвиневра, он же не Воландеморт.

Я усмехнулась.

— Ну, Себастьяна всегда излишне волновало мнение других. Он хотел, чтобы все было... первоклассным. Когда мы встречались, я знала, что ему нравятся изящные вещи. Он любил похвастаться своим достатком и тем, что он не просто сынок богатеньких родителей. Мне часто было не по себе рядом с ним, я чувствовала себя словно на показе, но в то же время его хорошие качества перевешивали плохие.

Или я так думала.

— Он выбрал для тебя это платье? — спросил Илай, уставившись в окно.

— Почему ты так решил?

— Свадебное платье в обтяжку с блестками и стразами не в твоем стиле.

Хоть я и была согласна с ним, все равно испытала небольшое раздражение.

— Не то чтобы он лично выбирал его. Просто он был знаком с хозяйкой салона свадебных платьев и попросил ее подобрать самое лучшее и дорогое платье. До этого мы с ним побывали в нескольких других салонах, и я уже примерно представляла, какого типа платья он предпочитает. Я постаралась выбрать то, которое ему понравится... Понимаю, это звучит ужасно, но я тоже могу носить что-то девчачье!

— Никогда не утверждал, что не можешь. И это вовсе не ужасно, просто лишний раз подтверждает, что ты хотела быть привлекательной для него. Ничего предосудительного в этом нет.

— Рада, что ты его разрезал, — я улыбнулась. — Иначе я бы так и хранила его как память. Мне стоило выбросить его давным-давно или хотя бы продать, но у Стиви завтра свадьба. Просто... не знаю, мне хотелось надеть его в последний раз.

Я была уверена, что кому-нибудь на свадьбе оно может понравиться.

— В ответ на твой комментарий скажу, что я — это не они.

Секунду я вспоминала начало нашего разговора.

— Меня не заботит, что думают другие, мне плевать на это. Когда умер мой отец, я понял, каким недалеким было большинство из них. Конечно же, они приходили на похороны, держали маму за руку и прочее. Но еще я помню, как кто-то из них спросил:

«Кем он был? Что он делал? Где он жил?». Несколько месяцев спустя кто-то из жен даже попытался обвинить в его смерти маму. Думаю, она оправилась от этого. Тогда я просто... хотел услышать истории о своем отце, истории, которые они могли рассказать, будучи его друзьями. Но затем я убедился, что их жизни не были связаны ничем важным, они просто посещали одни и те же вечеринки. Только пациенты отца говорили о нем вновь и вновь, именно поэтому я захотел стать доктором.

— Если бы твой отец видел тебя... — начала я.

Он повернулся и посмотрел мне в глаза.

— Если бы он видел тебя таким, каким я увидела тебя тогда в больнице, клянусь, он был бы горд тобой. И еще, я гордились тобой! В тот день мне тоже захотелось стать врачом. И об этом тебе говорит девушка, которая постоянно заваливала химию.

Он усмехнулся:

— Правда?! А я-то думал, что я «просто крутой».

— Я же вычеркнула эти слова, разве нет?

Чертова записка!

Он рассмеялся, и я вместе с ним.

— Твой отец был хирургом? Твоя мама — хирург и директор больницы. Ты — хирург, и твой брат учится на хирурга... Я просто робею.

Он гордо вскинул свою голову, и я закатила глаза.

— А кто твои родители?

— Мама преподает курс афроамериканской и африканской истории в университете Аляски. Она иммигрировала из Южной Африки, когда ей было четыре года.

— А отец?

— Мой папа — астроном. Он тоже преподает в университете. Но в период костров и летних палаточных лагерей он становится главным рассказчиком — представителем коренного населения Аляски. Он наполовину эскимос, наполовину англичанин. То есть во мне намешаны южноафриканская, английская и эскимосская кровь.

Илай, задумавшись, кивнул.

— Я всегда хотел узнать историю своей семьи, но, насколько я знаю, до сегодняшнего момента мои предки всегда жили в Америке. Теперь я вдруг почувствовал, что хочу изучить это вопрос глубже.

— Займись этим.

— Получается, оба твоих родителя преподают, а ты решила стать художницей? Бунтарка, так сказать. У тебя есть братья или сестры?

Я бы хотела, чтобы он не спрашивал об этом. Повертеев бокал в руке, я допила остаток вина.

— Теперь уже нет.

К счастью, он не стал меня расспрашивать об этом.

Илай

Сняв ботинки, я прошел в свою гостиную и лег на диван. Мне хотелось узнать о ней больше, но я понимал, что не имею права настаивать. Тем более, когда она так старается улыбаться тому, что причиняет ей боль. Теперь я четко знал, что у нее два типа улыбки: одна — искренняя, когда она счастлива, а другая — защитная. Если Гвиневра расстроена или задета, она все равно улыбается, но за улыбкой прячет свою боль.

Она была так красива в этом свадебном платье... О чем я думаю, черт возьми?!

— Очевидно, слишком много вина, — пробурчал я себе под нос.

— Где?

Подскочив на диване, я увидел своего младшего брата, выходящего из *моей* спальни в *моей* рубашке, рукава которой были слишком длинными для него, и он попросту закатал их.

— Что ты здесь делаешь? И почему на тебе моя рубашка?

— Свою я случайно облил пивом, — ответил Логан, направившись на кухню и взяв мою последнюю бутылку пива. — Тебе пора пополнять запасы пива в холодильнике.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— У мамы в гостях Ван Аллены. Ты же знаешь, я ненавижу этих людей.

Он оттолкнул мои ноги в сторону и уселся на диван. Я запустил в него подушкой.

— Эй!

— Не задумывался ли ты о своем собственном жилье?

Он посмотрел на меня, как на умалишенного.

— И оставить маму одну в доме? Не ты ли просил меня не торопиться переезжать?

В добавок к вышесказанному, я люблю наш дом.

Ничего не ответив, я подвинулся и переложил ноги на кофейный столик.

— И по какому поводу ты пьешь отцовское вино? Обычно ты хранишь его для особых случаев, — удивился Логан.

Он тоже закинул свои ноги на столик рядом с моими.

— Гвиневре нужна была на завтра бутылка для свадьбы Ван Алленов. Оказалось, что она — близкая подруга невесты Натаниэля. Но закончилось все тем, что мы снова выпили эту бутылку сами.

Я взял пульт и включил телевизор, а брат продолжал таращиться на меня.

— Что такое? — спросил я.

— Ничего, я просто перевариваю полученную информацию.

Я откинулся назад.

— Хорошо. Значит, ты распиваешь отцовское вино с кем-то вне семьи, и это уже не в первый раз? Что происходит между вами двумя?

— Мы подружились. В первый раз я пытался извиниться перед ней после того, как по-скотски повел себя, а в этот раз она сама попросила. Я подумал, это меньшее, чем я могу отблагодарить ее после того, как она купила мне кеды.

— Она купила тебе кеды? Илай, колись! И не ври мне.

— Мы просто друзья, и не видим друг друга в иной роли. Было бы странно, если бы мы начали встречаться. Мы единственные два человека, которые понимают, через что нам пришлось пройти и какие чувства испытать, поэтому мы просто общаемся. А у тебя все мысли только об одном. — Он выпятил губы и медленно глотнул пива. — Я предупреждаю, Логан.

— А я ничего и не сказал, просто припоминаю, когда я пытался с ней подружиться, ты попросил ее игнорировать меня.

— Просто смотри телевизор молча.

Он так и сделал... замолчал на целых две минуты.

— То есть... это означает, что ты идешь завтра на свадьбу? Она же будет там.

— Нет. Меня это не касается.

Он пожал плечами.

— Я хочу сказать, ты отказываешься туда идти, потому что свадьба непременно всколыхнет в тебе все негативные воспоминания, а Гвиневра должна будет туда пойти. Это отвратительно! Она будет вынуждена пройти через все в одиночку.

— Она уже большая девочка, Логан. Если это немного успокоит тебя, можешь потанцевать с ней, если захочешь.

А я не пойду.

Глава 11

Что-то новое, что-то старое⁵

Гвиневра

Предполагается, что платья подружек невесты должны быть страшненькими. Но только не мое! Мое платье, на которое я потратила почти тысячу долларов, с уверенностью можно назвать самым лучшим из всех, что у меня когда-либо были: оно элегантное, с открытым плечом — я чувствовала себя в нем изысканной. Стиви подобрала к нему украшения и обувь. Да, оно стоило очень дорого, по крайне мере, для меня, но запало мне в душу, и как когда-то подметил Илай, в этот раз я решила транжирить деньги. Моя подруга детства выходит замуж, это ее день, и если она хочет, чтобы ее подружки выглядели, как настоящие красотки, так тому и быть! В салоне мне сделали профессиональный мейкап, укладку и маникюр, и, не буду лгать, я осталась очень довольна процессом. Я чувствовала себя Барби, но в хорошем смысле.

Я вошла в зал ожидания, ища взглядом других подружек невесты, и, когда четверо из них посмотрели на меня, их рты, за исключением Жозефины, растянулись в широчайших улыбках, что я приняла за хороший знак.

— Гвен, ты выглядишь потрясающе! — выдохнула одна из женщин, подойдя ко мне. — С этого дня всегда носи только красное! Это стопроцентно твой цвет!

— Спасибо. Я старалась, — улыбнулась я.

— Леди, — перебила Жозефина. — Стефани появится здесь с минуты на минуту. Не забывайте, это ее день!

Улыбки женщин потухли, и они отошли от меня.

Я хотела поинтересоваться у Жозефины, чем вызвано ее раздражение, но вспомнив о том, что после этой свадьбы больше никогда не увижу ее, мне стало все равно.

— Леди, — выйдя из комнаты невесты, обратилась к нам мама Стиви, со счастливой улыбкой придерживая двери. — Позвольте представить вам будущую миссис Ван Аллен!

Она распахнула двери шире, и к нам вышла Стиви. При виде ее в моей голове моментально возникли кадры из одной романтической мелодрамы: Стиви медленно шла под звуки чудесной музыки, озаренная мягким светом... Она выглядела изумительно! Ее волосы, собранные в небрежный пучок, украшала красная роза. Ее платье было лучшим подвенечным платьем для принцесс, которое я когда-нибудь видела: крошечные кружева и сверкающие акценты.

— Гвен? — позвала меня Стиви.

Я поняла, что оказалась единственной, кто не подошел к ней.

— Извини, просто я ослеплена твоей красотой! — Я наконец приблизилась к ней. — Ты прекрасна! Прости, слезы наворачиваются на глаза.

— Не плачь! Если ты заплачешь, я тоже расплачусь! — она обняла меня и открыто улыбнулась.

— О, мы не можем себе этого позволить. — Мама Стиви тоже обняла меня. — Мы уже и так опаздываем. Поспешим, девочки!

Илай

Зачем я здесь? Нет, ну правда, зачем?!

Оказавшись в отеле, я не переставая задавал себе этот вопрос.

Логан лишь усмехался, стоя рядом со мной, словно знал о том, о чем не знал я. Мама была горда тем, что я не испугался свадьбы, и, учитывая, что я взрослый мужчина, не должно удивлять, но все же...

⁵ Прим. пер.: Что-то взятое взаймы и что-то голубое — вещи в наряде невесты, прочащие ей счастливое замужество.

По какой-то причине сегодня утром я надел свой лучший костюм, начистил свои лучшие туфли и причесал волосы, как будто собрался пойти на студенческий бал. И все-таки я оказался здесь, на свадьбе Натаниэля и Стефани, расположившись среди гостей жениха и слушая, как все присутствующие нахваливают убранство свадебного зала.

Сейчас я испытывал раздражение от удручающего запаха несметного количества чертовых роз, да и зал этот выглядел много скромнее нашего с Ханной свадебного зала.

— О, они прекрасны, не правда ли?! — Моя мама улыбнулась Натаниэлю, когда жених и его друзья заняли свои места у арки, усыпанной белыми и красными розами.

— Наверное... в этих смокингах с длинными хвостами они похожи на напыщенных пингвинов.

Мама ткнула меня в бок.

— Если твоё настроение мрачнее тучи, зачем ты явился?

Хороший вопрос!

— Он пришел, чтобы встретиться здесь кое с кем, — прошептал Логан.

За спиной мамы я отвесил ему подзатыльник.

Плохой ответ!

Мама хлопнула нас по коленям, привлекая наше внимание.

— Не могли бы вести себя как умные и взрослые мужчины? Боже праведный, помоги мне!

— Прости, — сказали мы в унисон, хотя я все еще злился на Логана. Он продолжал настаивать, что между мной и Гвен что-то происходит, хотя, положа руку на сердце, между нами ничего не было. Если я и думал о ней, то только как о друге, ни больше, ни меньше.

— Боже мой, это Гвен?! — прошептала мама, когда мы поднялись со своих мест при первых звуках музыки.

«*Это не она*», — проговорил я про себя, глядя на девушку, неспешно идущую вперед. Гвиневра, которую я знал, не красилась, ее волосы всегда были либо распущены, либо убранны на бок, она об этом не особо заботилась. А уж из украшений она носила только серьги-браслеты в виде перьев... точь-в-точь как у этой девушки?

— Это она, — прошептал я. *Только ее улучшенная версия.*

— Она выглядит потрясающе! — восхитилась мама, когда Гвен прошла мимо нас.

— Да. — По какой-то причине мое сердце нервно забилось.

— Эй, невеста в другой стороне, — тихо заржал позади меня Логан, намекая, что я засмотрелся на подружку невесты.

Мы просто друзья!

И какой же друг не считает своего друга хотя бы чуточку симпатичным? Гвиневра выглядела классно, и ничего неправильного в моих мыслях не было. Я заметил, что Логан специально поменялся местами с мамой, чтобы делать то, для чего и появляются на свет младшие братья — доставать старших. Но я обрубил все его попытки вывести меня из себя на корню.

— Люди вроде тебя как раз и являются той причиной, по которой мужчины и женщины боятся просто дружить. Да, она красива, и что с того? Ты ведь тоже так считаешь?

Он промолчал, и я довольно усмехнулся.

— Да я всего лишь хотел попросить у тебя жвачку, — прошептал он с улыбкой.

Стараясь игнорировать своего младшего брата, я уставился на центральное место в зале. По причине того, что я не был близко знаком ни с Натаниэлем, ни со Стефани, я не сводил глаз с единственного знакомого мне человека: девушка в красном платье. Она не нервничала, а просто улыбалась искренней улыбкой своей лучшей подруге. Когда ее глаза переместились с невесты на гостей, она, наконец, заметила меня и широко улыбнулась.

Это было по-детски глупо. Кто-нибудь мог подумать, что прямо сейчас она выиграла в лотерею. Подняв палец, я попросил ее переместить взгляд на невесту, и Гвен быстро последовала моему немому совету.

Гвиневра

— Я так рада, что ты все-таки пришел! — сказала я ему, освободившись наконец от нескончаемой фотосессии, когда вернулась в зал к гостям.

— Почему? — ровным голосом поинтересовался он, когда женщина у входа протянула ему карточку с номером столика.

— Ты знаешь почему. Я знаю, ты пришел вовсе не из-за меня, но я рада, что кто-то...

— Несчастный? — он усмехнулся.

— Нет, не несчастный, просто... — Я старалась, но никак не могла найти правильные слова. Я не хотела, чтобы он испытывал дискомфорт, но...

— Я понял, Гвиневра. Не старайся так усиленно думать, а то вздуются вены.

— Ты знаешь, а мне всегда было интересно, разве возможно вздусть вены?

Он покачал головой, ища взглядом свой столик.

Наклонив голову, я осмотрела его с головы до ног. Черная бабочка, классический смокинг, подчеркивающий его фигуру...

— Ты отлично выглядишь!

Он остановился и посмотрел на меня.

— Что? — удивилась я.

— Ничего. Ты тоже. Ты действительно постаралась, это...

— Эй! Я тоже умею хорошо выглядеть! Сегодня у меня даже не сочится слюна изо рта!

Он хохотнул, и я направилась следом за ним.

— Ты сидишь за главным столом?

— Нет, там сидят Натаниэль, Стиви и их родители с обеих сторон. Я сижу за столом... — Я остановилась, когда увидела карточку со своим именем рядом с именем Логана. — Хм, я сижу здесь. Должно быть, Стиви посадила меня сюда, предполагая, что здесь, кроме вас, у меня больше нет знакомых.

— Гвен, ты сидишь с нами? — Логан под руку с мамой и с коктейлем в другой руке приблизился к нам. Он был одет так же торжественно, как и его брат: бабочка, смокинг и прочее.

Я была вынуждена признать, что оба брата были хороши.

— Добрый вечер, доктор Дэвенпорт. Рада тебя видеть, Логан. Да, я сижу с вами. Вы не будете против?

— Разумеется, нет, и ты потрясающе выглядишь, дорогая, — миссис Дэвенпорт приобняла меня.

— Потрясающе? Нет! Гвен, ты выглядишь офигительно! — Логан улыбнулся и тоже приобнял меня.

— Ты тоже неплохо выглядишь! — Я улыбнулась, когда он отодвинул мой стул и помог мне сесть.

Илай помог сесть маме.

— Настоящие джентльмены! — улыбнулась я миссис Дэвенпорт.

— Я знаю это и горжусь ими. Если бы только они всегда вели себя так!

Оба сына протяжно вздохнули под ее внимательным взглядом. Забавно было наблюдать за ними троем.

— Как давно ты знакома со Стефани, Гвен? — спросил Логан.

— С шести лет. Мы встретились, когда, ну... вы скоро узнаете. Это часть моего тоста, поэтому потерпи немного. Надеюсь, я не буду сильно нервничать.

— Ты волнуешься? — Илай посмотрел на меня через стол, на котором стояли свечи, украшенные все теми же красными розами.

— Я всегда нервничаю при публичных выступлениях.

— По тебе этого нельзя было сказать на встрече в университете.

— В университете? — миссис Дэвенпорт вопросительно посмотрела на нас.

Я кивнула.

— Вообще-то, у нас была бурная дискуссия по поводу, чья карьера лучше: человека из мира искусства или представителя науки.

Илай усмехнулся.

— Что-что, а это была та еще дискуссия, но только потому, что ты заявила: «Я нужна тебе, а ты нужен мне!» В итоге ты перешла на мою сторону. Помнишь, какой я «клевый» доктор?

Я поапплодировала ему.

— Я сказала, что ты отличный врач только однажды и...

— Да? А мои уши прекрасно помнят, как кто-то восхищался моим талантом.

Он отпил воды.

— Это твое это ударило тебе в голову! Простите, миссис Дэвенпорт, — обратилась я к ней. Все-таки этот болван был ее сыном.

— Все в порядке, — она мило улыбнулась. — Вообще-то, это напомнило мне о тех временах, когда я встретила его отца, который постоянно твердил мне: «Мэрил, тебе надо было видеть меня сегодня! Говорю тебе, в этом штате нет лучшего доктора. Мэрил, ты видела, как быстро я наложил этот шов?». О боже, я не называла его эгоистом, я называла его доктор Брейниак⁶.

— Не тот ли это злодей из комиксов? — уточнила я.

— Вот это-то его и раздражало больше всего! — рассмеялась она.

И я рассмеялась вместе с ней. Не знаю почему, но видеть ее счастливо смеющейся над своими воспоминаниями было здорово. Не для того ли гостей приглашали на свадьбу?

— А как он называл тебя? — мягко поинтересовался Илай, отпив скотч.

Наклонившись к нему, она своей рукой накрыла его и ответила:

— Представляешь, я так об этом и не узнала. Уверена, он как-то называл меня про себя, но как бы он ни сердился, всегда просто произносил «Мэрил» таким тоном, будто бы я выжала из него все соки, и у него больше не осталось сил ругаться со мной.

— А мой отец просто строил рожицы. — Я провела пальцами по краю бокала. — Если моя мама была расстроена тем, что он забыл о чем-то или сделал, да не так, то он просто садился в кресло и наблюдал за ней, пока она старательно все переделывала, что злило ее еще больше. И тогда он поворачивался лицом ко мне и строил забавные рожицы. Он даже мог предсказать ее следующие слова. Когда я была подростком, часто спрашивала себя, почему он просто сидел и не помогал ей? Со временем я поняла, что он знал маму слишком хорошо. Мама любила, чтобы все было сделано именно так, как хочет она. И лучшая его помощь заключалась в том, чтобы не мешать процессу, пока она не даст ему прямые указания.

— Где сейчас твои родители? — спросила миссис Дэвенпорт.

— *Сайпресс, Аляска*, — ответил Илай странным голосом.

— Это место действительно существует? — удивился Логан.

— Это место ловли лучшей дикой семги в стране, — мы с Илаем произнесли эту фразу в унисон, только я говорила серьезно, а он пытался пошутить.

Все что я смогла, это строго посмотреть на него через стол. Он лишь пожал плечами в ответ.

— Леди и джентльмены! Пожалуйста, поприветствуйте мистера и миссис Натаниэль Ван Аллен.

⁶ Прим. пер.: Брейниак — изобретательный злодей в комиксах про Супермена.

Мы все встали со своих мест, аплодируя молодым. Я хлопала в ладоши так громко, как могла, ничуть не заботясь о том, что кто-то на меня смотрит. Логан присоединился, подняв бокал вверх.

Илай

После того, как принесли шампанское, и все устроились на своих местах, Гвиневра вышла на середину зала. Свет поменялся, мягко освещая ее. Казалось, она совсем не волнуется, а может быть, она просто привыкла прятать свои чувства. Она встала чуть в стороне, чтобы не загораживать старые фотографии, спроецированные на стену. Две маленькие девочки с тоненькими хвостиками, одетые в джинсовые курточки, стояли в обнимку. Маленькая Гвиневра показывала пальцами знак мира, а Стефани так крепко обнимала подругу, что, казалось, вот-вот задушит ее в своих объятиях.

— Тот день, когда я впервые встретила Стефани Мюррей, стал моим первым днем в начальной школе. Мальчики первого класса хотели испортить этот день, и я, будучи бунтаркой в душе, воспротивилась этому плану. Никто за меня тогда не заступился...

Стефани и ее родители ахнули, стараясь не засмеяться, когда следующая фотография продемонстрировала всем присутствующим двух девочек, сидящих верхом на двух мальчиках и хлопающих друг друга по ладошкам.

Гвен замолчала, а потом повернулась лицом к Стефании.

— Никто, кроме Стефани. И позже, что бы ни произошло в моей жизни, когда я оглядывалась, она всегда уверенно стояла за моей спиной. Она была рядом, когда в четырнадцать лет мы решили пересечь автостопом всю страну, но, доехав до ближайшей автобусной остановки, бегом вернулись домой. Она была со мной, когда в шестнадцать лет мы перекрасились в блондинок, чтобы, как мы тогда думали, выглядеть старше. Она была рядом на каждом этапе моей жизни, поддерживая меня на пути к моей мечте. Именно поэтому, когда я впервые встретила Натаниэля, я, конечно же, приревновала: кто же этот мужчина, который хочет забрать у меня мою лучшую подругу? Но потом я увидела, как она широко улыбалась от счастья, как он старался принять участие во всем, что она делала... со слегка большей логикой, чем мы. Он сделал мир вокруг нее в десять раз больше. И тогда я все поняла.

Гвен старалась сдержать слезы.

— Потому что моя близкая подруга теперь рядом с лучшим человеком для нее, и она хочет так смеяться и улыбаться до конца своих дней! Ты счастливчик, Натаниэль, и спасибо тебе. Пожалуйста, продолжай делать ее счастливой.

Закончив речь, Гвен глубоко вздохнула и крепко обняла подошедшую к ней Стефани.

— Тебе она нравится? — спросила меня мама.

Ее вопрос заставил меня посмотреть ей в глаза.

— Нет.

— Да, — ответил Логан. — Если нет, то почему ты так нервничаешь, когда я болтаю о твоих чувствах к ней? Если бы она была тебе безразлична, ты бы даже не думал о ней. Это все оттого, что она действительно нравится тебе, но ты не хочешь в этом признаться, и тебя это немного злит.

— Мы просто встретились...

— Я знала твоего отца всего две недели, когда мы стали встречаться, а через четыре недели он признался мне в любви. — Мама посмотрела на меня и отпила воды.

— В последний раз повторяю вам, мы просто друзья.

— Хорошо, — Логан поднял руки, сдаваясь. — Продолжай плятиться на своего «просто друга» так, словно она здесь единственная женщина.

Когда Гвиневра вернулась за столик, то заняла пустое место рядом со мной, а не с Логаном. Мне не понравилось, что теперь и она пропахла розами из-за огромного

количества цветов, окружавших нас, ведь ее настоящий запах — это свежий запах дождя.
О чем я только думаю?!

— Твоя речь была великолепной, дорогая, — ласково сказала мама.

— Спасибо, — Гвен улыбнулась ей.

— Что не так? — Я понял, что-то сейчас взволновало ее.

Она наклонилась и накрыла мою руку своей.

— Что бы ты ни почувствовал сейчас, не оглядывайся назад. Ханна и Себастьян сидят через два столика от нас.

Мне захотелось немедленно оглянуться, но она крепко скжала мою руку.

— Не оглядывайся, прошу. Сначала я хотела просто уйти, но потом решила, что ты тоже должен знать об их присутствии. Увидев их вместе, мы будем расстраиваться, а если учесть то, что мы немного выпили, можем еще и сцену устроить. Пожалуйста, давай не сегодня.

Вцепившись в бокал с водой, я кивнул. Мое присутствие на этой свадьбе было плохой идеей, я чувствовал это с самого начала.

— Ты сделала все фотографии, Гвен? — спросила мама, наклонившись к нам.

Гвен кивнула.

— Тогда увези ее домой, Илай. Я скажу всем, что ты себя неважно почувствовала. Ничего страшного не случится, если ты уедешь.

— Со мной все в порядке, спасибо. Я не сделала ничего плохого. Почему я должна бежать? Сегодняшний вечер никак не связан с ними. Они остались в прошлом. Я желаю им всего хорошего. — Гвен посмотрела на Натаниэля, который как раз готовился произнести речь.

— О, спасибо, но я не заказывала это, — произнесла она, когда официант принес ей тарелку со стейком.

— Я заказал это для тебя. Ты же не любишь рыбу, правильно?

Она ничего еще не ела, кроме хлеба и брокколи, пока сидела с нами за столом.

Гвен посмотрела на меня.

— Что? Ты не ешь мяса?

— Ем, спасибо тебе. Я страшно голодна.

Не удержавшись, я немного наклонил голову и просканировал взглядом зал, стараясь увидеть их.

— Илай, не делай этого, — прошептала она, даже не взглянув на меня.

Откуда она узнала?

Как бы там ни было, вздохнув, я выпрямился. Ненавижу свадьбы! Они навевают старые и новые странные чувства... как, например, сейчас, когда закончилась речь, и все гости вышли на танцпол.

— Мама, потанцуешь со мной? — Логан протянул ей свою руку, укрыв мою идею пригласить маму на танец. Он подмигнул мне и, конечно, мама тут же согласилась.

— Да, это точно будет моей последней свадьбой, — прошептала Гвиневра.

— Да уж, а я думаю, что в моих планах осталось посетить только свадьбу брата. — Я посмотрел в сторону танцующих. — Но это случится еще не скоро.

Она хохотнула.

— Даже не знаю, твой брат такой симпатяга.

— Для кого?

— Ой, да ладно тебе! Он молод и привлекателен.

— Ты просишь меня помочь тебе закрутить роман с моим собственным братом?

— Боже! Нет, конечно. Он для меня как младший брат. Я просто пытаюсь сказать тебе, что он обладает неким шармом. Подожди, скоро какая-нибудь девушка влюбит его в себя, ты не успеешь даже глазом моргнуть. Так устроена жизнь.

— Ты все еще веришь в любовь? — Я надеялся, она станет более циничной после всего. *Как я.*

Она указала на Натаниэля и Стефани на танцполе.

— Ну, мне не повезло. Иногда некоторым людям не везет. Но уж лучше пережить несколько неудач, чем полностью закрыться от любви и никогда больше не испытать этого невероятного чувства.

— Мне кажется, всему виной твои любовные романы.

Она усмехнулась.

— Знаю, женщина, которая *читает*... Ха! А вдруг ты захочешь позаимствовать какой-нибудь из них?

— Нет уж, спасибо.

— Тебе стыдно, что ли? Мне встречались парни, которые с удовольствием читали о любви.

— Таким образом ты намекаешь мне о своем желании подвести меня под свою идею о сексе?

Она замерла и посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты исковеркал мои слова.

— Ты сама так сказала. Ты бы хотела, чтобы я начал с какой-то определенной книги?

— Ты пытаешься выглядеть сексуальным в моих глазах? — Она чувствовала себя немного сконфуженной.

— Если какая-то из женщин вдруг прекратит восхищаться мной, я перестану существовать как мужчина.

Она притворилась, что ее сейчас стошнит от моих слов.

— Понятно, — кивнул я.

Она окинула взглядом танцующую толпу.

— Только не говори мне, что хочешь потанцевать.

— Я и не говорю, — соврала она.

Вздохнув, я поднялся и взял ее за руку.

— Нет, я правда не хочу...

Я развернул ее к себе.

— Я прекрасно вижу, когда ты обманываешь. Тебе стоит хотя бы разок потанцевать на свадьбе. Кстати, ты умеешь вальсировать? — спросил я у нее, когда музыка сменилась.

— Ты меня недооцениваешь, доктор Дэвенпорт. Я брала уроки танцев в колледже и, между прочим, сдала их на высший бал.

— Ну, теперь мне точно стоит начинать волноваться, — усмехнулся я. — Давай, продолжай хвалиться.

— Постарайся танцевать как можно... хуже, — пошутила она, взяв мою руку и положив ее на правильное место.

Она каждый раз пыталась сбить меня с толку.

Мы начали танцевать медленно, ее движения легко следовали за моими: сначала справа налево, потом наоборот.

— Как у меня получается? — Она самодовольно ухмыльнулась.

— Ну, это базовые движения, — ответил я, немного ускоряя темп.

Она не растерялась и превосходно подхватила движения под музыку. Ее платье слегка приподнялось, когда я покрутил ее сначала от себя, а потом к себе.

— Все еще слишком просто?

Мы еще немного прибавили темп, и у меня возникло ощущение, что это музыка вела нас, а мы просто плыли на ее волнах, кружась на танцполе. Гвен была совсем близко от меня, и я смотрел на нее, выискивая следы усталости, но ее огромные теплые карие глаза с нежностью смотрели на меня. Она моментально угадывала каждый мой танцевальный маневр, даже когда я без предупреждения чуть отклонял ее назад. Ее лицо находилось так близко к моему, что я буквально на секунду потерял контроль.

*Она просто красавица!
Боже, о чем я только думаю?!*

Наконец музыка закончилась, мы остановились и... услышали аплодисменты. На танцполе остались только мы. Все гости стояли за его пределами, даже Натаниэль и Стефани.

— Как теперь нам уйти? — прошептала она, кивнув на толпу гостей.

— Просто иди, — ответил я, провожая ее с танцпола.

Мы не стали возвращаться за свой столик, а просто шли, пока не оказались за дверями ресторана, в главном холле гостиницы. Держась за меня, она сбросила свои туфли.

— О, какая благодать! — Гвен счастливо вздохнула. — Я запаслась другими, на плоской подошве. Скоро вернусь.

И почему меня это заботит?

— Я не стану тебя ждать.

— Как хочешь, — ответила она, придерживая платье, и убежала.

Оставшись один, я глубоко вздохнул. Что это было? Почему я так себя чувствую?

— Ты выглядел счастливым.

Я замер, услышав звук ее голоса. Я знал, что этот день настанет, но почему именно сегодня?

Я повернулся к женщине в розовом платье.

— Здравствуй, Ханна, прекрасно выглядишь.

— Ого! Даже сейчас? Ты всегда был истинным джентльменом. — Она печально улыбнулась. — Я думала, ты избегаешь меня.

— Нет, извини. Мне просто нечего сказать тебе. Боюсь, ты должна вернуться назад. Твой бойфренд, жених или кем бы он ни был, может неправильно понять.

— Мы больше не вместе, а сюда мы пришли вдвоем, чтобы создать видимость, — сказала она, когда я уже хотел повернуться и уйти. — Он все еще любит ее, а я...

— Он все еще любит ее?

Какого черта! Он больше не будет с ней... О чем я думаю?!

— Илай! Пожалуйста, выслушай меня. Я думаю, что... совершила ошибку. Нет, я знаю, что допустила большую ошибку.

Она совершила ошибку? Она, что, решила посмеяться надо мной?

Я представлял себе все что угодно, но только не это. Я думал, при встрече она скажет мне, что он лучше меня во всех отношениях: и как любовник, и как мужчина, и предпочел бы услышать именно эти слова.

— Твои ошибки меня не касаются, Ханна. — Я развернулся, собираясь уйти.

Она придержала меня за руку.

— Илай, подожди.

— Все в порядке? — Гвен подошла ко мне, глядя в упор на Ханну.

Гвиневра

На самом деле мои ноги совсем не устали, просто мне нужна была небольшая передышка, чтобы собраться с мыслями. Илай находился так близко, его глаза все время наблюдали за мной, как будто я была единственной женщиной в зале. Мое сердце так громко стучало во время танца, и мне стало казаться, что из-за этого грохота я не слышу музыку.

По какой-то причине я доверились ему, даже когда он сказал, что не будет ждать меня. Я знала, что найду его на том самом месте, где мы расстались. Чего я не ожидала, так это увидеть ее, вцепившуюся в его руку. Эта сцена крайне взволновала меня.

— Все в порядке? — спросила я, подойдя к ним.

Илай высвободил свою руку из ее руки.

— Все хорошо. Ты взяла туфли?

— Да. Я только не могу понять, почему *ты* здесь? — Я указала на Ханну. Она вздохнула.

— Я понимаю... Я поступила с вами неправильно и очень сожалею об этом... Я улыбнулась ей.

— То есть, убив две человеческих мечты за какие-то жалкие тридцать секунд, ты своим «извинением» рассчитываешь исправить ситуацию? Не считая того, что пришлось пережить мне и моей семье, отвечая на бесконечные звонки и письма, придумывая, как объяснить, что мой жених сбежал с другой женщиной... с ее собственной свадьбы.

— Мы больше не вместе...

Я в шоке уставилась на Илай.

— Ханна, это не поможет, — выдохнул Илай.

— Разреши мне ударить ее, — попросила я. — Пожалуйста, дай, я ударю ее.

— Ты же не хотела устраивать сцен...

Я шагнула к ней. Ханна не отступила назад.

— Я заслужила это.

— Ты действительно этого заслуживаешь. Я должна бы проклясть тебя, плеснуть водой тебе в лицо или придумать что-то еще, но не за то, что ты обидела меня, а за то, что ты обидела Илая. Хуже всего, что у тебя даже нет достоинства и порядочности продолжить отношения, раз уж ты начала их. Думаешь, мне стало легче от того, что вы с Бэшем уже не вместе? Если бы вы до сих пор были близки, тогда я хотя бы могла думать, что у вас и правда любовь. До сих пор я считала себя неудачницей, но на самом деле настоящая неудачница — это ты. Как же, должно быть, глупо и мерзко ты себя чувствуешь, разрушив все ради мелкой никчемной связи. Мне тебя искренне жаль! — Я развернулась и ушла прочь.

Глава 12

Умышленно или случайно?

Илай

Не потому, что ты обидела меня, а потому, что обидела Илая...

Эти слова вновь и вновь повторялись в моей голове. За всю дорогу она не проронила ни слова и ни разу не посмотрела на меня. Мы подъехали к нашему дому, шофер открыл перед нами дверь. В лифте Гвен опустила голову и уставилась в пол, а когда мы поднялись на наш этаж, вышла из кабинки и медленно побрела к своей двери.

Я совсем не хотел, чтобы этот вечер закончился так.

Она открыла свою дверь. Я прошел следом за Гвен и прикрыл ее.

— Скажи что-нибудь, — прошептал я.

Она никак не отреагировала.

— Гвиневра, пожалуйста, скажи хоть что-нибудь.

— Илай, я очень устала.

— Она сказала, что он до сих пор любит тебя. Ты вернешься к нему, если он вдруг позвонит?

Не знаю, зачем я задал этот вопрос, но мне было важно узнать ответ. Я не мог оставить это просто так.

— Неужели ты думаешь, что я отчаялась до такой степени?

Она все еще не поднимала на меня взгляд.

— Я не вижу твоего лица и не могу понять, что ты сейчас чувствуешь. Посмотри на меня.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что ты смущаешь меня.

— Знаешь, я чувствую сейчас то же самое.

Ее руки сжали ручку двери.

— Мы выпили слишком много вина. Пора расходиться по домам, Илай.

— Хорошо, если ты этого хочешь.

Я отошел на шаг от ее двери, ожидая, когда она войдет внутрь, но Гвен осталась стоять на месте.

— Почему ты смущен? — спросила она, наконец повернувшись ко мне. — Когда ты говоришь такие вещи, это похоже на...

— Похоже на то, что ты мне нравишься? — произнес я и сразу же почувствовал облегчение. — Может быть, потому, что я разговариваю с тобой больше, чем с кем бы то ни было. Может быть, потому, что сердце мое разбито после разрыва с Ханной, и только ты тогда смогла меня понять, а теперь это больше не кажется трагедией всей моей жизни. Может быть, потому, что рядом с тобой вся моя семья становится светлее. Я не знаю, как это называть. В один момент ты была той, другой женщиной, которую, как и меня, унизили, а потом ты вдруг стала Гвиневрой, забавной, странной, талантливой, красивой Гвиневрой, и мне кажется, что ты пахнешь дождем, и еще я волнуюсь, не голодна ли ты. Я не знаю, как это произошло... Я думаю о тебе, но совсем не как о друге.

— Ханна...

— Больше не моя проблема, и не твоя. И я точно не хочу сейчас говорить о них, эта тема закрыта. Я хочу говорить о тебе и обо мне, о том, что происходит между нами.

Я шагнул вперед.

Она отступила назад и прислонилась к двери.

— Скажи мне, Гвиневра. Я пересекаю черту? И ты совсем не желаешь этого?

— Мы можем сделать больно друг другу, Илай, а потом придет разочарование...

— «Лучше пережить несколько неудач...», помнишь? Или это были только слова?

— Илай...

— Я снова тебя спрашиваю, Гвиневра, я один что-то чувствую?
Она отвела взгляд в сторону, а потом покачала головой.

— Ты должна сказать это.

Мне было нужно услышать ее слова.

— Нет, не один. Счастлив? Я твердила себе, что мы просто друзья, но желание увидеть тебя, поговорить с тобой и просто быть рядом... Ты постепенно заполнил все мои мысли, и я...

Я поцеловал ее. Это не был легкий поцелуй, как тогда, в университете. Я целовал ее, вложив в поцелуй все свое желание. Губы Гвен оказались очень мягкими и слегка приоткрылись, когда я посасывал ее нижнюю губу. Обняв за талию, я прижал ее к двери, и в этот момент ее руки потянулись к моим волосам, прижимая меня ближе к ней. Я почувствовал, как мои руки скользнули вверх и накрыли ее грудь. *Черт!* Я совсем не хотел, чтобы все начиналось так, и отодвинулся от нее.

— В чем дело? — удивилась она.

Мы оба тяжело дышали, но ни один из нас не сдвинулся с места, мы оставались прижатыми друг к другу.

— Я так поступаю, когда хочу снять женщину, Гвиневра. Я не планирую с тобой связь на одну ночь. Нам стоит остановиться.

— Хорошо. — Она кивнула, оттолкнув меня в сторону.

Но мне тоже не нравилось такое положение дел. Я наклонился и вновь поцеловал ее. Она прикусила мою нижнюю губу, и я застонал. Ее язык двигался внутри моего рта, заводя меня все сильнее.

— О-ох... Нет! — воспротивился я, снова сделав шаг назад. — Ты не должна быть настолько сексуальной.

Она рассмеялась.

— Что это значит?

— Не знаю.

У нее всегда был невероятно невинный вид. И тот факт, что она оказалась горячей женщиной, вводил меня в ступор.

— Ну что ж, тогда спокойной ночи? — спросила она.

Я невольно посмотрел на ее формы, прикусив губу, и кивнул.

— Хорошо. Увидимся завтра? — она открыла свою дверь.

— Подожди!

— Илай, ты убиваешь меня!

Спасибо, что сказала.

— Я просто хочу сказать... зная тебя, предполагаю, что завтра ты захочешь произвести хорошее впечатление и принарядиться... Не надо, ладно? Не нужен нам лживый фасад, скрывающий нас настоящих...

Она нахмурилась.

— Ты только что признался, что, когда я шикарно выгляжу...

— Признался. И после разговора с Ханной понял, что не хочу видеть рядом с тобой другого мужчину. Я немного собственник, ты уже знаешь об этом.

— Не беспокойся, я исправлю этот недостаток в тебе.

— Не могли бы мы начать исправлять его прямо сейчас? — Я ничего не мог поделать с собой.

Она улыбнулась и покачала головой.

— Спокойной ночи, доктор Дэвенпорт.

— Спокойной ночи, мисс По.

Она медленно прикрывала дверь, не отрывая от меня своего взгляда, пока, наконец, не закрыла ее.

— Вот, черт! — прошептал я, поспешив в свою квартиру. Мое сексуальное желание медленно убивало меня. Раздевшись, я принял раздумывать, как в дальнейшем сложатся наши отношения после недавнего признания.

Я был слишком возбужден.

Гвиневра

— Что же только что произошло? — спросила я Тайги, медленно осев на пол у двери. Одной рукой я прикоснулась к губам, а другую положила на грудь, где сердце, казалось, было готово выскочить из нее.

Я не просто целовала Илая, я целовала его взасос, и мне хотелось большего. На вкус он был словно ванильное мороженое: сладкий и холодный.

— Что же я делаю, Тайги? — прошептала я, погладив его по шерстке. Он высунул язык и лизнул меня. — Если мы начнем встречаться, это все здорово усложнит, так? Мы же не будем просто проводить время вместе? У нас будут свидания и... секс.

Чем больше я размышляла, тем сильнее хотела этого. Даже сейчас дрожь прошла по всему моему телу, стоило только вспомнить его силу и твердость, его мужественные руки на мне.

Хватит! Я подумаю об этом завтра!

Официально мы еще ничего не решили, ведь правда? Существует ли официальная дата начала наших отношений?

У меня сейчас расколется голова.

Хватит думать об этом!

Даже приняв душ и переодевшись, я никак не могла успокоиться. Сев на кровать, я прислонилась к стене и подняла книгу с пола у кровати.

Интересно, он уже спит? Это бесполезно!

Мне не спалось, и в этом была его вина!

— Глупый, сексуальный, эгоистичный, классно целующийся доктор! — прошептала я, зарывшись лицом в подушку.

Мой телефон завибрировал.

Ну и где ты? Я встала на колени и принялась разыскивать телефон на кровати.

Тайги залаял и пододвинул носом телефон ко мне.

— Умничка, Тайги! Вот почему я тебя люблю!

Пес пролаял еще пару раз, а потом свернулся клубком на своей подстилке у моих ног.

Пришло сообщение от Илая.

Илай: «**Ты спиши?**»

Гвен: «**Да!**»

Ох! Могла бы придумать ответ и получше!

Илай: «**Так ты спиши и одновременно пишешь мне сообщение? Что-то новенькое.**»

Гвен: «**А ты почему не спиши?**»

Илай: «**Я не могу спасть! Ты вскружила мне голову!**»

Что? Я?

Сев и скрестив по-турецки ноги, я быстренько напечатала ответ, как будто через телефон он мог понять мои чувства.

Гвен: «**Я вскружила тебе голову?! И об этом говорит мне мужчина, который, словно бомбу, сбросил мне на голову сообщение, что я ему нравлюсь. Тот, который своими поцелуями пил мою силу до тех пор, пока я, едва не разомлев, уже была готова пригласить его к себе. Но будучи джентльменом, он вдруг решил остановиться, чтобы не воспользоваться ситуацией... Это не я взбаламутила твои мысли, доктор Дэвенпорт, а ты!»**

Я чувствовала себя очень гордой, пока писала это сообщение... а отправив, поняла, насколько сумасшедшим оно может показаться ему.

— Ненавижу свидания, — пробурчала я, падая на бок и не желая видеть его ответ.

Должна же быть кнопка на телефоне, которая возвращает сообщение отправителю?

Пока я перечитывала его предыдущее сообщение, от него пришло новое:

Илай: «Но ведь это волшебное чувство! Ты вскружила мне голову, я кружу голову тебе. Ты же хочешь этого, правда?»

«Да», — ответила я, не задумываясь, потому что это и правда было чудесно.

Илай: «Для меня тоже. Я не хочу разговаривать с тобой с помощью сообщений, хочу видеть твоё лицо, поэтому я подожду еще несколько часов. Спокойной ночи, Гвиневра».

Гвен: **«Тебе тоже, Илай».**

Упав на кровать, я вспомнила, что его спальня расположена как раз за моей стеной. Если он печатал сообщения в спальне, значит, он здесь, рядом со мной. Мне захотелось постучать по стене, но, вероятнее всего, это будет уже слишком.

Я зарылась лицом в подушку. Мне показалось, что я только пару минут назад прикрыла глаза, как Тайги звонко залаял, принеся мне свой поводок. Часы показывали полшестого утра.

— Тайги, еще слишком рано, давай пойдем гулять чуть позже. — Я перевернулась на другой бок.

Он запрыгнул на кровать.

— Солнце даже еще не встало, — начала я.

Он подтолкнул свой поводок ближе ко мне и гавкнул.

— Ладно, ладно.

Вставая, я чувствовала себя больной старушкой. Почесывая спину, я нехотя натянула свои штаны для бега, хотя в последний раз бегала еще в детстве. Обычно мы ходим с ним в парк, и я просто жду, когда он набегается за белками или наиграется с мячом.

— Дай мне минутку, малыш, — попросила я и прошла в ванную, чтобы почистить зубы.

Тайги засеменил за мной, жалобно скуля, и поставил свои лапки на меня.

— Идем, идем уже. — Я пристегнула к нему поводок и направилась к двери. — Что с тобой такое?

Я замолчала, когда из своей квартиры нам навстречу вышел Илай, одетый в черные тренировочные штаны и футболку с капюшоном, поправляя наушники от плеера в ушах. Он заметил нас, когда Тайги подбежал к нему. Его глаза расширились от удивления, и он вынул наушники из ушей.

— Доброе утро, — быстро проговорила я, помахав ему рукой как идиотка.

— Доброе, — улыбнулся он. — Ты всегда так рано встаешь? Я тебя ни разу не встречал здесь в это время.

— Нет, обычно мы выходим немного позже, но по какой-то причине сегодня Тайги разбудил меня ни свет, ни заря.

И теперь я выгляжу как надоедливая фанатка, преследующая звезду.

Я сердито посмотрела на пса, который как ни в чем не бывало прогуливался возле лифта.

— Вот видишь, ему не терпится гулять, — указала я на Тайги.

— Где вы обычно гуляете? — спросил Илай.

Он приблизился ко мне, и я нажала на кнопку вызова лифта.

— В Центральном парке, — ответила я, входя в лифт вместе с ним.

Одновременно мы потянулись к кнопке закрывания дверей и соприкоснулись пальцами.

— Прости, — я быстро отдернула руку.

Он подавил смешок и нажал на кнопку.

— Как же он радуется! — Илай кивнул на Тайги.

Я посмотрела на собаку, которая от нетерпения виляла хвостом из стороны в сторону.

— Я вчера была так занята свадьбой, что погуляла с ним буквально минут десять, в общем, очень мало. Сегодня ему нужно хорошенько побегать, — погладила я пса по голове.

Мы спустились на первый этаж.

— Ты тоже бегаешь?

Его голос звучал так радостно.

— Да!

Не знаю, зачем я это брякнула. Обычно Тайги бегает сам по себе, или я качусь на велосипеде рядом с ним, но просто бегать — да ни за что на свете!

— Обычно я бегаю вдоль Гудзона, это почти пятнадцать километров, но Центральный парк тоже неплох. Ты начинаешь отсюда? — спросил Илай.

Пятнадцать километров миль каждое утро? Может, стоит упасть замертью прямо здесь?

— Мы...

Я не успела сказать Илаю, чтобы он бежал без нас, как Тайги словно безумный рванул вперед и потащил меня за собой. И что еще ужаснее, теперь Илай бежал следом за мной.

«За что, Тайги, за что?» — мысленно орала я на пса, пытаясь успеть за ними. Теперь я уже не могла прервать пробежку. Было еще достаточно рано, и парк, наполненный утренним туманом, был практически пуст.

Я молилась, чтобы кто-нибудь из них замедлил бег, но они оба находились в своем маленьком мире, устремляясь все глубже в парк. Я почувствовала, как свело мои икры.

Давай, Гвиневра, ты сможешь! Хотя бы еще полчасика!

Я заставляла себя бежать из последних сил, вдыхая через нос и выдыхая через рот. Мне казалось, я смогу выдержать еще совсем немного, пока моя левая нога вдруг не потеряла свою чувствительность. Я остановилась и, к большому неудовольствию Тайги, села на скамейку, потирая ногу.

— С тобой все в порядке? — Илай подбежал ко мне.

Я заметила, что он только слегка покрылся испариной, в то время как я сидела, обливаясь ручьями пота. Глубоко вздохнув, я старалась восстановить дыхание.

— Я не занимаюсь бегом. — Я подняла вверх руки. — Не знаю, зачем я соврала тебе. Обычно мы с Тайги просто гуляем, а если он хочет побегать, я беру с собой велик. Я отличная велосипедистка, а бегунья из меня никакая, и я сейчас, кажется, умру. Как долго мы бегали?

— Двадцать четыре минуты.

— Да?!

Я была крайне удивлена, что смогла продержаться целых двадцать четыре минуты.

— Видишь, мне даже тридцати минут не выдержать. Очень плохо!

Он опустился на колени рядом со мной.

— Какую ногу свело? Надеюсь, это не растяжение?

— Я сейчас вся как сплошное растяжение, а левая нога ужасно ноет. И еще я потянула спину, когда вставала утром, но больше вроде ничего.

Плевать на всю неловкость ситуации! Я до чертиков хочу скорее попасть домой, рухнуть в кровать, закрыть глаза и попытаться заново начать этот ужасный день.

Он взял мою левую ногу и принялся массировать икру.

— Гвиневра, когда ты со мной, следуй правилу «Не врать», особенно, если это может привести к бессмысленным травмам или... Проще говоря, в любом случае! Мне все равно, бегунья ты или нет.

— Извини меня, — прошептала я, стараясь не обращать внимания на его руку. — Ты выглядел так радостно, когда я сказала, что тоже люблю бегать и...

— Я радовался тому, что смогу провести с тобой время. — Он посмотрел на меня.

— Всю ночь я придумывал, как ненавязчиво подкатить к тебе, и бег показался мне прекрасной идеей, которая помогла бы нам растопить лед после вчерашнего. Именно поэтому я и был так доволен.

— Больше не буду, прости, — мягко произнесла я. — Но я помню, ты как-то говорил, что умеешь отличить мое вранье от правды.

Он нахмурился. Его рука скользнула от икры к колену и замерла, прежде чем подняться выше, к бедру. Илай посмотрел на меня.

— Ты меня отвлекла, и я не заметил обмана. Остановиться? Тебе уже лучше?

Мне было лучше.

— Не останавливайся.

Это не было ложью. Я хотела, чтобы он продолжал прикасаться ко мне. Илай ухмыльнулся, продолжая пальцами медленно массировать мое бедро. Изо всех сил стараясь не испустить стон восторга, я, не отрываясь, смотрела на него, а он на меня. Я сглотнула, когда его пальцы поднялись чуточку выше, массируя бедро еще сильнее. Мое дыхание сбилось, и мне стало тяжело дышать.

Он прикусил губу, вздохнул и остановился, но не убрал руки с моего бедра.

— Ты искусная соблазнительница! Прошлой ночью, этим утром... Гвиневра, мы только начинаем наши отношения. Давай остановимся на это месте. Я хочу остаться джентльменом, а не становиться маньяком!

Я накрыла своей рукой его руку, наклонилась к нему и поцеловала так страстно, как он целовал меня прошлой ночью. Наши губы открылись навстречу друг другу, и теперь уже обе его руки обнимали мои бедра.

Оторвавшись от поцелуя, он посмотрел на мои губы, сглотнул и выдохнул.

— Ты думаешь, это я соблазняю тебя сейчас? Это ты меня безумно заводишь, доктор Дэвенпорт.

— Очень надеюсь на это, мисс По.

— Тебе нужна пробежка. — Я кивнула вниз, указывая на его... проблему.

— Да... нужна, — сказал он, вставая на ноги. — Ты поедешь в больницу сегодня? Я кивнула.

— Мне пора приступать к росписи стены.

— Если я буду отвлекать тебя, ты потратишь на это больше времени? — Он хохотнул, приготовившись бежать.

— Не надо меня отвлекать!

— Это ты сейчас так говоришь! — Он подмигнул, махнул мне рукой и побежал.

Я заметила, что без меня он побежал гораздо быстрее.

То есть со мной он еще сдерживал свою сумасшедшую скорость?!

Рухнув на скамью, я увидела Тайги, спокойно устроившегося рядом. Он звонко гавкнул мне.

— Хорошо, хорошо. Все это только благодаря тебе.

Он гавкнул еще разок и положил голову на лапы.

— Ты все еще мой любимчик. Клянусь тебе! — я засмеялась и погладила его.

Благодаря Тайги сегодняшний день прекрасно начался, несмотря на то, что сейчас моя нога напоминала... желе.

Да, тут точно нужен лед...

Глава 13

Победители и проигравшие

Илай

Менее чем за двадцать четыре часа я был вынужден принять холодный душ дважды, и все из-за Гвиневры По. Еще два дня назад я даже и не думал о ней в таком плане, да я просто не позволил бы себе это. Впрочем, в ту самую секунду, когда я все-таки принял эту мысль, внутри меня словно рухнул невидимый барьер, и я увидел ее такой... волнующей. Моя память собирала воспоминания о ней по крупицам как пазл. Я даже не подозревал, как много всего уже узнал о ней. Я знал, что у нее маленькая ступня с того момента, когда накладывал лед на ее растянутую щиколотку. Знал, что у нее нежная кожа с тех пор, как пытался помочь ей снять свадебное платье, и тогда же запомнил, какая у нее сексуальная спина и полные груди.

О, только не сейчас! Я тяжело застонал, беря сумку и улыбаясь кедам, которые она мне подарила. Когда я вошел в гостиную, то увидел Логана, сидящего за моей барной стойкой и с аппетитом уминающего мюсли.

— Разве ты не должен быть сейчас на занятиях?

— Сегодня суббота. А чему ты улыбался, входя сюда?

— Не твое дело! — Я остановился, желая задать ему вопрос. — Что ты думаешь о Гвиневре, как о женщине?

Он широко улыбнулся.

— Перед тем как начнешь придуриваться, просто ответь на мой вопрос.

— Честно?

— Нет, соври. Конечно, честно.

— Она суперсексуальная, — серьезным тоном произнес он.

Мне хотелось, чтобы он солгал.

— Ты это сказал, чтобы лишний раз понервировать меня?

— Нет, — он покачал головой. — Когда Себастьян только познакомил нас, я тоже так подумал. У нее милая улыбка. Я тогда решил, что она одна из моделей в его журнале, а потом понял, что ее тело слишком греховно для этого. Я имею ввиду, ее полная гру...

— Стоп, — резко прервал его я. — Прекрати, пока я не запустил в тебя этой тарелкой.

— Что?! Сам же спросил.

— Я спросил тебя, что ты думаешь о ней, как о женщине, а ты принялся описывать мне ее тело.

— А что, тело не является частью женщины?

О чем я вообще разговариваю с этим недоумком?

— Все! Забудь! Проехали!

Когда я подошел к холодильнику за фруктами и бутылкой воды, Логан заговорил снова.

— Хорошо. Помимо физических данных, она умна, немного странновата, но в то же время мила и забавна в своих странностях. Гвен самостоятельна и успешна, а самое главное — наша мама ее просто обожает. Если бы тебе она не нравилась так сильно, я бы сам пригласил ее на свидание.

Я остановился и внимательно посмотрел на него.

— А тебе она нравится?

Он пожал плечами.

— Не так сильно, как тебе. И прежде, чем ты используешь меня в качестве повода, чтобы больше не встречаться с ней, знай, я бы просто пригласил ее на свидание — без признаний в любви или чего-то подобного. Она милая девушка, с которой весело. Конечно же, любой парень традиционной ориентации хотел бы пойти с ней на свидание. Только то, что ты слепой, вовсе не означает, что остальные вокруг ослепли.

— Мы оба только что вышли из серьезных отношений. Это может напомнить нам о страшном разочаровании, которое довелось пережить. Может быть, нам стоит немного повременить, прежде чем решиться на что-то...

Что-то большее...

— Если ты уверен, что нравишься ей, какой смысл чего-то ждать? Помнится, те двое, с которыми вы были в серьезных отношениях, не ждали.

Я устал думать об этом.

— И хватит жрать мои мюсли! — бросил я ему, подходя к двери.

— Хотя бы в первое время скрывай от нее свою патологическую жадность, если действительно хочешь пригласить ее на свидание, — заржал он.

— Уже пригласил!

Голова Логана резко повернулась в мою сторону. Я усмехнулся и захлопнул за собой дверь.

— Постой, что? — заорал он.

Зная, что он непременно последует за мной, я быстро вошел в лифт. Прежде чем двери лифта успели захлопнуться, я услышал ее голос:

— Пожалуйста, придержите двери. Спасибо!

Она вошла, болтая с кем-то по телефону и копаясь в сумочке, даже не потрудившись поднять голову.

— Нет, мне нужно удвоить количество той краски. Да. Спасибо большое. А еще, не могла бы ты отправить ко мне тех студентов-художников? Ты просто ангел с шестью крыльями, Сьюзи! Пока.

Она отключила телефон и глубоко вздохнула.

— Спасибо, что придержали две... — Она повернулась ко мне и замолчала.

— Всегда пожалуйста, — ответил я.

Лифт спустился на первый этаж, двери открылись.

— Я думала, ты уже на работе.

Я пропустил ее вперед.

— Моя смена начинается через двадцать минут. Обычно я прихожу заранее, но сегодня успею ровно к началу смены.

— Из-за меня? Я нарушила твой график сегодня утром, да?

Причина, по которой я позже вышел на работу, была в ней и в нашем совместном утре, но вовсе не в том ключе, в каком она подумала.

— Все нормально. Подвезти тебя до больницы? — спросил я у нее, когда подъехал мой шофер.

Она посмотрела на машину, потом на меня.

— Ты каждый день ездишь на работу с водителем?

— Не каждый. А как добираешься ты?

— На автобусе.

— Это что же за миллионеры ездят в этом городе на автобусе? — Я распахнул перед ней дверь.

Не знаю, почему она засомневалась.

— Ты же потянула ногу?

— И правда! — она села в машину.

Кивнув водителю, я присел рядом с ней.

— У тебя есть какие-то правила? — спросила она, пристегиваясь.

— Правила?

Она кивнула.

— Например, не разговаривать на работе или притворяться, что мы не друзья, или...

— Кто выдумал такие правила? — спросил я, заранее зная ответ.

Она не ответила, а просто отвернулась к окну. Я развернул ее голову к себе.

— Сегодня утром я говорил тебе о моем единственном правиле: «Не лгать!» Все! Если ты хочешь поговорить со мной, говори. Я не собираюсь объявлять всем вокруг, что мы... пара. Но если люди узнают, отрицать не стану. Я не Себастьян, и мне было бы противно, если бы ты начала сравнивать меня с ним.

— А ты не сравниваешь меня с Ханной?

— Я даже не думаю о ней, только о тебе. Именно поэтому я здесь. Разве ты не видишь? С каждой секундой ты притягиваешь меня все сильнее...

— Как ты это делаешь? — прошептала она, уставившись на мои губы. — Почему я вдруг стала думать о тебе в этом смысле? Мы должны двигаться не спеша, постепенно узнавая другу друга...

— Может быть, это потому, что мы уже несколько недель изучаем друг друга? — ответил я.

— А я все еще не знаю, подходишь ли ты мне.

Она слишком близко.

— Хорошо. Я заканчиваю в восемь. Как насчет позднего ужина? Я приготовлю.

— Это наше первое свидание, — произнесла она, отстегивая ремень безопасности, когда мы подъехали.

Открыв дверь, я подал ей руку и поблагодарил водителя. Она взглянула на наши руки, улыбнулась, но ничего не сказала. Только оказавшись внутри бело-голубого здания, мы разъединили руки.

— Дай мне знать, когда соберешься уходить, — попросил я.

— Буду ждать с нетерпением, доктор Девенпорт. — Она кивнула, помахав мне на прощание, и прошла к месту своей будущей работы.

Я наблюдал за тем, как она достала из рюкзака наушники, надела их и начала пританцовывать, не заботясь о том, кто ее видит, кивая головой в такт музыке.

— Это и есть та самая художница, которую наняла твоя мать? — доктор Сио встал справа от меня.

Пока мы наблюдали за ней, Гвен сняла жакет и бросила его на пол возле себя, оставшись в джинсах и топе на бретельках.

— Да...

— Интересно... — Он наклонил голову, наблюдая за Гвен. — Ну, приятель, мне кажется, я должен познакомиться с ней.

Он остановился, когда я положил руку ему на плечо.

— Что такое?

— Все, что ты можешь сказать ей — это «Привет». Если зайдешь дальше, пожалеешь. Наслаждайся своим днем, наполненным подтяжкой лиц и силиконовыми сиськами. — Я развернулся и пошел вверх по лестнице.

Печально, но он поплелся за мной следом.

— Она даже не в твоем вкусе.

— Женщины — вот кто в моем вкусе, ты разве не знал? — ответил я, направляясь к своему шкафчику.

Он усмехнулся, собирая свои волосы в хвост.

— Спорим, я добьюсь свидания с ней быстрее, чем такой дикарь как ты!

— Да ты что?! О какой сумме идет речь? — Я вытащил халат и брюки.

— Обычные пять тысяч баксов, и проигравший красит волосы.

Каков идиот!!!

— Идет! — Я протянул ему руку.

Когда он пожал мою в ответ, я продолжил:

— Думаю, розовые волосы тебе пойдут. Как считаешь?

— Мило! Блонд подойдет тебе больше.

Он пока еще ничего не понял. Вытащив свой телефон, я сделал видеозвонок Гвен.

— Илай? — смущенно спросила она.

— Я только хотел узнать, что мне приготовить на наше первое свидание? — Я улыбнулся, наблюдая, как челюсть доктора Сио открылась, а потом закрылась, перед тем как он показал мне средний палец.

— Да все равно! У меня аллергия только на...

— Кофе, я помню. Извини за беспокойство.

— Без проблем. Пока. — Она улыбнулась и повесила трубку.

— Иногда, приятель, мне не верится, что я — твой друг, — пробурчал он.

— А я тебя предупреждал, что любая твоя попытка с дальним прицелом будет жестко отражена, и ты пожалеешь о ней! — сказал я, завязывая шнурки. — Но ты не послушал меня. Если будешь внимательно слушать пациентов, станешь хорошим врачом. — Я похлопал его по спине и вышел.

— Когда-нибудь и я выиграю. Что делать с деньгами? Снова отдать на пожертвование больным детям?

— Ну, пусть хоть кто-то подумает, что ты замечательный доктор.

Выходя, я увидел моих докторов-интернов: Эластичного, Четырехглазого и доктора Пучок.

— Вы опоздали, — я посмотрел на часы.

— Всего на две минуты. — Эластичный указал на свои часы. — В приемник⁷?

Как они унылы! Но это неплохо!

Я не ответил, только кивнул, направляясь к своему первому пациенту на сегодня. Этот день обещает быть замечательным.

Гвиневра

Отступив на шаг, я посмотрела на стену. Я здесь уже четыре часа и только обозначила контуры левого угла. Потянув руки и пальцы, я отступила еще немного назад.

— Что это?

Повернувшись, я скорее не увидела, а почувствовала, как Молли подошла к стене. Положив руки ей на плечи, я удержала малышку от падения на колени. В больничной косынке с мертвенно-бледной кожей она выглядела словно неживая. Девочка прижимала к груди своего мишку.

Ей, наверное, нельзя ходить.

— Мисс Молли?

— Привет, Гвиневра!

— Молли, не должна ли ты находиться в своей палате?..

— Нет! — закричала она, отойдя от меня, а затем побежала, но не быстро, потом споткнулась, а может быть, у нее отказали ноги.

— Молли! — Я бросилась к ней и схватила за руки. — Молли, ты слышишь меня?!

Она обняла меня руками за шею, тяжело дыша, и заплакала.

— Я хочу уйти отсюда! Я ненавижу эту больницу! Я хочу играть!

С Молли на руках быстрым шагом я пошла на пост к медсестрам. Три доктора уже бежали к нам навстречу. Их взгляды были прикованы к девочке. Однако среди них был... Как же его имя... Тот мужчина из квартиры 32С.

— Молли! — заорал он, пытаясь забрать ее из моих рук. — Молли, ну же! Давай вернемся!

— Нет! — крикнула девочка мне в ухо так сильно, что я поморщилась от боли, и она еще крепче прижалась ко мне.

— Я нашла ее возле своего рабочего места. Ей нельзя ходить.

Я попыталась отцепить малышку от себя, но она лишь еще крепче обхватила меня ногами.

Что же это такое?

⁷ Прим. пер.: Приёмник — приемный покой в больнице.

— Молли, если я пообещаю тебе прийти поиграть с тобой, ты пойдешь к докторам?

— Я надеялась, что ее объятия несколько ослабнут.

Она покачала головой.

— Взрослые врут, и ты не придешь. Папа обманул, он сказал, что мне скоро станет лучше. Доктора врут, говорят, что мне поможет другой доктор. Я хочу домой! — Она горько плакала.

Я посмотрела на ее отца, который выглядел просто раздавленным: сгорбленный, вмятой рубашке, небритый.

— Хорошо, не стану тебя обманывать. — Я переложила ее на другую руку. — Ты болеешь, Молли, и эти люди хотят тебе помочь. Убежав, ты сделаешь себе хуже, и это ни к чему хорошему не приведет. Ты же любишь рисунки, да? Я не смогу прийти поиграть с тобой, но могу нарисовать тебе все, что ты захочешь. Только скажи мне что.

— Мою мамочку, — прошептала она. — Ты сможешь ее нарисовать?

Я улыбнулась и кивнула.

— Через неделю я принесу тебе рисунок, а если нет, то ты можешь всем сказать, что я настоящая врунишка. Но теперь иди, пожалуйста, к докторам.

Она нахмурилась, но кивнула.

Я передала ее на руки темнокожему доктору в очках.

— Мы сходим с ней в лабораторию, а потом она вернется в свою палату, — сообщил он, и троица врачей увела ее.

Ее отец, Тоби, теперь я вспомнила его имя, смотрел вслед Молли.

— Простите за глупый вопрос, но вы в порядке? — спросила я его.

Он повернулся ко мне. По его пустому взгляду я поняла, что он напрочь забыл о моем присутствии.

— Моя дочь назвала меня лжецом, и она очень страдает. Я совершенно не в порядке.

Он закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

— Простите, что выплеснул это на вас.

— Ничего страшного. Я же сказала, что это был глупый вопрос. Вам нужна передышка. Хотите присесть рядом со мной? Вы Тоби Уэсли, да? Из моего дома?

— А, поэтому ваше лицо мне знакомо. Мисс По? Правильно?

Он прошел за мной и сел на стул возле стены.

— Это ваше рабочее место?

Он посмотрел на контуры набросков на стене.

— Да. Сегодня первый день моей работы здесь.

Я откинулась назад на стуле и проследила за его взглядом. Наброски не так-то легко увидеть невооруженным глазом, поэтому я не особо беспокоилась о том, что кто-то догадается о моих замыслах. Когда я нанесу краску, тогда и отгороджу стену экраном.

— Что здесь будет?

— Пока это секрет. Кстати, у вас есть с собой фотография вашей жены? Я могла бы начать рисовать ее портрет для Молли.

Он выпрямился, даже не посмотрев на меня.

— Все в порядке, вы и так слишком заняты. Я не хочу, чтобы Молли...

— Мистер Уэсли, я не хотела бы прослыть врунишкой. Я пообещала вашей дочери рисунок, и мне нужно отдать его ей ровно через неделю. Если нарушу свое слово, кем же я тогда буду?

Он посмотрел на меня с легкой улыбкой на губах, потом вытащил из кошелька фотографию жены и протянул мне.

— Фото недостаточно хорошего качества...

— Прекрасное фото.

Я вытащила свой телефон и сфотографировала снимок. Мне не хотелось забирать его у Тоби.

— Мистер Уэсли?

Повернувшись, я увидела Илай в голубых хирургических штанах и белом халате, он держал большой стакан в руке.

— Все в порядке?

— Да, доктор Дэвенпорт. Молли убежала, но мы нашли ее. Я сейчас направляюсь к ней в палату, и там буду ждать ее, если позволите.

— Конечно. Я в скором времени подойду туда.

Тоби кивнул и повернулся ко мне.

— Спасибо еще раз.

— Не за что.

Я встала и повернулась к Илаю, который смотрел ей вслед.

— Ничего особенного не произошло, — быстро начала я. — Я нашла Молли. Вернее, Молли нашла меня, и я пообещала ей нарисовать...

— Зачем ты объясняешь? — Илай повернулся ко мне, удивленно приподняв брови.

— Я просто боюсь, что у тебя возникнут неверные мысли, и ты расстроишься...

— Опять ты это делаешь. Не уверен, осознаешь ли ты это.... Ты подсознательно ждешь от меня такой же реакции, как от Себастьяна.

Вздохнув, он взял меня за руку и передал стакан. Он был абсолютно прав.

— Извини.

— Не извиняйся. Я буду очень стараться, чтобы ты увидела четкую разницу между мной и им.

Он усмехнулся, указав на стакан.

— Это горячая ваниль. Так как ты не пьешь кофе, я не придумал ничего лучше, чем привести это.

— Не нужно было ничего приносить, но все равно спасибо.

— Я знаю, но если я ничего с собой не принесу, то под каким предлогом смогу увидеть тебя?

Улыбнувшись, я отпила из стакана, и мои глаза чуть не вылезли из орбит.

— О, как вкусно!

— Спасибо. Мне пора идти. Увидимся позже? — спросил он, наполовину отвернувшись, чтобы уйти.

Взяв его за руку, я остановила его и поцеловала в щеку.

— Спасибо тебе.

— Всегда пожалуйста. И если хочешь услышать правду, похоже, твой бывший — полное ничтожество.

Он махнул мне и зашагал прочь.

Когда он ушел, я села, раздумывая, все ли парни такие, как Илай? Себастьян был единственным, с кем я всерьез встречалась. Когда я разговаривала с другими парнями, он ревновал, но я списывала это на страх потерять меня. Когда он сказал, что не хочет, чтобы другие знали о наших отношениях, я решила, что он беспокоится о моей репутации, о том, что я буду унижена тем, что состою в отношениях с боссом. В то время мне трудно было разглядеть его недостатки, ведь я смотрела на него сквозь розовые очки. Чем дольше я раздумывала над этим, тем больше убеждалась, что мне никогда не нужно было встречаться с ним. Но если бы знать заранее, где подстелить соломку...

Илай

Выходя из палаты, где Молли отдыхала с отцом, я изо всех сил старалася сдержаться и не наорать на интернов, застывших напротив меня.

— Убежала? — мягко поинтересовался я.

— Пройдя через такое количество химиотерапии, мы не ожидали, что у нее будут силы даже просто встать, — ответил Четырехглазый, и остальные согласно кивнули.

Пучок выпрямилась.

— И потом, мы вышли только на секунду. Мы рассчитывали, что медсестры присмотрят за ней в это время.

Не теряй самообладание, Илай.

— Почему вы не поставили в известность меня? Почему я узнаю об этом от ее отца? — проговорил я сквозь стиснутые зубы.

Эластичный пожал своими дохлыми плечами.

— Мы не хотели вас беспокоить такими...

— Молчать! — рявкнул я.

Я их сейчас поубиваю к чертовой матери!

— А теперь по порядку, и слушать меня внимательно, потому что, если вы заставите меня повторять дважды, вы не только уйдете из отделения, вы уйдете с этого этажа. Доктор Четырехглазый, причина, по которой вы должны наблюдать детей, прошедших химию, состоит в том, что малыши намного устойчивее к терапии, чем взрослые. Иногда они чувствуют себя ужасно, им больно, но бывают дни, когда они запросто могут встать и пойти. Доктор Пучок, именно поэтому я попросил вас троих наблюдать за ней. В отличие от вас, медсестры не являются моими интернами. В отличие от вас, у медсестер сотни других пациентов, которые требуют их внимания. Доктор Эластичный, если когда-либо еще вы не доложите мне о моих *пропавших* пациентах или о чем-то подобном, клянусь, вы не только вылетите с этого этажа, но и вообще навсегда прекратите заниматься медициной в этом штате. Вопросы?

Все молчали.

— Есть вопросы?

— Нет вопросов, доктор Дэвенпорт.

— Отлично. И это означает, что впереди вас ожидает ночное дежурство, где вы должны будете следить за показателями Молли. А сейчас идите проверять ее кровяное давление.

Кивнув, они умчались от меня с такой скоростью, что от страха побежали в противоположном от палаты Молли направлении. У меня не было никакого желания останавливать их. Я подошел к посту медсестер, где доктор Сио, наслаждаясь свободным временем, покачал головой.

— Как же ты свиреп с бедными детками! — заржал он.

— Этим деткам еще учиться и учиться, — проворчал я, заполняя карту. — Я даже не знаю, как их вообще выпустили из медицинской школы? Как можно было не сказать мне о пропавшей пациентке? Идиоты!

— Так тебя сегодня ждет свидание?

— Не собираюсь с тобой это обсуждать! — Я подписал карту, положил ее на полку и пошагал прочь.

Он поплелся следом за мной.

— Ну, мы же друзья еще с медицинской школы...

— Нет, мы просто вместе учились. Это ты всем говоришь, что мы друзья.

Доктор Сио вздохнул.

— И что в тебе находят женщины? Ты ведешь себя, как настоящий засранец.

— Симпатичный и притом успешный, что им еще нужно?

Он что-то пробурчал себе под нос.

— Слушай, — сказал он, когда мы вошли в лифт. — Я просто в шоке, что ты всерьез кем-то заинтересовался после того, как...

— Хватит, — вздохнул я. — Я сам еще ничего не знаю. Мы просто понравились друг другу. Мне приятно, когда она рядом, тем более после... ужасного года, когда мы оба столько пережили. И эти приятные чувства не так легко было вернуть. Поэтому, отвечая

на твой вопрос, да, я с нетерпением жду сегодняшнего свидания. Я очень надеюсь, что все получится. А на нет и суда нет.

Выходя из лифта, я обернулся, не дав ему выйти.

— Не забудь к завтрашнему дню покрасить волосы!

— Какая же ты язва! — нахмурился он, и двери лифта закрылись.

Мой телефон завибрировал, и я улыбнулся, прочитав сообщение от нее:

«Я ухожу. Сообщи мне, когда будешь дома, «крутой доктор».

Гвиневра».

Глава 14

Много шума из ничего

Илай

Казалось, что я провел в больнице вечность. Все тело ныло, и сейчас мне просто хотелось расслабиться и провести вечер с Гвиневрой. Однако у дверей моей квартиры меня поджидал Логан.

Прислонившись к стене и опустив голову, он рассматривал свои ботинки.

— Логан, я очень занят сегодня вечером. Ты...

— Мне нужно поговорить с тобой, — серьезно ответил он, держа руки в карманах.

— Уверен, после того, как ты выслушаешь меня, не станешь задерживать.

— Логан, что случилось? — Я поставил вещи на пол и внимательно посмотрел на него.

Он глубоко вздохнул, поднял на меня глаза, а затем снова опустил голову вниз.

— Я бросил медшколу.

Меня словно огреди обухом по голове.

— Прости? Что ты сделал? — шокировано спросил я.

Он кивнул.

— Я бросил медшколу.

— Ты в своем уме?! — заорал я. — Почему ты бросил школу? У тебя лучшие оценки в группе, я только на прошлой неделе разговаривал с твоим преподавателем!

— Я не хочу быть доктором, Илай! — закричал он в ответ. — И уже несколько лет обдумываю, как сказать тебе об этом...

— Я не верю тебе. Откуда взялся такой настрой, Логан?

— От меня. Это говорю тебе я, твой младший брат. Я терпеть не могу больницы, Илай, меня воротит от больных. Я не хочу спасать людей при помощи скальпеля и совершенно не желаю становиться похожим ни на тебя, ни на отца. Я не...

— Тогда что ты хочешь, а? Похоже, ты уже все для себя решил? Считаешь себя достаточно взрослым? Ну так расскажи, что же теперь собираешься делать со своей жизнью?

— Я хочу заниматься музыкой!

Господи помоги мне!

Я отвернулся, пытаясь подобрать слова и немного успокоиться, но кровь с такой скоростью неслась по венам, что я чувствовал, как пульсирует вена на шее.

— Пожалуйста, скажи, что это неправда, — выдохнул я, — просто глупая шутка.

— Это не глупость и не шутка, это то, чем я хочу заниматься. Я недавно встречался с представителями звукозаписывающей студии, и мне предложили принять участие в туре. Я уезжаю на неделю.

— Какого хрена ты?..

— Илай, может, до тебя еще не дошло, но меня уже тошнит от всего этого. Я устал и больше не хочу ждать и надеяться, что ты когда-нибудь одобришь меня. Я взрослый человек и вполне способен делать осознанный выбор. Я принял решение.

Обойдя меня, он направился к лифту.

— И ты готов так легко забыть, сколько каторжного труда было вложено?!
Бросишь все и начнешь зарабатывать пением?

— Да, и единственной причиной тому, что этот труд был действительно каторжным для меня, стала ненависть к будущей профессии. Я делал это, потому что хотел, чтобы мой старший брат мог гордиться мной. Я хотел, чтобы ты был счастлив, поскольку знал, сколько сил ты вложил, чтобы вырастить меня, стараясь заменить мне отца. Ты учил меня играть в футбол и бейсбол. И, хотя тебя с распростертыми объятиями ждали в лучших университетах страны, ты все равно поступил в Нью-Йоркский, только чтобы оставаться рядом со мной и мамой. Даже после того, как мы убедили тебя, что с

нами все будет в порядке, ты согласился лишь на Йельский, чтобы была возможность приезжать каждые несколько дней и быть рядом с нами. Ты всегда заботился о нас, и мне бы хотелось полюбить ту жизнь, которую ты прочил мне. Полюбить искренне. Мне не хотелось делать тебе больно, но я — не ты, Илай. Я не готов прожить свою жизнь так, как ты этого хочешь. Я просто не могу.

Он вошел в лифт.

Я не знал, что ответить. Подняв с пола вещи, я вошел в квартиру, испытывая дикое желание побежать следом за ним. Логан решил испортить себе жизнь. Как же он этого не видит?

Приняв таблетку аспирина, я лег на диван и попытался хоть немного расслабиться, но моя голова просто раскалывалась от напряжения.

Гвиневра

Прождав до десяти часов, я набралась смелости и постучала в его дверь. Илай открыл не сразу. Он был в той же одежде, что и утром, только уже сильно измятой. Когда он увидел меня, его глаза расширились, и Илай тут же перевел взгляд на часы.

— Гвиневра! Прости меня!

Илай прислонился лбом к руке, придерживая дверь.

— Можно мне войти? Я принесла с собой китайскую еду. — Я протянула ему пакет.

Он попытался улыбнуться.

— Гвиневра, я в ужасном состоянии...

— Знаю, я слышала вас с Логаном. Уверена, весь дом слышал ваш разговор. Я даже хотела поначалу притвориться и сделать вид, что ни о чем не знаю, но затем решила не лгать. Я хочу провести этот вечер с тобой, неважно, в хорошем ты настроении или нет.

Он отошел и пропустил меня внутрь.

Я прошла на кухню, поставила сумку на барную стойку и вынула содержимое.

— Я не была уверена, что именно ты захочешь, поэтому выбрала всего понемногу из того, что мне показалось аппетитным. Стиви поклялась, что в этом ресторанчике превосходно готовят. И поэтому... Что такое?

Он смотрел на меня во все глаза, когда я повернулась к нему лицом.

— Ничего. Я просто немного раздосадован тем, что уснул, и тебе пришлось напрягаться и что-то покупать самой. — Илай достал тарелки.

— Вовсе нет. Оно того стоило. Ты ведь ешь в основном только здоровую пищу, поэтому я несколько сомневалась насчет китайской еды. Но ведь это лучше, чем пицца, правда?

Он усмехнулся, качая головой.

— Китайская кухня хуже для тебя, а я всеядный.

Надо было заказать пиццу!

— И теперь ты подумала, что было бы лучше заказать пиццу. — Илай засмеялся, раскладывая еду по тарелкам.

— Прекрати это!

— А ты прекрати все эмоции отражать на своем лице, тогда и я ни о чем не смогу догадаться! Рис или лапша?

— Всегда рис, — ответила я.

Его глаза остановились на небольшом подарке, который я принесла для него. Он был завернут в простую коричневую бумагу. Увидев, как Илай потянулся за ним, я спрятала сверток за спину.

— Давай сначала поедим.

Он вопросительно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Передав мне тарелку, Илай открыл дверцу винного бара.

— О, нет! У тебя заканчивается отцовское вино? Я чувствую себя виноватой.

— Не заканчивается. У мамы в доме полный погреб этого вина. И потом, мы знаем, как его изготовить, и в любой момент сможем произвести его, если захотим.

Илай наполнил бокалы и пригласил меня в гостиную. Он сел рядом, я же наслаждалась мягким комфортом его дивана.

— Когда-нибудь, когда у меня будет квартира побольше, я куплю себе такой же диван.

— А ты все еще используешь свою квартиру, как временную студию?

Он отправил первый кусочек еды в рот и воскликнул:

— Это потрясающе вкусно!

— В вопросах еды никто не разбирается лучше Стиви. На ее свадьбе еда была восхитительной, не правда ли?

— А я думал, ты ненавидишь рыбу.

— Это было раньше. Я отношусь предвзято к рыбе не из дома, даже не знаю почему. — Я тоже попробовала кусочек.

— Ты скучаешь по Сайпресс?

Я кивнула в ответ.

— В некоторые дни сильнее, чем в другие. А вообще я люблю Нью-Йорк. Прожив тут некоторое время, трудно не полюбить этот город, но я скучаю по просторам и природе. Однажды, когда мне было девять, мы наткнулись на стадо оленят, и я помню, как мне жутко хотелось забрать одного из них домой. Я плакала горючими слезами, пока папа объяснял мне, что не нужно их трогать. В качестве основного довода он сказал, что сильно расстроится, если кто-то, посчитав меня хорошенькой, захочет забрать к себе домой. Теперь, когда я вспоминаю этот эпизод своей жизни, понимаю, что вела тогда себя ужасно.

— Фотографии, которые ты показывала на свадьбе Стиви, прикольные. Точно такой я и представлял тебя в детстве. Уверен, малышкой ты доставила родителям немало хлопот. — Он улыбнулся.

— Не совсем. Мои родители никогда ничего мне не запрещали всерьез, и я старалась рядом с ними вести себя хорошо.

— Почему?

Поставив тарелку на кофейный столик, я посмотрела на Илая.

— Сейчас я расскажу тебе кое-что, только ты, пожалуйста, не думай, что я до сих пор страдаю. Со мной все в порядке. — Илай выглядел несколько растерянным. — И я расскажу тебе об этом только потому, что ты поссорился с братом. Итак, когда мне было двенадцать, мой брат вернулся из колледжа и сообщил родителям, что больше не чувствует себя мужчиной. Он говорил, что ненавидит свое отражение в зеркале, и это убивает его изнутри. Он хотел сменить пол, и тогда мой отец потерял его, — последнюю часть я прошептала. — Отец был так зол, что у него едва не случился сердечный приступ. Он выгнал брата из дома и велел ему не возвращаться до тех пор, пока тот не выбросит эти глупые мысли из головы. Брат пытался, как мог, переделать себя, стать таким, каким его хотел видеть отец, но только сильнее ненавидел себя. Никто не говорил об этом больше. А потом, год спустя, он покончил жизнь самоубийством. Через несколько дней после трагедии каждый из нас получил письмо от него. В письме ко мне он писал, как сильно любит меня и хочет, чтобы я стала самой лучшей Гвиневрой в истории всех Гвиневр и позаботилась о его щенке Тайги. Родителям он написал, что любит их, несмотря на то, что они оттолкнули его, и надеется, что когда-нибудь они смогут его простить. Отец неделями рыдал после случившегося, а мама не вставала с постели.

Я ненавижу рассказывать о своем прошлом! Никто не знает об этом, даже Себастьян.

— С тех пор каждый раз, когда я возвращаюсь домой и обнимаю отца, задаюсь вопросом — жалеет ли он о том, что тогда наговорил сыну? Предпочел бы он иметь двух

дочерей вместо одной и мертвого сына? Я тебе это рассказываю только по одной причине, и прости, что этот вечер получился таким печальным: я слышала Логана, и в его словах слышала своего брата. Все то же самое, только Логан говорил о музыке. У всех нас одна жизнь, и нас убивает, когда любящие близкие люди мешают осуществить собственную мечту. Ты боишься, что Логан не состоится как музыкант? Конечно, это может случиться. Это происходит с миллионами, и уверена, найдется достаточное число умников, которые скажут ему, что как музыкант он — ничто, что он никогда не добьется успеха. Поверь мне, я знаю, о чем говорю, я сама встречала таких.

Многие из них до сих пор ждут моих неудач.

— Ему просто нужно, чтобы старший брат любил его в любом случае, всегда. Я знаю, ты любишь его и желаешь ему только счастья. Неважно, успешен он или нет, ему нужно, чтобы ты был на его стороне.

Закончив говорить, я протянула ему свой подарок. Не глядя на меня, он принял сверток.

— Я обманула тебя, твою маму и... весь мир. Картина «Шепот Востока» написана не из-за бабушки и дедушки, а из-за моего брата. Я никогда никому не рассказывала о нем, не хотела причинять новую боль своим родителям. День смерти моего брата — пятница. Твоя мама рассказывала, что ваш отец умер неделю спустя. Я нарисовала для нее большую картину и сделала две маленькие копии в рамочках для тебя и Логана.

Илай

Мои руки дрожали, пока я разворачивал сверток. Увидев подарок, мое сердце сжалось. Картина была настолько изумительна, что выглядела почти как фотография. На ней были изображены уже взрослые Логан и я рядом с молодыми мамой и папой. Мы смеялись над чем-то, и это выглядело так правдоподобно, будто бы отец до сих пор был с нами.

— Гвиневра....

Я не знал, что сказать, просто положил картину на столик и поцеловал ее. В голове пронеслись тысячи мыслей, и самая главная заключалась о том, что я хочу быть с ней... настолько долго, насколько она мне позволит.

Она пересела ко мне на колени и пригладила мои волосы, я обнял ее, прижавшись рукой к голой коже ее спины.

— Илай... — прошептала она, когда я поцеловал ее шею. — Я хочу тебя, но еще хочу, чтобы ты тоже желал этого, но не из-за картины.

Уложив ее на спину, я внимательно посмотрел на Гвиневру.

— Я хочу тебя больше всего на свете, потому что ты заставляешь меня чувствовать... мне трудно выразить это словами. Но если ты попросишь меня остановиться, я сделаю это.

Улыбаясь, она потянула меня за рубашку и порвала ее, обнажая мой торс.

— Твое тело говорит, что ты не зря занимаешься бегом.

Я вынул презерватив из заднего кармана, но она остановила меня.

— Я на противозачаточных. — Это была просто музыка для моих ушей.

Я поцеловал ее, прикусывая нижнюю губу. Улыбнувшись, в отместку я потянул и разорвал ее блузку, нежно поцеловал обе ее груди, а потом провел языком по животу, стягивая с нее джинсы и белье.

— О-о-о, — простонала она, держась за диван, когда мои пальцы вошли в нее. Она всем телом прижималась ко мне. — Илай!

По ее телу пробежала дрожь, когда я прикоснулся к ней языком. Устроив ее ногу у себя на плече, я вошел в нее языком, пробуя на вкус, и не прекращая двигать пальцами.

— Илай... Илай... Я... больше не могу...

Постанывая, она прижала мою голову к себе, чтобы я продолжал.

— Илай! — ее тело задрожало в оргазме.

Сев, я вытер уголок рта, наслаждаясь видом ее обнаженного тела подо мной, движением груди, поднимавшейся чаще из-за сбившегося дыхания.

— Поцелуй меня, — попросила она.

Как я мог отказать? Ее язык скользил вокруг моего языка, и я застонал. Легким толчком она опрокинула меня на спину и села сверху. Сняв бюстгальтер, она отбросила его в сторону. Чуть приподнявшись, я сжал ее груди, взял в рот один сосок и слегка прикусил его.

Она дышала с трудом.

— Илай... я... хочу тебя, — прошептала она, стаскивая с меня штаны, и взяла меня в свои теплые руки. Когда она медленно погладила меня, я задрожал, и все мысли вылетели из головы.

— Гвиневра! — выдохнул я, отпуская ее груди и наслаждаясь ее движениями.

— Я хочу, чтобы ты был во мне. — Она целовала мои губы.

Придерживая ее за талию и практически не дыша, я едва не кончил, когда она опустилась на меня сверху.

— Черт! — у меня голос захрипел от напряжения.

Она была невозможно узкой и сильно сжималась вокруг меня. Опершись руками мне на грудь, она обважала меня. Ее волосы свесились на бок, полуоткрытые губы шептали мое имя снова и снова. Я не мог больше сдерживаться. Перевернув ее на спину и приподняв ногу, я резко вошел в нее. С каждым моим толчком ее груди тяжело подпрыгивали.

— О, Боже! — закричала она, положив руки мне на плечи. — Илай... черт! Да!

Чем сильнее она кричала, тем больше мне хотелось слушать ее еще и еще. Это вынуждало меня двигаться все быстрее. Лампа свалилась со столика, а диван двинулся вместе с нами, но это было неважно.

Тело Гвен выгнулось дугой, а я стоял на коленях, крепко удерживая ее бедра. Мой взгляд был затуманен от желания.

— Как же хорошо!..

Это больше, чем просто хорошо. Это было охренительно! Ее тело свело меня с ума.

— Илай! — закричала она, достигнув второго оргазма.

Я еще сильнее прижался к ней и жестко толкнулся. Она обняла меня и принялась покрывать поцелуями мое лицо. Гвен была самой дикой кошкой, которую я вообще встречал, и самой лучшей.

Гвен дразнила меня, шепча всякие непристойности:

— Возьми меня жестко, Илай, — стонала она, покусывая мое ухо. — Я хочу кричать, малыш. Мне нужно больше. Трахни меня еще!

И она кричала, царапая мою спину ногтями.

Это было восхитительно!

— Боже, Илай, с тех пор, как ты впервые поцеловал меня, я так хотела, чтобы ты меня трахнул.

— Буду и довольно часто. — Я шире развел ее ноги, наслаждаясь прекрасным видом, потом снова прижал ее к себе и уже больше не мог оторваться. — О-о-о! — испытав оргазм, я прикрыл глаза, возвращаясь к реальности.

Мы оба лежали, и никто из нас не мог пошевелиться. Ее руки обвили мою шею, а я обнимал ее за талию. Немного погодя, Гвен села на меня сверху и посмотрела мне в глаза.

— Я хочу, чтобы в следующий раз ты кричал мое имя, — прошептала она, нежно целуя мои губы. — Я хочу, чтобы ты кричал «Гвиневра», когда испытаешь оргазм.

Я улыбнулся, нежно погладив ее лицо.

— А ты совсем не такая невинная, какой кажешься.

Ее палец пробежал по моим губам, я поймал его ртом и слегка прикусил.

— Некоторые люди становятся другими, когда выпьют или примут наркотики. Мой наркотик — это секс. Мне кажется, будто что-то замыкает в моей голове, и я уже не могу остановиться, желая получить больше и больше. Спасибо тебе, я совсем забыла, как это здорово.

— Ты дикая кошка... моя кошка. — Мне было интересно, что еще я смогу узнать о ней.

— Трахай меня так же, и я стану для тебя всем, чем ты захочешь, доктор Дэвенпорт, — мягко ответила она, и я снова поцеловал ее.

Спасибо тебе, Господи, за нее!

Глава 15

Что было сказано в постели

Гвиневра

Первое, что я почувствовала, проснувшись, — удивительную мягкость постели. Я провела рукой по голубым атласным простыням, и на меня нахлынули воспоминания. Я все еще ощущала тепло его кожи под своими пальцами. Услышав шум душа, я села и накинула простынь. Часы показывали всего лишь час ночи.

Я могу ускользнуть сейчас или... могу присоединиться к нему.

Сердце забилось с удвоенной скоростью. Зная ответ, я отбросила простыню в сторону. Это легко объяснялось тем, что какое-то время я жила без секса и успела забыть, насколько прекрасна жизнь с ним. И теперь, когда в моей жизни он появился снова, мне больше ничего не было нужно... Я чувствовала себя подобно ребенку, который впервые в жизни получил конфету. Теперь странным казалось то, что у меня до этого был только один единственный мужчина — Себастьян. Он стал моим первым, и я была уверена, что он хорош в постели. Мне просто не с кем было сравнивать.... Теперь я понимала, почему той ночью сотрясались стены моей квартиры....

Сквозь плотную пелену пара в ванной я наблюдала, как по выступающим мышцам и подтянутому животу капли воды стекали на ноги, и увидела, какие милые ямочки показались на его белых ягодицах.

— Илай, — прошептала я достаточно громко, чтобы он мог услышать меня.

Он повернулся ко мне, вытирая темные волосы, и перевел на меня взгляд своих зелено-голубых глаз. Его взгляд разом охватил все мое обнаженное тело. Он открыл дверь душевой и протянул мне руку. Прижав меня к себе за ягодицы, он подставил под струи воды сначала свое тело, как бы защищая меня и предоставляя возможность привыкнуть к горячей воде.

— Ты только проснулась? — спросил он.

Я кивнула, проведя рукой по его животу.

— Я собиралась уйти до того, как ты выйдешь из душа.

— В итоге ты сделала правильный выбор, — ответил он, одной рукой взяв меня за щеку.

Я прислонилась к нему.

— Мы пересекли рубеж, и теперь у нас нет пути назад. Я хочу, чтобы то, что случилось этой ночью, происходило постоянно, — прошептал он.

— Какую именно часть прошлой ночи ты хочешь повторить? — я прикоснулась губами к его груди. — Ту, в которой довел меня до оргазма при помощи языка и пальцев? Или ту, где я скакала верхом на тебе... Нет, скорее всего, ту часть, где ты перевернул меня лицом вниз на своем удобном диване и имел, как последнюю шлюху. — Я нежно поцеловала его подбородок. — Какую бы часть ты не выбрал, я с удовольствием повторю ее снова.

Он прижал меня к стене, руками обхватив мое лицо.

— Продолжай разговаривать в том же духе, Гвиневра, и ты больше не сможешь выйти ни из моей ванной, ни из моей квартиры.

Я улыбнулась.

— Обещаешь?

Его губы впились в мои. Он провел рукой между моих ног, и, когда я застонала, медленно отодвинулся, продолжая ласкать меня рукой... Я прижалась к нему, двигаясь на его ладони, а он смотрел мне прямо в глаза.

— Ты сумасшедшее красива, мисс По, — прошептал он.

Я сжала его длину в своей руке, наслаждаясь пульсацией. Прижав меня к стене, прикрыв глаза и раскрыв губы, Илай улыбался, пока я не спеша поглаживала его. Затем он

оттолкнулся от стены, перехватил мою руку, и, не отводя от меня своего острого взгляда, произнес:

— Ты держишь меня в своих ладонях, Гвиневра, и я не в силах больше терпеть это.

Я застонала, почувствовав, как еще один его палец вошел в меня.

— Сделай что-то очень непристойное, — попросила я его.

Оторвавшись от меня, он поднес руку к моим губам, и я, угадав его желание, медленно облизала его палец.

Взяв за талию, он развернул меня к себе спиной. Я прислонилась к мокрому кафелю, чувствуя, как он прижался сзади к моим ягодицам. Илай слизывал воду с моей спины капля за каплей и нежно покусывал мои плечи.

Наклонив голову, я наслаждалась каждым его поцелуем, каждым его нежным укусом, скользя и прижимаясь всем телом к нему.

Он прикусил кончик моего уха.

— У тебя отлично получается играть со словами, Гвиневра, тебе это кто-нибудь говорил?

— Нет.

Мои веки отяжелели, и, когда он сжал одну мою грудь, я закрыла глаза и уступила его напору.

— Илай...

— Боже, я хочу жесткогоекса с тобой прямо сейчас, — прошептал он мне на ухо, сжимая обе мои груди.

— Илай...

— Ты чувствуешь, каким твердым я стал для тебя? Из-за тебя! — в доказательство, взяв мою руку, он заставил меня прикоснуться к нему. — Это потому, что ты самаяексапильная женщина, которую я когда-либо встречал.

Он пытает меня своими словами.

— Илай, пожалуйста... — практически умоляла я, когда он неожиданно отпустил меня.

— Пожалуйста, что? — Одной рукой он накрыл мою грудь, а другой провел между ног. — Пожалуйста, отымей меня?! Нет, это не то, о чем ты говорила прошлой ночью. Трахни меня, да?! Ты просила трахать тебя до тех пор, пока не начну выкрикивать твоё имя?

— Ты играешь не по правилам... — Я прикусила свой собственный палец, пока он медленно ласкал меня.

— А зачем мне правила, если я чувствую, какая ты мокрая, и как сильно тебе это нравится.

Он прав. Черт его побери!

— Илай, мне нужно...

— Нужно что? Ощутить мою голову у себя между ног? Кстати, ты была потрясающей на вкус.

Он снова прикусил кончик моего уха, лаская меня рукой все быстрее.

Потерявшись между его словами и ласками, я была вынуждена сжать ноги.

— Это не спасет тебя, детка. Я чувствую тебя. Попроси меня. Я хочу, чтобы ты просила меня трахнуть тебя так, как ты этого хочешь... так, как ты заслуживаешь.

— Илай, пожалуйста, я сделаю все, что захочешь, только трахни меня! — Я почти кричала. — Трахни меня жестко!

— Как скажешь, — ответил он, взяв меня за ягодицы, и одним мощным толчком вошел в меня.

В безумном восторге я открыла рот и прижалась к стене, вздрагивая с каждым новым толчком, которые становились все глубже и мощнее.

— О, Боже! — мой голос дрожал.

— Обожаю слушать звук твоего голоса, когда трахаю тебя, Гвиневра. Ты слышишь себя? — Он поцеловал мое плечо.

Я ничего не слышала, только звон в ушах.

— Господи, прошлой ночью я думал, что ты узкая. — Он застонал сзади меня и шлепнул по ягодице, пощипывая мой сосок. Он шлепал меня снова и снова, глубоко войдя в меня. Я больше не могла сдерживаться ни секунды.

— Илай! — выкрикнула я, испытав оргазм.

Держа меня за бедра, он увеличил темп.

— Гвен... Гвиневра! — закричал он, кончая.

Мы стояли, прижавшись друг к другу, теперь уже под холодной водой, стекающей по нашей разгоряченной коже.

— Ты почти назвал меня Гвен...

Он поцеловал мою спину.

— Ты — моя Гвиневра, а Гвен пусть будет для всех остальных.

Он немного отодвинулся от меня, и я поняла, что это он придерживает меня, потому что ноги меня не слушались.

— Гвиневра! — снова повторил он, выключая душ.

Я засмеялась.

— А ты и правда затрахал меня до слабости в ногах! Ты просто потрясающий!

Илай фыркнул, дотянувшись до стопки с полотенцами. Одно из них он набросил на мои волосы, а во второе завернул меня саму. Только после этого он взял полотенце для себя и повязал его вокруг талии.

— А мне понравилось рассматривать тебя, — пошутила я.

Он рассмеялся.

— Поосторожнее, мисс По, или я никогда не выпущу тебя из этой комнаты.

Он подал мне руку, помогая выйти из ванной, и повел в свою спальню.

— Моя одежда все еще в гостиной?

— Там, — он указал на комод. Все мои вещи были аккуратно сложены. — Но вот, твою блузку уже не надеть. Возьми это.

— Спасибо, — я приняла предложенную им рубашку. — Когда я вернусь, отдам...

— Не уходи.

— Что?

— Сейчас только два часа ночи. Останься и немного поспи. Я приготовлю завтрак, когда ты проснешься.

По какой-то причине я замешкалась.

— Не хочу оказаться той девушкой, от которой трудно отвязаться, Илай...

— Это я прошу тебя остаться. Поверь, если мне потребуется пространство, я сообщу тебе об этом. Но наши отношения — это больше, чем просто секс, по крайней мере, так я планировал до сегодняшней ночи, — признался он, потирая затылок. — Помнишь, что я говорил тебе о Ханне и Себастьяне?

— Мы много говорили о них, освежи мою память. — Я отложила полотенце и надела его рубашку.

Подойдя ко мне, он убрал несколько прядей, завившихся от воды, с моего лица.

— Я говорил о том, что у двух половозрелых людей может быть потрясающий секс, но отношения, основанные только на сексе, обречены. И я оказался прав, у них ничего вышло. Не хочу становиться похожим на них.

— Я собиралась признаться тебе во время вчерашнего ужина, прежде чем все произошло, — я взглянула на него. — Может быть, ты не заметил, но я — немного чудачка. Я могу всерьез разговаривать со своей собакой и, честно говоря, иногда мне кажется, что мой пес — это заколдованный человек. У меня на лице могут неожиданно для окружающих появляться различные гримасы, потому что в это время я веду внутренний диалог сама с собой. И еще я превращаюсь в супервежливую куклу в

окружении старшего поколения. У меня до сих пор отвращение к свиданиям из-за воспоминаний, связанных с моим бывшим. Ты уже знаешь, что я храплю... и иногда пускаю слону во время сна. Я ненавижу наряжаться, чтобы выйти куда-то, и поэтому просто ем мороженое дома и смотрю Netflix до захода солнца. Ты мне нравишься, и поэтому я вру тебе, говоря всякие глупости, например, о том, что бегаю пятнадцать километров каждое утро, когда на деле думаю, что ты настоящий сумасшедший, который пробегает такое расстояние по утрам. И еще я много и сбивчиво говорю....

— То есть, ты пытаешься мне сказать, что несовершена и с тобой будут одни проблемы? — спокойно уточнил он.

Я кивнула.

— Со мной ты свихнешься. Об этом я хотела предупредить тебя прошлым вечером, до того....

Он захохотал и поцеловал меня в лоб.

— Может быть, ты забыла, но я знал обо всем этом с самого начала. И это до сих пор не остановило меня. У тебя остались какие-то еще предостережения?

— По утрам мои волосы похожи на шерсть французского пуделя. Не переживай, мне удается укротить их. Это цена за секс в душе.

Он лишь покачал головой.

— Ты голодна? Что тебе принести?

— Что-нибудь, — ответила я и упала на кровать, мне жутко захотелось спать.

Илай

Правильнее будет сказать, что она оказалась самой уникальной девушкой, которую я встречал за всю свою жизнь. Список ее недостатков... Я знал их все, и они меня совершенно не смущали. Она делала меня счастливым. Рядом с ней и благодаря ей я смеялся и улыбался больше, чем за всю свою жизнь. Даже в самом начале нашего знакомства....

Теперь же ее путаная речь и мелкие неловкости стали частью ее очарования. Взяв поднос, я вошел в спальню, где она, зарывшись в простыни, умиротворенно лежала, прикрыв глаза.

— Как вкусно пахнет, — прошептала она, сев на кровати.

— Вот, — я протянул ей стакан апельсинового сока, который она с удовольствием приняла.

Я поставил поднос с сэндвичами между нами.

— Бекон или индейка?

— А я должна выбирать? — Гвен сстроила капризную гримасу.

— Ладно, если хочешь, бери оба.

Я наготовил их предостаточно.

Довольно ухмыльнувшись, она взяла сэндвич с индейкой.

— Спасибо.

— Ты знаешь, — я взял свой сэндвич, — я ведь тоже не идеален, согласна? Я тот еще педантичный фрик, который контролирует и мучает молодых интернов, и у меня всего один друг, по отношению к которому я в большинстве случаев веду себя, как осел.

— Если бы я считала тебя идеальным, мне было бы не по себе рядом с тобой, — ответила она, слизывая майонез с губ кончиком языка.

Я постарался не обращать на это внимание.

— Ко всему прочему, с прошлой ночи я стал лучше понимать, что ты за человек.

— И что я за человек?

— Кремень, — ответила она.

Я смотрел на нее, не понимая, о чем она.

— Мой отец постоянно классифицирует людей, используя природные ассоциации. Люди — кремни, такие как ты, составляют основу человечества. Они помогают другим людям, заботятся о них, невзирая на цену. Вероятнее всего, ты не осознаешь этого, но, когда Логан говорил о том, как сильно желает отблагодарить тебя за твою заботу, я видела это. Ты готов пожертвовать всем ради людей, которых действительно любишь.

— Разве не все так поступают? — Я откусил еще кусочек сэндвича.

— Да, но не каждый готов организовать свою жизнь вокруг младшего брата и мамы, неважно, идут ли они в школу или начинают строить свою карьеру. Далеко не каждый звонит преподавателю своего брата, только чтобы узнать о его успехах в учебе. Ты делаешь это потому, что любишь их настолько, что элементарная забота о самом себе заставляет тебя чувствовать себя эгоистом. Когда мы впервые встретились с тобой в больнице, я была неправа. Ты попросил меня уйти не потому, что мое присутствие нервировало тебя. На самом деле ты не хотел, чтобы Логан продолжал раз за разом обвинять себя. Ты — опора своей семьи, и это просто потрясающе, — сказала она, жуя.

Ее коричневые глаза внимательно смотрели на меня. Я не знал, радоваться ли мне тому, что она с такой легкостью разобралась в тонкостях моего характера.

— А как называет тебя твой отец?

Она засмеялась.

— Он говорил, что я похожа на дождь, потому что устойчива к проявлениям самой жизни. А наш мир давно бы засох, если бы дождя не было никогда. Моя мама считает, это от того, что я могу быть и легким летним дождиком, и ураганом. А мой брат... Он говорил, это связано с тем, что я безумно люблю гулять. Неважно, сколько раз ты видишь дождь, ты все равно каждый раз садишься и смотришь на него. Это зрелище завораживает... И то, что я поведала тебе о моем брате, — она закусила губу, взглянув на меня, — могу я попросить тебя никому не рассказывать об этом? Кроме тебя и Стиви никто не в курсе.

— И ты никогда никому об этом не рассказывала? — Я хотел узнать, говорила ли она *ему*.

Она кивнула.

— Это не та тема, которую можно поднять в обычном разговоре.

— Я никому не скажу. Спасибо за откровенность. Я пока еще не до конца успокоился, но постараюсь сделать все, чтобы поддержать Логана. Думаю, часть меня раздражена именно потому, что теперь я практически ничем не могу ему помочь. Ему придется всего добиваться самостоятельно, а я должен буду позволить ему это. Такое произойдет впервые.

— У него уже получается, — произнесла она, взяв свой телефон со столика. — У Логана уже много почитателей в соцсетях, и его песня попадала в iTunes топ раз сто.

— Что?! — Я взял в руки ее телефон и увидел Логана, выступающего на сцене на каком-то концерте. — Когда он успел?

— Не знаю. Помню, Себастьян не раз что-то говорил о его музыкальной карьере, но специально я не отслеживала его концерты. Я погуглила его имя после того, как он ушел, и вот теперь ты видишь, что я еще и чертовски любопытна.

— Я даже не догадывался, что он уже вовсю занимается этим делом, — произнес я больше для себя, читая комментарии фанатов Логана под его видео. Незнакомые ему люди поддержали его гораздо больше, чем я. Я вернул Гвен телефон, оставаясь лежать на подушках.

Она убрала поднос и поставила его на пол возле кровати. Обвив меня руками, она положила голову мне на грудь.

— Я всего лишь хотел, чтобы с ним все было в порядке. Когда отец умер, Логан был еще маленьким. Мне было плохо от того, что я помнил отца, а он нет. Поэтому каждый раз я старался делать то, что отец делал для меня: быть хорошим примером для

него, следить, чтобы у него все получалось, ходить на все его спортивные игры. Я даже не догадывался, что практически душил его.

Даже просто думать об этом было больно.

— Ты не душил его, — мягко добавила она, и я нежно погладил ее. — Уверена, он счастлив, что у него есть воспоминания, и, несмотря на то, что ты хотел его видеть врачом, он ничего бы не стал менять.

— Я всегда знал, что ему нравится музыка, но не думал, что он выберет ее делом своей жизни. Это просто... В общем, теперь его жизнь будет зависеть от того, понравится ли людям его творчество.

Она подняла голову и посмотрела на меня.

— Вот в этом и заключается разница между твоей и нашей карьерой. В твоей работе все зависит от образования и тренингов. Все зависит именно от тебя. А в нашей профессии, как ты говоришь, многое зависит от популярности. Мы тоже можем получить хорошее образование, пройти массу тренингов, но все может закончиться тем, что покупателей не будет... Поначалу мне было очень страшно, но однажды увидеть, как кто-то смотрит на тебя так, будто бы ты сотворил настоящее чудо... Ради этого стоит рискнуть.

Мы помолчали, и я вспомнил картину нашей семьи, нарисованную ей. Она была чудесной. У нас не было семейных фотографий, и она своими руками создала одну из них. Улыбка расплылась на моем лице, когда я услышал ее мерное посапывание.

Она повернулась на бок, лицом ко мне. Сзади нее тикали часы. Посмотрев на них, я понял, что мы проболтали целый час. С ней было легко и говорить, и слушать.

— Что же ты делаешь со мной, Гвиневра? — Я прикоснулся поцелуем к ее голове, чувствуя, что сам засыпаю.

Я был уверен, что Гвен мне приснится. Она постепенно занимала все большее пространства в моей жизни.

Глава 16

Нарушители спокойствия

Илай

Я возвращался с прогулки, ведя Тайги на поводке. Этим утром мы оба проспали. Гвиневра торопилась на встречу с поставщиком красок, поэтому я предложил ей выгулять Тайги. Я успевал совершить только тридцатиминутную пробежку, но меня это не тяготило. В любом случае я чувствовал себя более чем в отличной спортивной форме. Перед тем как повернуть на нашу улицы, Тайги остановился и уселся на свою серую задницу прямо посреди дороги.

— Ну же, — скомандовал я, потянув его за поводок.

Поднявшись, пес принял тянуть меня совершенно в другом направлении.

Присев на корточки, я почесал его за ухом.

— Мы с тобой можем выйти на пробежку и завтра, а сейчас мне пора на работу.

Пес звонко гавкнул и попытался снова потянуть меня в противоположную сторону.

— Тайги! — сказал я с укором, словно непослушному ребенку.

Он заскулил, но послушно последовал за мной.

В тот момент, когда мы повернули за угол, я пожалел, что не послушал его. Тайги выгнулся спину, становясь больше похожим на волка, чем на собаку, и зарычал на мужчину, стоявшего напротив здания с букетом красных и белых маков. Я легко определил разновидность цветов, так как достаточно часто бывал в цветочных магазинах вместе с мамой. Когда мы подошли ближе, рычание собаки стало еще громче.

— Тайги? — Себастьян повернулся и посмотрел на собаку.

Пес зарычал, обнажив зубы.

«Хороший мальчик!» — подумал я, желая якобы случайно выпустить поводок из рук.

— Илай?

— Для тебя я доктор Дэвенпорт, и какого хрена ты тут забыл? Хочешь, чтобы я еще раз съездил тебе по роже? Ханны нет рядом, и вызвать копов будет некому.

Себастьян перевел взгляд на здание.

— Ты здесь живешь?

— А ты нет! Что ты тут потерял??!

— Это же собака Гвен...

Тайги подпрыгнул, как будто хотел откусить палец, указывающий на него.

— Тебе стоит уйти до того, как я спущу его с поводка, — угрожающе произнес я. Хаски прыгнул ближе к Себастьяну, заставив последнего поспешно отступить.

— Тайги, это же я, Бэш...

Пес вновь оскалил зубы.

— Очевидно, он не желает видеть рядом мерзкую рожу.

Его присутствие бесило меня, ведь я понимал причину его появления здесь.

— Я пришел увидеться с Гвен...

— Зачем? — спокойно спросил я у него. — Ты соскучился по ней? Ты наконец осознал, что совершил ошибку? У нее все отлично, а остальное теперь только твои проблемы. Достаточно чужого эгоизма в ее жизни.

Он опустил голову, проведя руками по светло-коричневым волосам.

— Я никогда не смогу оправдаться за то, что натворил. Ты имеешь полное право ненавидеть меня, но пойми, мне необходимо увидеть ее. Я надеюсь, если нам удастся поговорить, мы вспомним все хорошее, что...

— Какое же *хорошее* может перечеркнуть тот факт, что ты увел прямо у алтаря женщину, которая, как предполагалось, должна была стать моей женой? В каком мире ты живешь?

По тому, как крепко он стиснул в руках букет, можно было смело предположить, что он начал закипать. Все его тело напряглось.

— Это не твое дело, *доктор Дэвенпорт*, я все еще люблю Гвен и собираюсь вновь разделить с ней свой мир...

— Похоже, ты просто неуравновешенный маньяк, а не ее партнер. — Я пошел в направлении двери, но остановился, поравнявшись с ним. — И потом, это невозможно еще и потому, что теперь она со мной.

— Что?! — Он перешел практически на визг. — Что за херня?! О чём ты? Вы не можете быть в...

— В отношениях? Почему же не можем? Ну же, поразмысли своим крошечным мозгом, Эванс. Вы оба бросили нас, а мы нашли друг друга. Поэтому, говоря, что это не мое дело, ты печально заблуждаешься, поскольку Гвиневра теперь со мной. В полном значении этого слова! И если ты каким-либо образом расстроишь ее или попытаешься встретиться с ней, я не только набью тебе морду, но и добьюсь того, чтобы остаток своей никчемной жизни ты мог питаться исключительно через трубочку в носу.

Себастьяна буквально трясло от бешенства.

— Никак боишься, что она вернется ко мне? Поэтому разыгрываешь здесь это шоу? Что? Вы знакомы друг с другом всего ничего, и ты решил, что это может сравниться с годами, которые она провела со мной? Да что ты знаешь о ней?! Она любит меня, я был у нее первым!

— Пытаешься вызвать мою ревность? — Я усмехнулся. — Пожалуйста, пойми, мне фиолетово ваше прошлое. Она в курсе, что ты расстался с Ханой. Знаешь, что она сказала на это? Она искренне сожалела, что вы теперь не вместе. Это было сказано перед тем, как она взяла меня за руку. Поэтому прекрати трезвонить о том, что ты был ее первым, и она хочет тебя. Правда заключается в том, что ни я, ни она больше не хотим вас знать. Нам слишком нравится наша сегодняшняя жизнь, а не дерзкое прошлое.

Тайги приподнял лапку и пописал на итальянские ботинки Себастьяна. Я сдерживался изо всех сил, пытаясь не заржать.

— Ах ты, проклятая псина! — заорал Себастьян, стряхивая влагу с ботинка.

Тайги с довольной мордой уселся возле меня.

— Завтра попытай удачу в чем-нибудь еще, Эванс. Сегодня явно не твой день, — ответил я и направился внутрь здания.

Только когда двери лифта закрылись, Тайги расслабленно прилег на пол. Опустившись на колени рядом с ним, я погладил его брюшко.

— Теперь я понимаю, почему она считает тебя заколдованным разумом. Поэтому ты тянул меня в другую сторону? Не хотел тратить время на этого типа?

Тайги лениво посмотрел на меня и вновь опустил свою голову на лапы, будто бы намекая, что не стоит спрашивать, и так все предельно ясно.

Клево! Теперь я читаю мысли собак!

Я раздумывал о правдоподобности того факта, что Себастьян был первым мужчиной Гвиневры. Она настолько... сексуальна. Неужели кто-нибудь в здравом уме не мог увидеть этого до Себастьяна?

Выходя из лифта, я увидел Логана, прислонившегося к моей двери. Выглядел он неважно, как будто накануне провел адову ночку.

— Похмелье? — Я открыл дверь, пропуская Тайги. Позже, по дороге на работу, я собирался оставить собаку в квартире Гвиневры.

Он кивнул.

— Пойми, я был очень расстроен... Вчера я вел себя решительно и упрямично, но потом, когда ушел от тебя, все эмоции исчезли.

Он сел на ручку кресла, накрыв голову руками. Взяв аспирин и воду, я протянул их ему.

— Надеюсь, мама не видела тебя в таком состоянии?

Он покачал головой, закинул таблетки в рот и выпил за раз полбутылки воды.

— Она спала, когда я вернулся под утро. Я не хотел ее тревожить, и поэтому приехал к тебе. Потому что мне больше некуда идти.

— Правильно сделал, что приехал.

Он вздохнул, не глядя на меня.

— Если у меня ничего не получится, я обещаю вернуться в медшколу. Я не стану беспокоить тебя просьбами об устройстве в хорошую медшколу, буду много работать и сам добьюсь...

— Все получится, — произнес я.

Логан посмотрел на меня, взгляд его голубых глаз выражал искреннее непонимание.

— Что?

Сев, я сделал глоток воды.

— Не думай о медшколе, как о плане Б. Если не хочешь быть доктором, Логан, ты им и не станешь, как бы сильно ты себя не заставлял. Занимайся музыкой. Твои песни не так уж плохи. Я слушал их, бегая сегодня утром. У тебя талант.

— Кто ты? И где мой старший брат? Боже, неужели я так много выпил? — пробубнил он, падая на место рядом со мной.

Я отвесил ему подзатыльник.

— Ой, теперь вижу, что это ты, — прохрипел он, потирая голову. — Но не понимаю. Прошлой ночью ты чуть не убил меня. Было похоже, что я тебя сильно разочаровал.

— Логан, — вздохнул я, — прости меня. Годами я не спрашивал тебя, чего ты хочешь от жизни. Я все решал за тебя и заставлял делать то, что считал нужным. Но я — не ты, а ты — не я. Я не могу все время контролировать и учить тебя, и сейчас не встану на твоем пути. Поэтому теперь я буду просто твоим братом, который наблюдает за тобой со стороны. И единственной моей заботой будет подбадривать тебя, что бы ни случилось. Мне потребуется время, чтобы привыкнуть к этой роли, поэтому будь терпелив со мной, но обещаю, я буду стараться.

Логан некоторое время молчал, а затем, глубоко вздохнув, ответил:

— Спасибо, Илай.

— Не понимаю, за что ты сейчас благодаришь меня.

Мне захотелось сменить тему, и я взял в руки рамку со стола и передал ему.

— Что это? Это... — он замолчал на полуслове.

— Мы и мама с папой. Гвиневра нарисовала это. У нас будут копии, а оригинал отдадим маме.

— Выглядит настолько правдоподобно! У меня даже мелькнул вопрос, когда это мы фотографировались? — рассмеялся Логан. — Гвен — настоящая волшебница.

«Да, это правда», — ответил я сам себе.

Гвиневра

Открыв баночку с йогуртом и засунув первую ложку в рот, я увидела ее. Она подошла ко мне, звонко щеками по полу, присела рядом и поставила стаканчик кофе передо мной.

— Миссис... доктор Дэвенпорт, добрый день, — сказала я, опустив ложку.

Она улыбнулась.

— Гвен, ты можешь меня называть Мэрил. Как ты?

— Отлично, спасибо. Устроила себе небольшой перерыв.

— Я пришла, чтобы подсмотреть за твоей работой, но, к сожалению, ты уже огородила стену. Мне кажется, прошлым вечером я видела здесь с тобой несколько молодых студентов?

— О, да. Они помогают мне перенести рисунок на стену. Сначала я планировала справиться с этим самостоятельно, но на это ушло бы несколько недель. Обещаю, когда закончу, вы первой увидите работу.

Она кивнула, держа свой стаканчик.

— У вас все в порядке? — спросила я.

— Мои сыновья... Они считают, что я не вижу или не замечаю, что происходит с ними. В большинстве случаев я сама притворяюсь, что ничего не происходит. Но ни один из них не догадывается, что, выпив, они начинают слишком много болтать, как и их отец.

Что? Почему она мне об этом говорит?

— Не понимаю...

— Прошлой ночью... то есть сегодня ранним утром Логан вернулся домой в состоянии крайнего опьянения. Он был очень расстроен и все спрашивал меня, почему не может быть похожим на Илай. И все говорил и говорил о том, что не хочет нас разочаровывать. Затем, тридцать минут спустя, он пришел в мой кабинет протрезвевший, с ясной головой, вместе со своим братом и рассказал, что бросил медшколу и собирается отправиться в тур с музыкальной группой.

Она тихонько рассмеялась.

Я не поняла, был ли это счастливый смех или смех на нервной почве.

— Вы расстроены?

Она покачала головой:

— Совсем нет. Чем бы ни хотели заниматься в жизни мои сыновья, я всегда буду поддерживать их. Я знаю, Логан никогда не был одержим медициной, так что это решение ничуть не удивило меня. Кто же изумил меня, так это Илай. Я готовилась к тому, чтобы начать успокаивать его и говорить о том, что он не может постоянно контролировать жизнь своего брата... Но по какой-то причине мне не пришлось этого делать. И теперь мне любопытно, кто же еще мог так повлиять на него и кардинально изменить его взгляды? Поэтому я направилась на поиски тебя.

Почему ее слова так взволновали меня?

Отбросив волосы назад, я ответила:

— Я слышала, как они ругались, и после ссоры поговорила с Илаем...

— Спасибо, Гвен. — Мэрил накрыла мою руку своей. — Спасибо за участие. Сначала я подозревала, что Илай притворяется ради нас, будто бы у него все прекрасно, а потом поняла, что он действительно доволен. Поэтому хочу сказать тебе спасибо. Надеюсь, я не слишком нагрузила тебя нашими проблемами? Знаю, вы с Илаем дружите, не так ли?

Мне показалось, будто она пытается прочесть мои мысли, поэтому решила съесть ложку йогурта и отвела взгляд в сторону. Лучше бы я этого не делала! Повернувшись, я натолкнулась взглядом на Ханну с ее красивыми выющиеся золотистыми волосами. Взяв поднос, девушка присела на три сиденья позади нас. Наши взгляды встретились, и я была вынуждена перевести взгляд обратно на Мэрил. Доктор Дэвенпорт оглянулась, и Ханна тут же опустила голову.

— Она все еще беспокоит тебя? Я никогда не говорила тебе, что сожалею о том, через что тебе пришлось пройти в тот злополучный день. Даже не могу себе просто представить.

— У вас нет причин выражать свое сочувствие, меня это больше не заботит. Умом я понимаю, что должна быть расстроена, но на самом деле рада, что все по-другому. Я испытываю некую благодарность за то, что у нас с ним все закончилось до свадьбы, так как после нее все было бы в сто раз хуже.

— Молодец! — похвалила она, отпив кофе. — А я рада, что мне не надо больше волноваться по поводу Илая и Ханны.

— Что вы хотите этим сказать? — я даже перестала есть.

— Вычеркивая кого-либо из своей жизни, Илай делает это окончательно и бесповоротно. Это одна из особенностей его характера. Навестив его через три дня после несостоявшейся свадьбы, я отметила, что он избавился от всего, что когда-то принадлежало ей.

Я знала, что это не на сто процентов правда. Может быть, физически он и избавился от ее вещей, но все еще продолжал хранить ее номер телефона, прежде чем позволил мне удалить его.

— Что-то случилось, мама?

Помяни дьявола...

Повернувшись, я увидела Илая, а рядом с ним мужчину с серебристо-розовыми волосами, затянутыми в коротенький хвостик. Оба держали в руках подносы.

Мэрил подмигнула мне и встала.

— Ничего. Мы говорили о работе. Как дела, дорогой?

— Почему же я в это не верю?

Он взял нетронутый кофе, который Мэрил принесла для меня, и передал его своему другу.

— Илай...

— Мам, у нее аллергия на кофе.

Мэрил вопросительно посмотрела на меня, и я была вынуждена утвердительно кивнуть.

Он поцеловал маму в щеку, усаживаясь напротив меня.

— И почему, если вы просто говорили о работе, ты уходишь?

— Илай Филип Дэвенпорт, ты не веришь собственной матери?

— Нет, поскольку уверен, что вы говорили именно обо мне. Ты называешь меня вторым именем только в тех случаях, когда кто-то из нас сболтнул что-то лишнее.

Его брови приподнялись, а на губах появилась ухмылка. Миссис Дэвенпорт посмотрела на розоволосого мужчину.

— Как вы можете дружить с ним, доктор Сио, я не понимаю?

— Я терплю его усмешки только потому, что вы — его мама, мадам президент.

Она легонько похлопала мужчину по плечу и кивнула мне, перед тем как оставить нас.

После ее ухода доктор Сио попытался сесть с нами, но Илай грозно посмотрел на него. Этот взгляд был благополучно проигнорирован, потому что доктор Сио взял близстоящий стул и все-таки присел рядом.

— Доктор Ян Сио. Рад знакомству, мисс?..

— Гвиневра По, но вы можете называть меня Гвен. Мне нравится цвет ваших волос.

Мы пожали друг другу руки.

— Этот жестокий мужчина заставил меня покраситься, когда я проиграл ему пари. Но все равно, спасибо.

Доктор Сио нахмурился, посмотрев на Илая, в то время как последний продолжал преспокойно намазывать джем на свою булочку и не обращал на Яна никого внимания.

— А о чём был спор?

Илай перестал жевать и взглянул на Яна.

— Он просто предупредил меня не трогать то, что принадлежит ему. Урок усвоен. А у вас есть подружки, которым бы мог понравиться мужчина-азиат с розовыми волосами?

— Все мои подружки уже встретили свою пару, — рассмеялась я, покачав головой. Ян вздохнул.

— Но я буду иметь вас в виду, — добавила я.

Доктор Сио посмотрел на Илая.

— Неужели Господь благословил только тебя?

— Звучит как разговор между тобой и Богом, в которого ты веришь. Не мог бы ты взять свой кофе и уйти? Ты вызываешь у Гвиневры головную боль.

Это было неправдой, но я знала, что Илай сказал так, чтобы вынудить Яна уйти. Я заметила, что в моем присутствии Илай всегда пил чай.

Доктор Сио подмигнул мне, перед тем как встать.

— Надеюсь увидеть вас еще, мисс По.

— Я работаю здесь, уверена, мы еще встретимся.

Он кивнул, хлопнул Илая по плечу к неудовольствию последнего и ушел.

— Ну и о чем вы разговаривали с мамой?

— А о чем вы спорили с доктором Сио?

Илай облизнул губы, проглотил булочку, и кивнул.

— Ладно. Ничья.

— Как прошел твой день? — спросила я, продолжая есть.

Он пожал плечами.

— Спас несколько жизней тут и там...

— Ого! Передо мной великий из великих. Мне стоит поклониться?

— Если тебе это принесет удовольствие. — Он подмигнул. — Как твоя стена?

— Все хорошо. Только планировала уйти на несколько минут, но люди продолжают подсматривать.

— Понимаю, о чем ты, — серьезно согласился он.

Я чувствовала, что-то не так. Что-то омрачало его, но он не хотел мне об этом говорить.

— Илай, что не так?

— Этим утром, когда я вернулся с прогулки с Тайги, Себастьян стоял у нашего дома... с букетом цветов.

— Белые и красные маки?

Он кивнул.

— Что-то мне подсказывает, что ты не смог просто пройти мимо?

— Мы перемолвились парой слов.

— Только слов?

Илай кивнул.

— Тайги написал на его туфли.

— О, обожаю моего песика! — Я засмеялась, отбрасывая волосы назад. — Он не сказал ничего такого, что могло расстроить тебя?

— Абсолютно ничего.

— Хорошо, если ты не волнуешься, то и я не буду. — Взяв поднос, я встала. — Мне действительно нужно вернуться к работе. Поужинаем сегодня?

— И в этот раз буду готовить я, — продолжил он.

Но прежде чем я ушла, он позвал меня:

— Гвиневра?

— Да?

— Ответь на три вопроса. Тебе нравятся маки?

— Да, это мои любимые цветы. Второй вопрос?

Я знаю, он спрашивал из-за Себастьяна.

— Твое среднее имя? Ты ведь теперь знаешь мое благодаря маме.

Это был скучный вопрос, но я все же ответила:

— Аврора. Гвиневра Аврора По. И твой последний вопрос?

— Ты пойдешь со мной на свидание сегодня вечером, Гвиневра Аврора По?

— Да.

— Встретимся в твоей мастерской у стены? — он улыбнулся.

Закатив глаза и махнув ему на прощание, я направилась к выходу.

Я шла по серовато-голубому коридору больницы, разминая и потягивая руки, готовясь снова приступить к работе, как вдруг в конце коридора появилась она и пошла мне на встречу.

— Ханна, — кивнув, я шагнула мимо.

— Остановись, — позвала она меня.

— Что? — я повернулась к ней лицом.

Сунув руки в карманы медицинских штанов, Ханна подошла ко мне.

— Что бы ни происходило между тобой и Илаем, ты должна остановиться до того, как влюбишься в него. Пока он не причинил тебе боль. Знай, Илай не влюбляется. Он планирует свою жизнь. Он ставит цели и согласно им строит свою жизнь. Я хотела выйти замуж в конце года, но Илай хотел жениться до своего тридцатиоднолетия. Почему? Потому что так поступил его отец. Он встречался со мной, поскольку я знала, что именно ему нравится в женщинах и подстраивалась под его интересы. Не было никакой страсти в том, что он делал. Это была голая логика, а я хотела страсти и чувств. Я хотела быть любимой, как в кино. Поэтому я изменила ему. И...

— Так вот чем, по-твоему, является страсть? — спросила я. — Может, ты позабыла с кем разговариваешь, Ханна? Я не верю ни одному твоему слову. Если ты не чувствовала себя любимой, то должна была уйти задолго до того, как пойдешь к алтарю в белом платье. Если ты хочешь, чтобы я пожалела тебя...

— Нет. Как и сказала, я просто хочу тебя предупредить, потому что однажды уже ранила тебя. Ты должна быть с кем-то, кто будет любить тебя, а не играть с тобой...

— Прекрати так разговаривать со мной! — оборвала я ее. — Я не желаю слушать твои «мудрые изречения», ты мне не сестра и не подруга. Ты — последний человек во всем мире, с которым я хотела бы иметь какие-либо взаимоотношения. Не суй. Свой. Мерзкий нос. В мои. Дела.

Я направилась к своей стене, задернув за собой шторы. Почему они не могут просто оставить нас в покое? Почему они считают, что мы должны чувствовать себя такими же несчастными, как и они?

Глава 17

Первое настоящее свидание

Илай

— А ты подумал, куда ее поведешь? — поинтересовался Ян, пока я переодевался.
— Мне она показалась совсем не заносчивой особой. Я даже не уверен, понравилось бы ей свидание в опере или нет.

— Ян...

— Вдобавок ко всему остальному она отпахала целый день на работе, поэтому будет уставшей... О нет, ты же не собираешься выступить в роли Эдварда Льюиса и повести ее на шопинг, чтобы она накупила себе всего, что только пожелает, я прав? В фильме это, может, и выглядит красиво, но в жизни ей покажется унизительным тот факт, что тебя не устраивает ее нынешний стиль в одежде.

Закрыв свой шкафчик, я посмотрел на него.

— И кто такой этот Эдвард Льюис?

— «Красотка»? Ты не видел этот фильм?

— Как часто ты запоминаешь имена героев из фильмов? — Я надел часы.

— Сейчас речь не об этом. Что ты решил? Первое свидание ведь самое важное!

Он уже начал потихоньку действовать мне на нервы.

— Я не продумывал все с такой тщательностью, а просто пригласил ее на свидание. Все намного легче и проще, если твоя девушка — Гвиневра. Я просто делаю то, что считаю нужным, и это потрясающее ощущение. Так что найди себе девушку, мой друг, и оставь меня в покое. — Я взял сумку.

Обладатель серо-розовых волос покровительно улыбнулся мне и сказал:

— Ты назвал меня своим другом? Кажется, она и вправду растопила твоё ледяное сердце...

— Пока, Ян! — попрощался я уже в дверях.

Я не знал, почему он так обрадовался моему свиданию с Гвен. Не помню, чтобы он так сильно радовался, когда я встречался с Ханной. Я приглашал ее в оперу, и ей это нравилось. Но Гвиневра не Ханна, и я совершенно не хочу, чтобы она была ею.

— Илай!

Вот тебе за то, что только подумал о ней!

Вздохнув, я повернулся к Ханне, которая застыла рядом со мной. На ней все еще были надеты форменные медицинские штаны и свитер.

— Да?

— Мы можем поговорить?

— Извини, у меня свидание, — ответил я, разворачиваясь к выходу.

— Серьезно, Илай? Четыре с половиной месяца назад ты хотел, чтобы я стала твоей женой. Пожалуйста, удели мне всего пять минут.

Я остановился, сжав в руках пальто. Потом, развернувшись и посмотрев ей прямо в глаза, я подошел к ней.

— Дело в том, что ты — не моя жена. Ты мне вообще никто! Я отдал тебе два года своей жизни, Ханна! Я хотел, чтобы мы стали семьей! А теперь я больше не собираюсь тратить ни секунды своей жизни на тебя.

— Если ты тогда по-настоящему отдал мне свое сердце, то не сможешь сейчас так легко пойти на свидание с другой.

Ого! Нет, она конченая эгоистка! Я пришел в бешенство.

— Ты пытаешься мне сказать, что теперь я должен вечно страдать? Что я должен быть раздавлен, да? Потому что ты наконец соизволила увидеть, насколько сильно я был в тебя влюблен?

Она скрестила руки на груди.

— Я совсем не это хотела сказать...

— Нет, именно это. И сейчас я дам тебе мой ответ. Первый месяц я был убит. А потом встретил ее, и, не отдавая себе в этом отчета, я перестал думать о тебе. Даже когда мы говорим о тебе и о нем, вы остаетесь лишь размытым пятном, потому что отныне я вижу только ее. Может, потому, что она отлично понимает, насколько униженным дураком я чувствовал себя тогда. Причина, по которой я перестал страдать, как ты того хотела бы, заключается в том... — Я улыбнулся, не в силах остановиться. — Когда думаю о ней, я начинаю невольно улыбаться и даже смеяться над совершенно дурацкими вещами, как например: почему она до сих пор не купила себе чертову мебель, или почему она уверена, что ванильное мороженое — самое лучшее в мире? Вот так. Пожалуйста, прекрати просить меня уделить тебе время, Ханна. Я не хочу возвращаться к тебе. Спокойной ночи!

И мне было наплевать, что Ханна еще несколько раз окликала меня. Я не собирался оглядываться.

Направляясь к выходу из здания, я чувствовал небывалую легкость. Посмотрев на гигантский занавес, я покачал головой. Только Господь Бог ведает, что она там рисует.

— Гвиневра? — Мне даже захотелось постучаться.

Она высунула голову наружу.

— Ты уже здесь?

— Хочешь, чтобы я ушел и снова пришел?

— Нет, дай мне десять, нет, пять минут. Прости, пожалуйста, я так увлеклась, что совершенно потеряла счет времени.

Она скрылась за занавесом. Послышался тихий звон, и зазвучали ее проклятья.

— Ты в порядке?

— В полном!

Звучало неубедительно. *Как раз то, о чем я и говорил*. Я никогда не знал заранее, что она скажет или как отреагирует. Усевшись в кресло, я ждал.

Выйдя через пять минут из своего укрытия, она предстала передо мной в длинном белом платье, зеленом жакете и тех же самых армейских ботинках.

— Мой наряд подойдет к тому месту, куда мы направляемся? — Она покрутилась вокруг своей оси.

— Ты хочешь сказать, что переоделась прямо здесь? — Я просто хотел выиграть немного времени. Ее голые ноги отвлекали меня, как и тот факт, что пять минут назад там, за шторой, она была полностью обнажена.

— Да, но никто же не видел? Я планировала успеть сходить домой, чтобы переодеться, но заработалась и забыла. Что-то не так?

Встав, я взял ее за руки.

— Ничего. Ты прекрасна.

— Правда? — она недоверчиво рассмеялась.

— Я бы не говорил, если бы это не было правдой. Идем! — Я повел ее к машине, припаркованной напротив больницы.

Ранее мой водитель отдал мне ключи, а сам уехал на городской машине.

— Это твоя? — Она провела рукой по машине. — Скажи, что она твоя.

— Да. Это...

— Черный «Аston Martin» 1965 года, DB5. Двухместный кабриолет. Это автомобиль Джеймса Бонда, — закончила она в абсолютном благоговении.

— Ты разбираешься в автомобилях? — Я распахнул перед ней дверь и направился к водительскому месту.

— Я тебе говорила, что росла вместе с мальчишками, и знаю, что таких машин в мире всего лишь двадцать одна.

— И я один из счастливых обладателей, — произнес я, выезжая на улицу.

Она прикусила палец, смотря на меня с широченной улыбкой.

— Что?

— Не обращай на меня внимания. Я просто наблюдаю, как растет уровень твоей сексуальности.

Я фыркнул.

— И на каком уровне я был до этого?

— А имеет ли это значение, если ты сейчас сломал весы?

Теперь настала моя очередь прикусить себе палец, глядя на нее: манера, с которой она откинулась на сиденье, высунув руку наружу и наслаждаясь встречным ветром, вид ее платья, приподнявшегося повыше...

— Гвиневра, клянусь, у меня ни разу не было секса в этой машине, не дразни меня.

— Хорошо. В ней не было, а на ней?

«Боже праведный, помоги мне не поддаться искущению», — взмолился я, концентрируясь на дороге.

Я слышал ее хихиканье над тем эффектом, который она умудрялась производить на меня. Ее рука медленно погладила мою руку. Я глубоко вздохнул.

— Гвиневра...

— Ладно, я буду хорошей девочкой, клянусь.

Но я совершенно не хотел, чтобы она была хорошей. Мне она нравилась такой, какой была: счастливой, смешной, свободной, сексуальной и красивой.

— Океанариум? — удивилась она, когда мы припарковались напротив. — Разве он сейчас не закрыт?

— Нет, если попросить их не закрываться, — произнес я.

Я обошел машину и открыл дверь со стороны Гвиневры.

— Ты арендовал океанариум?

— Это было нетрудно. — Я взял ее под руку.

Она обернулась и посмотрела на мою машину.

— Ты думаешь, ее стоит оставлять здесь? Уверен, что все будет в порядке?

— Все будет хорошо, поверь. Мистер Рэймонд за ней присмотрит. — Я кивнул мужчине, который вышел из моей городской машины.

— У богатых свои причуды, — иронично прошептала она.

— Заметила богатая женщина...

Гвен посмотрела на меня, а потом замерла, когда я щелчком включил все освещение вокруг нас. Место засияло мягким голубым светом, и девушка устремилась внутрь. Улыбаясь, она провела рукой вслед за уплывающей рыбкой.

— Нравится?

— Я в восторге! — восхищенно улыбнулась она.

— Я помню, когда мы смотрели «Планету животных», твои глаза были прикованы к морским черепахам. — Взяв ее за руку, я увлек ее внутрь океанариума.

Гвен подняла голову, провожая взглядом акулу, проплывающую над нами.

— Привет!

Она рассмеялась, прислонившись спиной к моей груди. Мы наблюдали за электрическим скатом, парящим над нами. Обхватив руками ее за талию и прижав к себе, я прикоснулся поцелуем к ее волосам.

— Ты так красива, когда смеешься, — прошептал я.

Она обняла мои руки.

— Спасибо! Спасибо тебе! Это так романтично!

— Так же романтично, как в твоих книгах? — подразнил я.

С серьезным взглядом она повернулась ко мне.

— Абсолютно точно! И теперь я жду поцелуя.

— С удовольствием.

Мои губы прикоснулись к ее губам. Ее руки потянулись к моим плечам. Я обнял ее за талию, прижимая к себе как можно ближе. Мне нравилось, что мы подходили друг другу по росту, нравилось слушать ее мурлыканья во время поцелуя.

Оторвавшись от нее, я положил подбородок ей на макушку.

— Как долго мы можем оставаться здесь? — спросила она.

— Пока ты не проголодашься. А потом я планирую приготовить поздний ужин.

— Необязательно делать столько всего.

— Я хочу этого. — Я поцеловал ее в макушку. — Пойдем, там еще должны быть морские черепахи.

— Бежим наперегонки? — предложила Гвен, отнимая свою руку и убегая от меня.

— Ты хочешь бежать наперегонки? — Рванув за ней и с легкостью догнав ее, я поднял ее себе на плечо.

— Ох, ты — дьявол! Я совсем забыла, что ты спортсмен.

Она заразительно рассмеялась, пока я удерживал ее. Кружась с ней в руках, я тоже захохотал.

Гвиневра

Было около одиннадцати, когда мы вернулись к нему в квартиру. Илай сказал, что завтра у него выходной, и мы можем не спать до самого рассвета. Водитель Илай, как я поняла, был не просто водителем. Он нес ответственность за все его машины, потому что Илай был настоящим коллекционером. Я думала, он показал мне свою самую крутую тачку, но Илай ответил, что самую дорогую он придержал для следующего свидания. Я была по-настоящему счастлива от одной мысли, что он заглядывал так далеко вперед.

Когда я рассказала Стиви, что встречаюсь с Илаем, она была одновременно и счастлива за меня, и озабочена. Ей казалось, что все идет слишком быстро, и боялась моего разочарования. Но в тоже время была рада, что я продолжаю жить дальше.

Илай стоял напротив меня в простых джинсах и симпатичной рубашке с полотенцем на плече и фартуком на поясе, умело обжаривая томаты, совсем как настоящий шеф-повар, и выглядел до умопомраченияексуально!

Сытый Тайги сидел возле моих ног и усиленно боролся со сном.

— Если ты пытался произвести на меня впечатление, у тебя получилось! — подбодрила я его, дотянувшись до колечка помидорки, которую он нарезал.

— А ты думала, что моя кухня предназначена только для красоты? — он проверил курицу, запекающуюся в духовке, и отрегулировал температуру.

— Честно? Да! И потом, когда ты находишь время, чтобы готовить?

— У меня есть выходные. А почему ты не готовишь? — тонко нарезая ветчину, спросил он.

— Я вполне достойно готовлю, особенно если у меня есть рецепт перед глазами, хотя... сдается мне, не так хорошо, как ты. — Я потянулась за другим кусочком томата, но он шлепнул меня по руке, съев этот кусочек сам.

— Я мог бы научить тебя... за определенную плату.

— За плату? М-м-м... — я замычала от удовольствия, попробовав из его рук кусочек хлеба, который он приправил специями.

— Да! И пообещай издавать эти звуки позже... ночью. — Он поцеловал меня.

— Пытаешься соблазнить меня, док? — Я облизнула уголки его губ.

Он поднял брови.

— А получается?

— Сам догадайся, — улыбнулась я, доставая из сумки трезвонящий телефон.

Номер выглядел знакомым, но имени звонившего не было.

— Гвиневра По.

— Гвен, это я. Пожалуйста, не вешай трубку! — заорал он в телефон.

Впрочем, я его тут же сбросила, положила телефон рядом и вновь посмотрела на Илая.

— Все в порядке?

— Ага. Это неважный звонок... — не успела я закончить фразу, как телефон зазвонил снова.

— А звонящий догадывается, что его звонок неважен? — тихо спросил он, кладя нарезанный пучок салата в тарелку.

— Это Себастьян.

— Я догадался. Хочешь, я отвечу?

Я не знала, о чем он думал. Телефон на мгновение перестал звонить, и не успела я вздохнуть с облегчением, как снова услышала требовательные звонки.

— Пожалуйста, останови его. Он звонил мне чуть раньше, и я объяснила, что не желаю иметь с ним ничего общего. Почему-то он не поверил мне. — Схватив трубку, я протянула ее Илаю.

Он усмехнулся, вытер руки и ответил.

— Чем могу помочь, Себастьян?

Хотела бы я слышать ответы на другом конце.

— Я заканчиваю беседу на этом месте, так как на эту тему мы уже разговаривали. А чем мы с моей девушкой так заняты, тебя не касается.

Я обошла барную стойку и приблизилась к Илаю. Он непонимающе посмотрел на меня, а я прижалась к нему и поцеловала в шею. Он прижал меня к себе.

— Илай, — простонала я чуть громче, чем следовало.

Илай прикоснулся большим пальцем к моей нижней губе, не отрывая от меня взгляда.

— Себастьян, извини, моя девушка требует моего внимания.

— И не только внимания, — бросила я в трубку. Я была уверена, это стало последним, что услышал Себастьян, прежде чем отключиться.

Я наблюдала, как руки Илай потянулись к моей сумке, попутно заключив меня в объятия. Он закинул мой телефон в сумку.

— Ты назвал меня своей девушкой.

— А разве это не так? — спросил он, сжимая мою грудь. — Мы же с тобой встречаемся, не так ли?

Облизнув губы, я кивнула.

— Ну, тогда по определению ты — моя девушка, а я — твой парень. Я горю желанием овладеть тобой здесь и сейчас, но я обещал тебе ужин. — Он убрал от меня руки. — Так что пока ты в безопасности.

— Уверен? — Я взяла его за руки. — Поскольку то, о чем умоляют твои губы и то, что вытворяет твое тело, говорит мне совершенно о другом.

— Слава Богу! — прошептал он, услышав трель таймера духовки.

Засмеявшись, я отошла от него, позволяя ему закончить ужин.

— Пока свободен, но ночь только начинается.

— Когда я впервые поцеловал тебя, думал, что ты испугаешься моего сексуального напора. А ты наслаждаешься каждым шагом моего обольщения. — Илай взял тарелки.

— А ты бы предпочел, чтобы я боялась? Притворилась, что мне не нравится, как ты склоняешься надо мной, чтобы...

— Ты — сам дьявол! — Он поцеловал меня. — И мне это нравится.

Я подарила ему ответный поцелуй, прикусив его нижнюю губу.

— Это хорошо, потому что я слишком упрямая, чтобы меняться.

— Давай поедим, а об этом поговорим позже, — он расставлял еду на столе.

Я наблюдала, как он неторопливо, с тщательностью перфекциониста, элегантно раскладывал приборы на столе. Это выглядело лучше, чем было бы, закажи мы еду на вынос в пятизвездочном ресторане, а на вкус так же прекрасно.

— Прихвати салат, — попросил он, направляясь в гостиную.

— Мы будем есть в гостиной?

— Обычно люди едят именно там, Гвиневра, — заметил он, ставя мою тарелку на серебряную салфетку, лежавшую на черном деревянном обеденном столе.

Стол был уже сервирован на две персоны с бокалами для вина и кувшином воды в центре стола.

— Ого! Ты серьезно потрудился, — изумленно прошептала я, когда он принял из моих рук бутылку и салат и поставил их на стол. Затем он придвинул для меня стул.

— В морозильнике даже есть ванильное мороженое.

— Ты же его терпеть не можешь?

— Зато ты его обожаешь, помнишь? И это еще совсем не старания. Ты узнаешь, когда я постараюсь в полную силу.

— Если честно, я думала, ты сделаешь гамбургеры, и мы опять вместе посмотрим «Планету животных». Ой, что это? Как вкусно пахнет!

— Это всего лишь курица с прошутто и полента с томатами, — ответил он.

Конечно же, я подметила его будничное «*всего лишь*» перед таким витиеватым описанием блюда...

— И потом, что за это первое свидание с гамбургерами и «Планетой животных»? — добавил он.

Я пожала плечами.

— Просто сегодня столько всего произошло...

— Отлично, теперь ты навсегда запомнишь, насколько я хорош, — он подмигнул мне.

Ох уж это его эго!

Ничего не ответив, я попробовала кусочек. Еда была восхитительной! Я чувствовала его выжидающий взгляд. Медленно жуя, я потянулась за бокалом вина.

— Ты так сильно стараешься не сделать мне комплимент, да?

— Точно. Но еда просто восхитительна, — рассмеялась я, отрезая себе еще.

Илай

Так как я занимался готовкой, она отказалась позволить мне самому убрать со стола. Вместо этого Гвиневра усадила меня на место, где только что сидела, надела перчатки и принялась за работу.

— Гвиневра, не надо...

— Сегодня был чудесный вечер. Ты и так не позволил мне ничем тебе помочь, так уж разреши хотя бы убрать со стола.

Подняв руки в свою защиту, я откинулся на стуле, заметив книгу, которая торчала из ее сумки.

— Что читаешь? — поинтересовался я.

— Сборник стихотворений Уистена Хью Одена⁸.

— Можно взглянуть? — Я уже взял книгу в руки.

Она кивнула.

Я раскрыл книгу на загнутой ею странице и отметил, насколько зачитанной та выглядела, потому что, если захлопнуть книгу, она снова открывалась на этом же месте. *Видимо, она действительно обожает ее.* Усмехнувшись, я прочистил горло, краем глаза замечая, что она смотрит на меня, и едва слышно, шепотом приступил к чтению:

«...я к пристани спустился,
там пел влюбленный
под аркой железнодорожной:
«Любовь бессмертна и бездонна.
Я буду любить тебя, я буду любить тебя,

⁸ Прим. пер. У. Х. Оден — англо-американский поэт XX века, писавший в жанре интеллектуальной лирики.

пока Китай и Африка не столкнутся,
пока река не перепрыгнет через гору,
пока лососи не запоют на блюдце.

Я буду любить тебя, пока океан
не повесят, развернув, сушиться,
пока немые звезды не заорут,
как пациенты психбольницы...⁹»

Даже со всеми драматическими паузами, которые я старательно делал, чтение заняло не более двух минут. Когда я снова посмотрел на нее, она прекратила мыть посуду. Ее карий взгляд потеплел, и губы слегка приоткрылись.

—Ты выиграл!

—Что?

— Это свидание. Ты выиграл! Заявляю официально, это лучшее свидание за всю мою жизнь. Я признаюсь в том, что ты, Илай Филип Дэвенпорт, необыкновенный! — прошептала она и отвернулась, продолжив мытье.

Еще в начале вечера она сняла с себя жакет, тем самым вынуждая меня весь вечер любоваться ее плечами и грудью. Теперь же я подошел к ней сзади. Взяв ее руки в свои, я снял с нее перчатки, и она не стала сопротивляться. Откинув ее волосы в сторону, я прикоснулся губами к основанию ее шеи и спустил бретельки платья и бюстгальтера с плеч. Платье с легкостью соскользнуло на пол.

— Идём в кровать...

⁹ Прим. ред.: отрывок стихотворения «Однажды вечером» в переводе Игоря Сибирянина.

Глава 18

Чудеса и Трагедии

Гвиневра

С момента нашего первого официального свидания прошла неделя, а оно до сих пор не выходило из моей головы. В ту ночь он мог получить от меня все, что захотел бы, но вместо этого мы просто целовались. Да, конечно, страсть и вожделение переполняли нас, но, раздевшись до белья, мы... просто целовались, потом болтали о разных вещах: о детстве, о доме, о том, что ему нравилось делать, когда он был ребенком. И оказалось, что он, как и я, любил плавать. Мы болтали, пока я не уснула в его объятиях. Причиной не заниматься любовью со мной послужило то, что сегодня состоялось наше первое официальное свидание. Он сказал, что на первом свидании пары не занимаются сексом, по крайней мере, таковым было его мнение. Люди часто говорят, что свидания — это своего рода психологические игры, и если это действительно так, то Илай достиг высшей степени мастерства. Хотя, это было забавно, во всяком случае, для меня: ночь, проведенная с ним без секса, запомнится мне надолго.

— Доктор Дэвенпорт, пожалуйста, проведите эту операцию!

Выглянув из-за угла, я услышала рыдания Тоби Уэсли, вцепившегося в белый халат Илая. Три интерна разом примчались ему на помощь, но Илай лишь отмахнулся от них, не желая, чтобы они приближались.

— Тоби...

— Она — все, что у меня осталось. Она — моя маленькая девочка! Наверняка существует что-то, что может помочь ей. Мы пронзали ее иголками и катетерами, ее вены вздуты от ядовитых лекарств! Проведите операцию!

— Опухоль...

— К чертам опухоль! — заорал он, отпуская халат Илая и отталкивая его в сторону. — Ко всем чертям! Я хочу, чтобы вы вырезали эту дрянь из моей девочки. Если не можете вы, я найду того, кто сможет! — Тоби вошел обратно в палату, хлопнув за собой дверью.

Илай глубоко вздохнул, что-то сказал интернам, окружившим его, и направился к лестнице.

Только когда они все разошлись, я подошла к палате, придерживая картину в своих руках. Неуверенная в том, стоит ли вообще туда заходить, я хотела оставить ее на полу у двери, но прежде, чем успела уйти, дверь палаты распахнулась.

— Простите! — От неожиданности я отпрянула назад.

Посмотрев на Тоби, я увидела, что он абсолютно раздавлен горем, глубокие черные круги под глазами свидетельствовали о долгих бессонных ночах. Его взгляд переместился вниз, на картину.

— Ты принесла ее? — Молли, выглядывая из-за спины отца, помахала мне.

— Я же обещала, помнишь? — улыбнулась я и наклонилась за картиной. Тоби молча пропустил меня в палату.

Я подошла к ее кровати. Кожа Молли выглядела серой, она уже не могла подниматься сама, но платочек на ее голове был по-прежнему ярко-розовым и сверкающим. На руке, в том месте, где ей ставили капельницу, сейчас был приkleен бантик.

Придвинув стул к кровати, я села и положила картину на колени.

— Хочешь, я открою ее? — спросила я.

Девочка сделала усилие, чтобы кивнуть.

Развернув коричневую бумагу, я придвинула картину к ней поближе.

— Что ты думаешь?

— Папа! Это мамочка с ребенком! — Она прикоснулась к изображению и улыбнулась папе, который, прижав руки ко рту, смотрел на семейный портрет. Сглотнув ком в горле, он сел подле ее кровати и взял малышку за руку.

— Да... да, моя хорошая, это она, — прошептал он.

Глядя на них, я еле сдерживала слезы.

— Я могу забрать ее? — спросила Молли.

Улыбнувшись, я кивнула.

— Конечно. Я нарисовала ее для тебя... для вас с папой.

Тоби посмотрел на меня и встал на ноги.

— Молли, скажи «спасибо».

— Спасибо!

— От всей души — пожалуйста. Пусть она тебя хранит!

Если бы все было так просто!

— Мне уже лучше, — Молли коснулась лица мамы.

— Я приду к тебе позже, ладно?

— Я провожу вас. — Тоби вышел со мной.

Как только мы переступили порог, он прикрыл за собой дверь. Тоби пытался держаться, но ему не удавалось, слезы текли из его глаз. Глубоко вздохнув, он улыбнулся мне.

— Я знаю, мы не очень близко знакомы, но можно мне обнять вас?

Кивнув, я обняла его в ответ. Он едва слышно плакал, все еще силясь держать себя в руках. Я боялась, что он упадет, таким слабым он выглядел. Наконец он отпустил меня, и вытер глаза.

— Как вы узнали о ребенке, который должен был родиться?

— Я слышала разговоры медсестер. Это ничего, что?..

— Ничего. Даже больше. Спасибо. Спасибо вам огромное!

Он взял мои руки в свои и повернулся, оглядываясь на вход в палату.

— Мне страшно. Я в отчаянии, не знаю, что делать. Она так страдает, и я ничем не могу ей помочь, просто сижу здесь и наблюдаю. Этим утром Молли потеряла сознание. Она умирает, и ее врачи говорят, что не могут ее оперировать. Но я должен что-то попробовать, верно? Я должен перепробовать все возможные варианты, так?

Это не был риторический вопрос, Тоби ждал от меня ответа.

— Тоби, не знаю, я не врач...

— Но если бы это был ваш ребенок?!

— Тоби, я бы очень, очень хотела помочь. Но я правда не знаю, что тут можно посоветовать. Я не могу ответить... Понимаю, вам очень больно, и я разделяю вашу боль. Мне очень жаль, Тоби... Доверьтесь себе, делайте то, что считаете для Молли правильным!

Он молчал, и это его молчание было таким же болезненным, как если бы он говорил.

— Спасибо еще раз, — прошептал он.

— Конечно.

Тоби зашел обратно в палату, я помахала Молли, и дверь за ним закрылась.

Я простояла под дверью дольше, чем положено, а потом медленно побрела к своему рабочему месту. Если уж мне было так тошно сейчас, даже не представляю, что постоянно чувствует Илай. Как он может работать? Как справляется с таким грузом страданий других людей? Когда он находится дома, кажется, что он полностью абстрагирован от работы и никогда не вдается в детали. Он старается отделаться парой слов о спасенных... А как быть с теми, кого он не смог спасти?

Может быть, он не делится этим со мной, поскольку считает, что я не смогу понять? Я знаю, что существует некая врачебная тайна, и совершенно не хочу, чтобы он нарушил ее. Но как ему удается сохранять хладнокровие?

— Гвен! — Ко мне подошел Логан, одетый в темные джинсы и симпатичную кожаную куртку.

Я отметила, что после официального заявления об уходе из медшколы его стиль в одежде кардинально изменился. Он постепенно становился тем, кем был на самом деле. Он даже проколол себе ухо.

— Привет, разве ты не на гастролях? — удивилась я.

Он притворно нахмурился.

— Не можешь дождаться, когда я наконец исчезну, да?

— Вот и нет, — рассмеялась я.

— Шучу. Завтра уезжаю. Я пришел пообедать с мамой и просить тебя о малюсеньком одолжении. — Он указал на стену. — Я не успею вернуться к моменту открытия росписи, а желание узнать, что же ты там нарисовала, будет медленно убивать меня. Уверен, кто-то уже заглядывал за штору?

— Все такие нетерпеливые! Ты не ощутишь весь эффект, если...

— Пожалуйста, Гвен.

— Тебе это нужно, чтобы потом поддразнивать маму, да?

Он усмехнулся.

— Вот как ты знаешь меня так хорошо?

Покачав головой, я подняла занавес, разрешая ему пройти внутрь. Войдя, он посмотрел вниз, на краски, размазанные тут и там на полу, и на когда-то белую рубашку, которую я надевала во время работы, лежащую тут же, а потом перевел взгляд наверх. Отступив на шаг назад и наклонив голову, он внимательно разглядывал стену.

— Это...

— Ага. — Я не хотела, чтобы он вслух описывал увиденное.

— Им понравится. — Он посмотрел на меня. — Я по-настоящему впечатлен.

— Спасибо. Я каждый раз дико волнуюсь, но теперь ты меня успокоил, и дальше я буду рисовать уже без страха.

Мой телефон завибрировал. Пришло сообщение от Катрины: «У нас неприятности. Ты в больнице? Я сейчас приеду за тобой».

— Все в порядке?

Я утвердительно кивнула Логану, одновременно с этим отвечая Катрине.

— Не окажешь любезность? — спросила я, потянувшись за упакованной картиной, и передала ее ему.

— Конечно, что нужно? — Логан смотрел, не понимая.

— Ты помнишь картину, которую я нарисовала для тебя и Илай? Здесь оригинал. Я хотела сегодня передать его твоей маме, но у меня не получится встретиться с ней, и теперь я даже не уверена, когда вернусь обратно. Не мог бы ты передать ее вместо меня?

— Конечно, могу. Скорее всего, она расплачется и побежит вниз, чтобы обнять тебя.

— Все будет в порядке. — Я отступила назад и увидела Илай, направлявшегося к нам.

Он посмотрел на нас, и Логан немедленно обнял меня.

— Я признаю, что моя любовь к Гвен...

— Эй! — я ушипнула его за бок.

Логан зажмурился и отпустил меня.

Илай усмехнулся.

— Видишь? Она против.

Логан сстроил рожицу нам обоим и удалился с картиной в руке.

Пришло новое сообщение: «Я уже здесь».

— Неужели ты показала ему роспись?

— Он очень просил, потому что пропустит церемонию открытия. Извини меня, ничего, если мы поговорим чуть позже? Мой адвокат хочет видеть меня прямо сейчас, а она никогда не беспокоит по пустякам. Она даже приехала за мной.

— Хорошо. Я уже получил то, что хотел.

— Что? Я ничего не давала?

— Я пришел просто увидеть тебя.

Улыбнувшись, я спиной попятались к дверям.

— Ты такой привлекательный листец, доктор Дэвенпорт.

— Разве? Удачи! — он помахал мне.

— Тебе тоже! — ответила я и толкнула стеклянную дверь.

Я увидела Катрину, стоявшую возле машины в кроваво-красном платье и жакете. В руках она держала письмо.

— Что это такое?

Она протянула мне бумагу.

— Твой бывший подал на тебя в суд.

— На каком основании?

— За разрыв контракта. Ты не отвечала на его звонки и, как следствие, не подготовила проекты, в которых он нуждался.

Я застонала, желая стукнуть себя.

— Я кусаю локти за то, что не разорвала этот контракт давным-давно.

— Все очевидно. Чтобы снова видеть тебя и общаться с тобой, этот сукин сын будет использовать любые методы, даже такие грязные. — Катрина вытащила другое письмо из своей белой сумки «Луи Вuitton». — Во-первых, мы постараемся разорвать твой контракт, но поверь мне, эта будет та еще битва, и ты потеряешь на этом миллионы. Он не будет таким же щедрым как в начале процесса. Я не знаю, что произошло, но он превратился в отъявленного козла. У тебя не осталось никаких чувств к нему?

— Нет, он так поступает, поскольку узнал, что я начала встречаться с другим.

— Правда? — Ее блондинистые брови взлетели от удивления.

— Да, — твердо ответила я. — И у меня нет желания терять миллионы или враждовать с ним годами! Какие еще есть варианты?

Катрина открыла дверь машины.

— Мы можем встретиться с ним и обсудить твоё расписание, так как ты занята и на других проектах. В любом случае, твой контракт закончится через несколько месяцев. Нет нужды затевать войну.

— Отлично. Только останови меня, если я захочу убить его во время встречи, — проговорила я, садясь к ней в машину.

— При первой удобной возможности я и сама найду, за что подать на него в суд. — Она хотела, чтобы я почувствовала себя увереннее, и это сработало.

Себастьян Эванс был беспринципным, ничтожным мерзавцем.

Илай

Я вошел в кабинет и увидел маму, плачущую на руках Логана.

— Что тут...

Брат кивнул, указывая мне на картину на столе, и прошептал:

— Это от Гвиневры.

Она опять изумляет меня!

Я недавно проходил мимо палаты Тоби и Молли и видел их двоих, смотрящих на ее картину, смеяющихся и разговаривающих друг с другом. Они были так счастливы, что я на мгновение даже забыл, что Молли больна. Именно поэтому я тогда и спустился к Гвиневре.

Сев напротив них, я потянулся за картиной. Мама шлепнула меня по руке.

— Мам! — вскрикнул я, отдернув руку.

Она вытерла глаза.

— Никто не прикоснется к ней, пока я не поставлю ее в рамку и не повешу в кабинете отца.

За все прошедшие годы она не выбросила ни одной отцовской вещи, будто ждала, что в любой момент он вернется. Конечно, она понимала, что этого не произойдет, но, как мама сама говорила, иногда ей нравилось закрыть глаза и забыть об этом.

— Гвен еще здесь?

— Нет, у нее встреча.

— Дай мне знать, когда она вернется, — прошептала мама. — Сходство поразительное! Она даже отметила его шрам на подбородке, который он заработал во время игры в футбол.

— Она как-то обмолвилась, что, приходя в твой офис, разглядывала его фотографии и еще нашла несколько фотографий в интернете, — улыбнулся я.

— Мальчики, вы выросли, и теперь я ясно вижу, как вы стали на него похожи. Во многом. Знали ли вы, что в его жизни тоже был период, когда он хотел бросить медицину?

— Она посмотрела на нас.

— Что? Нет, это неправда! — Я не мог поверить в это.

Мама утвердительно кивнула.

— Он был отличным саксофонистом, увлекался джазом, но в конце концов признался, что это останется лишь увлечением.

— Один ноль в пользу музыкантов. — Логан кивнул мне и откинулся в кресле.

Не обращая на него внимания, я поинтересовался:

— Почему ты никогда об этом не рассказывала?

— Потому что ты всегда стремился быть похожим на него. Я знала, что ты, как и я, не способен играть на инструментах настолько хорошо, чтобы зарабатывать этим на жизнь. Поэтому я позволила тебе сосредоточиться на книгах.

Логан расхохотался так, что даже начал хрюкать. Мама хлопнула его по ноге.

— Ма! — заорал он, потирая ушибленное бедро, а потом улыбнулся.

— Не смейся над старшим братом. Если бы он не подавал тебе хороший пример, только Господь знает, что бы из тебя вышло.

— Спасибо за доверие, мам! — нахмурился Логан, поглядывая на меня.

— О, Илай, я совсем забыла, Ханна попросила разрешения временно перевестись в одну из внутренних клиник, и я не понимаю, что послужило этому причиной. Ты ей что-то сказал?

— Правду. — Я вытащил вибрирующий пейджер и соскочил с места. — Мне надо бежать.

Я не слышал ее ответа и не стал дожидаться лифта, помчавшись вниз по лестнице. Добежав до палаты, я крикнул:

— Что случилось?

Хрупкое тоненькое тело Молли мелко тряслось, глаза закатились, а потом все резко прекратилось.

— Молли! Мне нужна реанимационная каталка! Живо! — орал я.

— Молли! Молли! Солнышко мое, проснись! Молли!.. — слышал я голос Тоби.

— Уведите его!

Медсестра протянула мне дефибриллятор.

— Давай, Молли!

Гвиневра

После того, как Себастьян бросил меня, я приказала себе каждый раз прислушиваться к своей интуиции. Еще в день свадьбы я чувствовала, что что-то идет не

так, но проигнорировала все сигналы. Ни за что не допущу подобную ошибку снова! Я буду слушать свой внутренний голос, что бы ни случилось. Теперь все внутри меня кричало, чтобы я не задерживалась здесь ни на минуту дольше необходимого.

Его офис, как и прежде, был напичкан чрезмерно дорогим деръемом: мраморный пол, красивые деревянные стены и награды, демонстративно вывешенные на всеобщее обозрение позади него. На столе стояла помпезная табличка «Основатель и Президент» с выгравированным на стекле его именем.

Я шагнула внутрь.

Себастьян стоял, застегивая темно-синий пиджак.

— Ты пришла...

— От этого места несет деръемом, мистер Эванс, не могли мы сразу перейти к делу?
— бросила я, присаживаясь.

Катрина встала позади моего стула.

— Гвен...

— Мисс По хотела бы извиниться за то, что не отвечала на ваши звонки, хотя я уверена, что вина за некорректно выбранные каналы связи частично лежит на вас и вашем офисе. Если бы вы желали сотрудничать с моим клиентом, вы бы, в первую очередь, связались с ее агентом, который занимается составлением расписания мисс По. Уверена, любой суд согласится с моими доводами. — Катрина бросила его иск на стол.

Себастьян не посмотрел на нее, устремив свой взгляд на меня.

— Прости меня за то, что я причинил тебе боль.

— А вы разве не видите моей улыбки, мистер Эванс? Разве возможно, чтобы человек вроде вас мог чем-то обидеть меня?

— Гвен! — он перешел на крик.

— Мистер Эванс, еще раз повысите голос на моего клиента, и я подам на вас в суд не только за оскорбления, но и за нанесение морального ущерба. Мисс По, испытываете ли вы эмоциональные страдания в данную минуту?

Я нахмурилась.

— Теперь, когда ты это подчеркнула...

— Гвен, пожалуйста, — вздохнул Себастьян.

Катрина хотела что-то добавить, но я кивком головы остановила ее.

— Чего ты хочешь, Себастьян?

Он встал напротив меня.

— Знаю, я поступил ужасно. Я заставил тебя страдать и очень сожалею об этом, потому что для меня не существует на свете другой женщины, которую я любил бы так же сильно, как тебя. Я не понимал этого раньше, переволновался и испугался, что у нас выйдет так же, как у моих родителей. Помнишь? Моя мама бросила нас, и я не хотел бы еще раз испытать эту боль. Но каждый раз, закрывая глаза, я вижу тебя. Я помню все: как ты крепко держалась за меня на представлении «Цирка дю Солей», куда я пригласил тебя; как ты для меня заполняла холодильник продуктами, даже когда я говорил тебе, что это не нужно; как ты преобразила интерьер моей квартиры; и как ты танцевала в гостиной. Я очень скучаю, Гвен. Я готов провести каждый день моей жизни, стараясь загладить вину. Ты — единственная желанная женщина в этом мире для меня.

Катрина, удивленно приподняв брови, посмотрела на меня.

— Бэш, — мягко произнесла я, сидя на самом краю стула.

— Гвен, — он натянуто улыбнулся.

— Будучи с тобой в отношениях, я была настолько слепа, что, выслушав сейчас твою тираду, мне захотелось ударить себя. Я прекрасно помню наш поход в «Цирк дю Солей». Я крепко держалась за тебя потому, что дико боюсь высоты и решила, что, глядя на акробатов, умру от разрыва сердца. Причина, по которой я заполняла холодильник продуктами, проста — в то время мы жили вместе, а ты этим никогда не занимался. А если и занимался, то никогда не покупал то, что любила я, никогда не учтивал мои

предпочтения. Я поменяла дизайн твоей квартиры потому, что ты купил просто гигантскую мебель после того, как я просила тебя не покупать ее. Тебя всегда волновала только твоя собственная персона. И запомни, ты НЕ единственный мужчина на земле для меня! Поэтому, пожалуйста, хватит! ПОЖАЛУЙСТА! Розовые очки сняты. Я больше не ослеплена великим Себастьяном Эвансом. Прекрати! И, если ты не остановишься, я обращусь в суд за ордером, запрещающим приближаться ко мне и контактировать со мной. Уверена, это окончательно погубит оставшиеся несколько месяцев моего контракта. Правильно, Катрина?

— Ты должна была сказать мне, что мистер Эванс звонил тебе посреди ночи, и тогда я в тот же вечер обратилась бы к судье Банкс за запрещающим ордером, — ответила она.

Я встала.

— Все, что тебе нужно от меня по работе, пожалуйста, передавай через моего агента. Тара запишет и поможет составить расписание. Прощайте, мистер Эванс. — Я вышла и закрыла дверь.

И только когда мы оказались в лифте, Катрина произнесла:

— Мы сделали это! Дай пять!

Я, улыбаясь, хлопнула своей ладонью по ее.

— Мы забудем об этом как о страшном сне.

— Конечно, — я старалась, чтобы мой голос был таким же ледяным, как у Катрины, но не смогла сдержаться, все это было слишком смешно.

Когда мы уже выходили из здания, зазвонил мой телефон. Проверив, я увидела, что была мама Стиви.

— Миссис Спэнсер? Все в порядке?

— Привет, Гвен! Прошу прощения, что беспокою тебя. Я пыталась дозвониться до твоей мамы, но там постоянно включается автоответчик.

И я знаю почему. Мама ненавидит долгую болтовню по телефону, а миссис Спэнсер может говорить часами.

— Чем могу помочь, миссис Спэнсер?

— Ну, если коротко, ты знаешь имя врача твоего отца, который наблюдал его после инфаркта? Я хочу показать ему Райана. Клянусь, это мужчина не понимает, что убивает себя той едой, которую ест. Ты знаешь, в прошлую...

— Подождите... Извините, вы сказали, у папы был инфаркт?

Что? Может она перепутала?

— Да. Три недели назад, разве нет? Райан, дорогой, когда у Масоа случился инфаркт? — проорала она, забыв отнять телефон от рта. — Да, три с половиной недели назад.

— Миссис Спэнсер, я вам сейчас перезвоню.

Илай

— Просто чудо, что она выжила, — произнесла интерн Пучок, вставшая позади меня, пока я изучал снимки Молли на стене.

— Что дальше, доктор Дэвенпорт? — интерн Эластичный подошел ко мне и, когда я повернулся к нему, отступил назад.

— Доктор Дэвенпорт?..

— Вы можете помолчать? — огрызнулся я так, что они вздрогнули. — Помолчите! И прекратите твердить, что она чудом осталась в живых, потому что это не так. Закройте рты и посмотрите внимательно на ее снимки. Не кажется ли вам, что опухоль выглядит странно?

Четырехглазый поправил очки и вышел вперед.

— Выглядит так, будто она переместилась чуть вправо.

— Разве это не здорово? Раньше вы не могли оперировать из-за местоположения опухоли, но теперь, когда она переместилась или уменьшилась...

— Она никуда не переместилась, — прошептал Эластичный, переводя взгляд с ее старых снимков на новые.

— У нее две опухоли. Химия способствовала уменьшению большей опухоли, но у нее есть вторая, справа от первой. Ее тип медуллобластомы составляет чуть меньше двенадцати процентов от всех раковых опухолей мозга, — произнес я, прикрепляя дополнительные снимки. — Химиотерапия и хирургия изначально были бессильны. Теперь рак прогрессирует. Ее тело умирает и, вернув ее сегодня к жизни, мы лишь отсрочили неизбежное. Она не доживет и до конца недели.

— Вы скажете ее отцу? — прошептал Эластичный.

— Уже сказал. — Я повернулся к ним. — Отдайте им выписку и отправьте по факсу всю информацию доктору Бирелл в Центр раковых заболеваний в Джонс Хопкинс...

— Доктор Дэвенпорт! — вбежала медсестра.

Я уже знал причину и побежал в сторону палаты, которую покинул всего два часа назад. Сейчас я видел, как Ян, отбросив дефибриллятор, руками делал массаж сердца.

— Как долго она без сознания? — спросил я у него.

— Немногим более трех минут, — вздохнул он, останавливаясь, потому что, наконец, понял то же, что уже понял я.

— Что же вы делаете? — заорал Тоби. — Спасайте ее! Спасайте! Почему вы стоите?!

— Мистер Уэсли, ваша дочь сегодня утром теряла сознание, два часа назад у нее случился приступ, и теперь ее сердце отказалось. Все остальное будет лишней пыткой для нее. Ее тело не сможет принять больше. Мне жаль, но мы потеряли ее. Простите...

Ян посмотрел на часы, и я отключил приборы от ее тела.

— Время смерти 20:43, — прошептал Ян.

Тоби, рыдая, рухнул на тело Молли.

Моя грудь пылала огнем. Я чувствовал себя так, будто самолично лишил этого мужчину последнего, что у него оставалось в жизни. Я не смог спасти его дочь. Я — плохой врач.

Выйдя из палаты, я, не останавливаясь, шел, а может, бежал, не знаю. Я не мог контролировать себя. Все было как в тумане, пока я, задыхающийся, не оказался вне здания, под проливным дождем.

Я не смог! Господи! Почему?

— Аа-а-а! — зло орал я дождю.

— Илай! — Гвиневра подбежала ко мне, держа руки над головой, как будто бы это могло спасти ее от дождя. — Илай, что случилось? Что не так?

Я попытался улыбнуться ей, но не смог.

— Я! Это я виноват! Иди сегодня домой одна...

— Илай, поговори со мной.

— Я не хочу разговаривать! Я устал от разговоров! Все, что я делаю, так это разговариваю сутки напролет! — орал я. Вздохнув, я провел руками по волосам. — Пожалуйста, не жди и не ищи меня сегодня.

Войдя обратно в здание больницы, я из последних сил старался игнорировать боль в голове и груди.

Глава 19

Клятва, которую мы дали

Гвиневра

— Долго он будет таким? — поинтересовалась я у доктора Сио, наблюдая за тем, как Илай зашивал руку пожилой леди в травмпункте. За последние девяносто шесть часов он вряд ли что-нибудь ел. Все это время он буквально жил в больнице, и его заросший щетиной подбородок свидетельствовал о том, что бритва давно была им забыта.

Доктор Сио грыз яблоко, прислонившись спиной к стене. Его розовые волосы уже давно покернели и сейчас были собраны в хвостик.

— Ну, это зависит от многого... Если вы еще не в курсе, Илай всегда крайне тяжело переживает смерть своих пациентов. Он считает, что только потому, что он хороший доктор, ему дано спасти каждого. Однажды, еще во времена нашей интернатуры, мы потеряли одного старика. Он поступил к нам вместе со своим сыном после аварии. Сын пострадал намного серьезнее, чем старик, поэтому Илай сфокусировался на парне, не поняв тогда, что у отца открылось внутреннее кровотечение. Это не было его ошибкой, а парнишка на самом деле был очень плох. После смерти старика Илай едва прикасался к еде и не выходил из больницы месяц. И спал он только потому, что мать пригрозила выгнать его. Тогда он соорудил себе временную лежанку в комнате дежурных врачей, и никто, кроме него, не осмеливался там спать.

— Что я могу сделать для него?

Он похож на приведение... Даже после разрыва с Ханной он не был таким.

— Ждать. Насколько я его знаю, тут не поможет ничто иное, если только не случится что-нибудь грандиозное. Кто знает, как долго он будет пребывать в таком состоянии на этот раз. Он даже не отвечает на мои подколы и не издевается надо мной, а это очень нехороший признак.

Я подавила смешок.

— А ты просто обожаешь всякого рода издевательства, да, Ян?

Он подмигнул мне, затем посмотрел на пейджер.

— Мне пора идти, увидимся позже. Не принимай все слишком близко к сердцу, договорились?

Легче сказать, чем сделать...

Кивнув, я помахала Яну на прощание и принялась снова наблюдать за Илаем, который, едва успев сменить перчатки, уже направлялся к следующему пациенту. Даже при общении с больным выражение лица Илай оставалось мертвым. Мне жутко хотелось заорать ему прямо в лицо. Может, так мне удастся растормошить его? Но имею ли я на это право? Я думала о Молли и Тоби... и не знала, будет ли правильно, если Илай перестанет переживать.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я покинула свой наблюдательный пост и направилась в сторону рабочего места, к росписи, которую уже закончила. Предполагалось, что сегодня состоится ее открытие, но в больнице царило слишком мрачное настроение, поэтому я решила подождать, когда оно хотя бы чуточку изменится.

— Гвен!

— Стиви!?

На Стиви было надето платье в черно-белый горошек, розовый плащ и шляпка от солнца.

— Классный прикид!

— Ой, давай не будем говорить обо мне. — Она взяла меня под руку и повела в сторону занавеса. — Я пришла на открытие твоего шедевра! Ты скажешь речь?

— Ненавижу публичные выступления!

— Ты каждый раз так говоришь, но у тебя всегда отлично получается. — Стиви села напротив росписи. — А что не так с моим нарядом? Дело в шляпке?

Она поспешила ее снять, и я рассмеялась, видя, как непослушные локоны ее рыжих волос немедленно встали торчком.

Пригладив ей волосы, я покачала головой.

— Нет, ты выглядишь прекрасно. Илай объяснил мне, что, раз я являюсь состоятельным человеком, у меня не должно быть предрассудков по отношению к другим богатым людям.

— А я тебе уже много лет твержу об этом. Догадываюсь, что это умозаключение твоегоекс...

— Не заканчивай предложение.

— Я собиралась сказать — сексуального парня, — оглянулась она, не обращая на меня внимания. — А кстати, где он? У меня все еще не было возможности, как у твоей лучшей подруги, выразить ему свое одобрение.

— Он работает. А ты так вырядилась ради меня?

— К сожалению, нет. Вечером мы едем в Хэмптонс. Гвен, ты обязательно должна как-нибудь съездить туда. Жить на побережье так чудесно!

— Ты жила на побережье озера в Сайпресс.

Стиви закатила глаза.

— Да, это было здорово. Но говорю тебе, у Хэмптонса определенный ореол романтики. Твой сексуальный доктор возил тебя туда?

— Он работает.

— То есть ты не возила его познакомиться со своими родителями? — Она нахмурилась. — Я слышала про инфаркт твоего отца, почему ты не рассказала мне?

— Для начала было бы неплохо, если бы хоть кто-нибудь рассказал об этом мне. — Я все еще была в обиде на родителей. — Мама и папа решили «не беспокоить» меня и теперь отделяются фразами типа «ему уже лучше, дорогая». Они путешествуют по побережью и в среду должны быть дома. Я надеялась улететь в субботу, но...

— Но?

Я вздохнула.

— Что ты делаешь, когда Натаниэлю плохо? Я имею в виду, до тебя он, конечно, самправлялся с трудностями, но сейчас, когда ты есть в его жизни, ты же что-то предпринимаешь, чтобы помочь ему? Верно? Не только отпускаешь его заниматься спортом?

Она подумала, потом, пожав плечами, заметила:

— По-разному. Когда дело касается его семьи, просто говорю ему, что я рядом, на случай, если он захочет излить душу. И затем кручуясь возле него как можно чаще, выжидаю момент. Если он не в настроении, я готовлю ужин, и мы пропускаем по стаканчику. Обычно после этого следуетекс, и потом я уже не могу заставить его заткнуться.

Я рассмеялась, покачав головой.

— Как ты изменилась, Стиви. Помнишь, как ты говорила, что никогда не будешь целоваться с мальчиками?

— А ты помнишь, как утверждала, что выйдешь замуж за Марио Лопеса, а потом за Орландо Блума? — Она толкнула меня локтем. — А кто был следующий?.. Принц Гарри?.. Тебе он очень нравился.

— Да, я стала бы чудесной принцессой, спасибо. А как красиво звучало бы мое имя: *принцесса Гвиневра Кембриджская*, — нарочито медленно, растягивая слова, произнесла я.

— С уверенностью могу сказать, что мы обе не были в здравом уме.

— Да, соглашусь, — рассмеялась я, глядя в сторону занавеса, скрывающего мою роспись. — Если я попрошу *его* прийти на открытие, думаешь, он согласится?

— Единственный способ проверить — спросить. А теперь ответь мне, что ты собираешься надеть на церемонию?

Стиви порой могла быть очень полезной.

Илай

— Он подал на меня в суд, — тихо произнес я, стоя за рядом стульев в ее офисе.
Мама кивнула.

— Он охвачен горем, Илай. Он не знает, кого обвинить. Я видела снимки Молли и разговаривала почти со всеми нейрохирургами больницы. Ты сделал все правильно!

— Тогда почему?! — взорвался я. — Если я сделал все правильно, согласно книгам, почему всё закончило так? Ведь у этого мужчины больше не осталось ничего!

— Это не твоя вина. — Мама встала и обхватила руками мое лицо. — Дорогой, я говорила тебе и раньше, не в твоих силах спасти всех. Ты не Господь Бог. Люди приходят к нам, будучи больными, и мы делаем все возможное, все, что в наших человеческих силах, используем все способы, чтобы вылечить их, но иногда это не помогает, к сожалению. Ты не убивал ее. Не ты стал причиной того, что он потерял всю свою семью. Это сделал не ты!

Вздохнув, я кивнул. Я знал, она была права, но мне не становилось легче.

Шагнув в сторону, она взяла плащ.

— Тебе стоит недельку отдохнуть.

— Мам!

— На тебя подали в суд, Илай. Не важно, справедливо или нет, адвокаты займутся этим вопросом. Но ты не можешь работать в таком состоянии. Посмотри на себя! Я говорю тебе это как директор больницы: тебе нужно уйти на время и дать отдых своей голове. Бессмысленно пропадать здесь сутками. Если ты в таком состоянии где-нибудь оступишься или ошибешься, все станет в десятки раз хуже.

— Что я буду делать целую неделю, мам?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Бриться, есть, спать, разговаривать со своей девушкой.

— Ты знаешь?..

— Конечно же, я знаю! То, что я — твоя мать, не значит, что я неожиданно ослепла. Я даже могу сказать, когда между вами всё изменилось и вы перестали притворяться, что ссоритесь. Разговаривал ли ты с ней с тех пор?

Я не ответил.

— То есть, может оказаться, что она больше не твоя девушка?

Я вздохнул, не желая поддерживать этот разговор.

— А ты знаешь, что она закончила роспись? Или ты забыл, что земля продолжает крутиться, даже если ты остановился? Сейчас я иду на церемонию открытия росписи. — Она распахнула дверь. — Ты со мной или нет?

— Иду, — пробормотал я, придержав для мамы дверь.

Честно говоря, я не знал, что Гвиневра успела закончить роспись. Она много раз пыталась встретиться со мной, поговорить, но я не подпускал ее к себе. Мне все еще было плохо.

— Что ж, разве это не напоминает один фильм? — Мама окинула взглядом докторов, медсестер, почти здоровых пациентов и даже прессу.

Гвиневра стояла напротив всех, крепко сжав руки. Она всегда так поступала, когда волновалась. Она выглядела мило, надев простую розовую юбку, черную рубашку с V-образным воротом и убрали волосы в косу на боку. Она даже нанесла легкий макияж. Увидев маму, Гвен кивнула, а потом ее взгляд переместился на меня. Улыбнувшись, она перевела взгляд на толпу.

— Спасибо всем, что пришли. Многим из вас, я в курсе, директор больницы не оставила иного выбора, — произнесла Гвиневра, и люди вокруг засмеялись.

Мама скрестила руки на груди, наблюдая за смеющимися.

— Когда меня впервые попросили сделать роспись в вашей больнице, я не даже представляла, с чего можно начать. Поэтому я гуляла по коридорам больницы. Иногда вы замечали меня, но чаще всего не обращали на меня никакого внимания, так как все ваше внимание было приковано к больным. За то время, что я провела здесь, многие из пациентов ушли, кто-то в счастливый путь, а кто-то в печальный. Всегда оставались только вы, медики, что бы ни произошло. Быть врачом... это действительно то, чего вы хотели? Я надеюсь, моя роспись послужит напоминанием о когда-то данном вами обещании, и мы, пациенты, благодарим вас за это.

Она повернулась и кивнула, чтобы занавес сняли.

В одно мгновение покров был снят, и все замерли, не произнося ни слова.

На стене были изображены пациенты, гуляющие в парке: пожилые, сидящие кто в инвалидных колясках, кто на скамеечке с тростью в руках, подростки, слушающие музыку, родители, держащие детей на руках. В углу, от потолка до пола был нанесен текст клятвы Гиппократа.

Вот почему она просила мой медицинский справочник.

Я, мама и все присутствующие здесь люди вновь прочитали знакомые нам слова:
«Клянусь честью, используя все мои знания и умения, исполнять этот завет:

Я приму все необходимые меры во благо больного, избегая залечивания и терапевтического нигилизма.

Я буду помнить, что медицина, как и наука, — это искусство, и что доброта, сочувствие и понимание могут превосходить по силе действия хирургический нож или химическое обезболивающее. Мне не будет стыдно признаться в незнании или обратиться за помощью к своим коллегам, когда их знания потребуются для лечения моего пациента.

Я буду уважать конфиденциальность моих пациентов и хранить их проблемы как тайну. Особенно внимательно должен я действовать в вопросах, от которых зависит жизнь пациента. И, если мне удастся спасти жизнь, я буду благодарен за это. Но также в моей власти может быть и лишение жизни. Памятую о собственной тленности, эту великую ответственность я должен принимать со всей смиренностью. Главным образом я не должен играть в Бога.

Я буду помнить, что лечу не лихорадку или раковую опухоль, а больного человека, чье заболевание может повлиять как на близких, так и на финансовую стабильность его семьи. И в этом тоже моя ответственность.

Каждый раз, когда смогу, я буду предотвращать болезнь, потому что предупреждение лучше лечения.

Я буду помнить, что остаюсь членом общества со специальными обязательствами ко всем моим товарищам по разуму, как здоровым, так и больным.

Да не нарушу я эту клятву и буду радоваться жизни и искусству, и буду уважаем при жизни, и останусь в добре памяти людей после смерти!

Да пусть же я всегда буду поступать во имя сохранения самых высоких и благородных традиций моей профессии, и пусть я долгие годы буду испытывать радость от выздоровления моих пациентов!¹⁰»

— Спасибо вам всем за то, что позволили мне все это время находиться рядом с вами. Спасибо студентам и факультету искусств Нью-Йоркского Университета за помощь. Я бы не смогла этого сделать без вас, — произнесла она.

Раздались аплодисменты.

Моя мама подошла к ней и обняла за плечи. Люди фотографировались с Гвен и просили автограф. Чем больше внимания она уделяла другим, тем более ревнивым

¹⁰ Прим. пер.: данный текст не является классическим текстом клятвы Гиппократа. Гвиневра привела текст одной из современных версий клятвы, написанных в 1964 году американским врачом, профессором медицины, деканом Школы медицины Тафтского Университета, Луисом Лазанье (22.02.1923 — 06.08.2003). Именно его версия клятвы в настоящее время используется в большинстве медицинских школ США.

становился я, потому что у других была возможность прежде меня поздравить ее и пожать руку.

Она была потрясающая: талантливая и красивая, и мне захотелось обнять ее и сказать ей об этом.

— Уж не думаешь ли ты о том, чтобы пробраться сквозь толпу и поцеловать ее, а?

— Ян подошел ко мне, снимая с себя свою хирургическую шапочку с эмблемой K-POP¹¹.

— А если и так, то что?

Ян изумленно посмотрел на меня, театрально откинувшись назад.

— Добро пожаловать назад, доктор Дэвенпорт! Я не ожидал твоего возвращения так скоро. Думаю, все, что тебе потребовалось для этого, — это популярность ГП.

— Популярность ГП?

— Не притворяйся, что не понимаешь, чьи это инициалы. А теперь прошу извинить меня, я иду снимать селфи на фоне настенной росписи.

— Ты — идиот!

— Но ты все равно любишь меня! — Показывая пальцами знак «Мира» и улыбаясь, он прошел мимо.

Покачав головой ему вслед, я остался стоять на прежнем месте. Я решил ждать, пока толпа разойдется, и ажиотаж вокруг Гвен немного пройдет. Вот тогда-то я и подойду к ней. А сейчас я был более чем счастлив просто наблюдать за ее триумфом.

Гвиневра

Мне казалось, я улыбаюсь уже целую вечность, от вспышек фотокамер мои глаза практически ничего не видели. Но наблюдение за тем, как люди делают снимки на фоне моей стены, компенсировало мою усталость. Присев, я осмотрела роспись, удивляясь самой себе. Я верила, что кто бы ни посмотрел на стену, действительно поверит в любовь между искусством и наукой. Одно не может существовать без другого.

— Это место занято?

Посмотрев на него, я покала плечами.

— Мой парень может накостылять тебе.

Он усмехнулся.

— Твой парень заслуживает хорошего пинка. Он отталкивал тебя и повышал на тебя голос под дождем. А под дождем романтичны только поцелуи, правда?

Он пытался шутить, но я могла с уверенностью сказать, что ему сейчас было не до шуток.

— Извини, я был расстроен и...

— Знаю, — закончила я за него. — Сначала я была расстроена и сбита с толку, а потом я все узнала... И первое, о чем подумала, — в порядке ли ты... Ну ладно, это не так. Сначала я хотела узнать, что с Тоби, хотя и так все было понятно. Но и о тебе я очень волновалась.

Илай улыбнулся, взяв мою руку, и поцеловал ее.

— Я в порядке. А Тоби... ему больно. И так будет всегда, до конца его жизни. А мне нужно помнить, что на моем пути будет еще много малышек Молли, и в будущем надо изо всех сил постараться помочь каждой из них.

— Захочешь ли ты в будущем делиться со мной своей болью? — мягко спросила я.

— Понимаю, что, может быть, не все пойму, но мне ненавистна даже мысль о том, что ты даешь мне усеченную версию своего прошедшего дня. Ты никогда до этого не посвящал меня в детали своей работы.

— Постараюсь, но причина моей немногословности в том, что рядом с тобой я забываю обо всем остальном.

¹¹ Прим. пер.: K-Pop — корейская поп-музыка.

— Тогда, может быть, у тебя появится время сбежать вместе со мной? — Это звучало несколько... приторно.

— Сбежать с тобой? — не понял он.

— Я неправильно выразилась... хотя нет, я сказала все верно. Несколько недель назад у моего отца случился инфаркт, а родители ничего мне не сказали. Поэтому мне нужно поехать домой, и я надеялась, что, может, ты сможешь поехать со мной... если захочешь.

— Когда ты узнала о своем отце?

— В тот же день, когда ушла малышка Молли. Много всего произошло... Если ты не захочешь, я пойму. Я просто решила, что стоит тебе предложить съездить со мной, но у тебя, по-видимому, куча работы...

— Я поеду. — Он пожал мне руку. — Давай сбежим в Сайпресс.

Глава 20
Сайпресс, Аляска приветствует вас!
Илай

Я не мог оторвать от нее взгляд. Уверен, никто не смог бы. Она, закрыв глаза, вцепилась в ручку сиденья, как кошка цепляется за шторку в душевой. Самолет еще раз качнуло, и она, прикусив нижнюю губу, старалась успокоиться при помощи техники глубокого дыхания.

— Ты не часто летаешь домой?

— Я предпочитаю автомобиль.

— На машине от Нью-Йорка до Аляски?

Она, верно, шутит?!

Гвен кивнула.

— Не все так плохо. Поездка занимает от силы три или почти четыре дня. И потом, я часто останавливаюсь, чтобы фотографировать природу, красивые виды.

Самолет опять тряхнуло, и она, казалось, была готова заплакать.

Мне надо успокоить ее.

Я накрыл своей рукой ее руки, и только после этого она открыла глаза впервые с момента взлета. Во время нашего первого перелета она не чувствовала себя настолько плохо — полет был мягким, и она даже смогла немного поспать. Но этот самолет был значительно меньше первого, и мы чувствовали каждый толчок, пока летели сквозь облака.

— Почему твоя аэрофобия так мучительна? — *Разговоры часто помогают отвлечься.*

— Когда мне было восемь, папа с братом ушли на пешую прогулку в горы. Я злилась на них за то, что они не взяли меня с собой, и еще больше на то, что они посчитали, будто я слишком мала для таких прогулок. Поэтому, пока мама была занята, я упаковала в свой рюкзак «Скиллэт» две бутылки воды, фонарик, салфетки, компас и отправилась за ними в путь. Я думала, что примерно через час смогу их догнать. В *тот день* я не боялась ничего. Я была горда тем, что самостоятельно прошла через лес. Уже полдороги было пройдено, когда солнце село. Вот тогда-то я испугалась, потому что не смогла найти отца и сбилась с дороги. Короче говоря, на семь часов я осталась в горах одна и глядела сверху вниз на Сайпресс, умирая от страха, что могу поскользнуться и упасть, и тогда уже никто меня не найдет. С тех пор у меня появилась боязнь высоты, так как она заставляет меня снова испытать те же чувства, что на вершине той горы.

— Тогда давай подумаем о каком-нибудь другом месте. — Нагнувшись ближе, я откинул ее волосы и прошептал: — Ты не на вершине горы. Ты со мной, в постели...

— Обнаженная? — спросила она, удивленно приподняв брови.

— Еще нет, — мягко ответил я. — Я медленно расстегиваю твою блузку, покрываю поцелуями шею и ложбинку между грудей. От этой ласки твои соски твердеют, и когда я прикусываю их, ты стонешь так громко, что соседи завидуют. Ты крепко сжимаешь бедра, и я не знаю почему, детка. Разве ты не хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе здесь... целовал тебя... вылизал каждый сантиметр твоего лона?

— Хочу, — прошептала она.

— Теперь я слышу тебя. Ты кричишь мое имя: «Илай... Илай!» И это потрясающее, Гвиневра, ты такая вкусная, что я не хочу останавливаться. Я могу часами находиться между твоих ног, просто дразнить тебя... пробовать на вкус. Мне нравится, какой влажной ты становишься для меня, как твое тело дрожит под моими пальцами. Ты думаешь, это я контролирую тебя? С каждым стоном я всё больше в твоей власти. Ты не поверишь, что я хочу делать с тобой, с твоим телом. Я становлюсь настолько твердым, что это причиняет боль. Пожалуйста, позволь мне овладеть тобой. Позволь мне трахнуть тебя так, чтобы ты забыла обо всем на свете.

— Пожалуйста... — она задыхается.

— Твое тело будет моим сегодня вечером?

Каждый вечер!

— Да.

— И тогда я неспеша раздвигаю твои ноги и медленно вхожу в тебя... Черт, — застонал я в ее ухо, — детка, ты такая узкая.

— Илай! — она подавила стон.

— Схватив тебя за талию, я не останавливаюсь, пока не смогу сосчитать на обеих руках, сколько раз ты кончила. Я стошу, видя, как ты покусываешь мой палец и хватаетесь себя за грудь... Черт, ты красавица! Я схожу с ума, когда ты смотришь на меня своими огромными карими глазами. Ты кончила, выкрикнув мое имя, и все равно мне этого мало. Почему ты так мучаешь меня, Гвиневра? Как это возможно, что теперь я хочу тебя даже больше? С каждым глубоким и мощным движением внутри тебя я хочу тебя еще сильнее. Боже! И эти звуки твоих стонов... Кровать качается под нами, ударяясь о стену. Ты слышишь? Когда я целую твои губы, двигаясь в такт с тобой, а ты теребишь мои волосы, я теряю контроль. Твои губы, твой язык — вот настоящее наслаждение! Толкаюсь в тебе еще и еще, пока ты не закричишь. Ты исцарапала ногтями мою спину...

— Леди и джентльмены, говорит командир корабля...

— Нет! — отчаянно закричала она, расширив от удивления глаза. Ее руки все еще были вжаты в сиденье, но по совершенно другой причине.

Усмехнувшись, я повернулся и сел прямо, готовясь к посадке.

— Я найду для нас место, доктор Дэвенпорт, чтобы мы могли продолжить. И на этот раз слов будет меньше, — произнесла она, откинувшись на сиденье, абсолютно разочарованная.

Я сжал ее руку своей.

— Если я трахну тебя в лесу, и вокруг не будет ни души, как громко ты будешь кричать?

Она прикусила губу, ничего не ответив.

Было забавно ее дразнить, и я с нетерпением ждал, что она мне подготовит в отместку, потому что после нашего секс-разговора я с вожделением ждал ее.

— Еще раз, пожалуйста, напомни, как зовут твоих родителей? — невозмутимо спросил я, взяв наши сумки, когда мы сошли с трапа самолета.

— Маму зовут Энкия, а папу Масоа. Но тебе лучше называть их мистер и миссис По.

Мы направились к выходу. Тайги оставался сидеть в своей сумке, ожидая, когда мы ее возьмем.

— Гвен! Гвиневра! — женщина за стойкой помахала нам.

Гвиневра остановилась, наклонив голову, стараясь вспомнить женщину с короткими каштановыми волосами и ореховыми глазами.

— Да? — ответила она, не узнавая.

— Это же я, Хлоя! Хлоя Дрейк!

Глаза Гвиневры едва не вывалились из орбит.

— Не может быть! — Она шагнула назад, еще раз окинув женщину взглядом. — Ты выглядишь потрясающе, Хлоя!

— Спасибо! Я сбросила сорок четыре килограмма с тех пор, как ты меня видела в последний раз.

Хлоя подняла руки. Гвиневра зааплодировала ей, затем повернулась ко мне.

— Илай, это моя школьная подруга, Хлоя Дрейк. Хлоя, это мой... парень, Илай Дэвенпорт.

Хлоя рассматривала меня, широко открыв глаза.

— Приятно познакомиться. — Я протянул ей руку, и она пожала ее.

— Это мне приятно, мистер Дэвенпорт. Добро пожаловать в Сайпресс.

Она протянула Гвиневре поводок Тайги. Пес лишь зевнул, облизывая носик.

— Твои родители уже ждут тебя снаружи.

— Спасибо, — поблагодарила Гвиневра.

— То есть, ты никому не сказала, что мы встречаемся? — прошептал я ей, когда мы направились к выходу.

Она покачала головой.

— Я сказала маме... поэтому, уверена, и папа в курсе. Я не знаю, что они думают по этому поводу. Предполагалось, что недавно я собиралась выйти замуж за другого.

Эта мысль не давала мне покоя.

— Себастьян нравился им?

Как бы я хотел, чтобы этот человек просто исчез вместе со всеми воспоминаниями!

— Они не были от него в восторге. Думаю, они ясно видели то, чего не замечала я. Мне кажется, ты им понравишься.

— Никакого давления!

Мои мама и брат уже любили ее. Интересно, будут ли ее родители так же относиться ко мне?

В ту секунду, когда мы ступили наружу, все, что я мог видеть, — это высокие темно-зеленые деревья, вокруг которых росла еще более зеленая трава и полевые цветы. В некотором отдалении в бело-голубом облачном небе возвышалась гора. Ни одно здание не было выше деревьев. Картина местности, казалось, сошла со страниц какого-нибудь журнала о природе или, по крайней мере, с заставки обоев для компьютера. Здесь было очень красиво!

— Гвен!

Мы оба развернулись направо. Тайги вывернулся из ошейника, помчавшись на всех парах к рукам пожилого мужчины, и тут же принял облизывать его лицо.

Ее отец был примерно одного роста со мной, может быть, на пару сантиметров выше. Его кожа была загорелой, черные с проседью волосы коротко подстрижены, лицо гладко выбрито. На шее висело ожерелье из бусин со стрелой.

Стоявшая рядом с ним миниатюрная женщина с черными волосами до плеч и гладкой коричневой кожей притянула Гвиневру в свои объятия, целуя ее в щеки.

— Добро пожаловать домой, дорогая, — приветствовала она, не в силах выпустить дочь из своих рук.

Она выглядела молодо для того, чтобы быть ее мамой. Гвиневра была почти на пятнадцать сантиметров выше мамы, чем, очевидно, пошла в папу.

— А это, должно быть?.. — Отец кивнул в мою сторону, поглаживая шерстку Тайги. Его темные глаза внимательно изучали меня с головы до ног и обратно.

— Мам, пап, это доктор Илай Дэвенпорт, мой парень. Илай, это мои родители.

Прежде, чем я успела сказать хоть слово, отец продолжил:

— Достаточно быстро вы оправились, не так ли? — он посмотрел на Гвиневру.

— А ты бы предпочел, чтобы я каждый день до конца своей жизни, не переставая, ревела и тоннами поедала мороженое?

— Не обращайте на них внимания. — Ее мама взяла меня под руку. — Добро пожаловать в Сайпресс, Илай. Надеюсь, перелет не был тяжелым. Гвен страшно боится высоты.

— Спасибо, мэм, и нет, все было прекрасно, мы просто болтали на протяжении всего перелета. Я немного волновался по той причине, о которой заговорил ваш муж. — И я обратился напрямую к нему: — Приятно познакомиться, сэр.

— Мне он не нравится. Городской пижон! Я даже по запаху это чувствую. Пойдем, Тайги. — Отец нахмурился и повернулся, уводя Тайги.

— Пап, не смешно. — Гвиневра пошла вслед за ним.

Мама рассмеялась над ними и, держа меня за руку, повела к их грузовичку.

— Надеюсь, Гвиневра вам искренне нравится, Илай, потому что он планирует вас помучить. После всего, что случилось, у него нет доверия ни к одному из мужчин, которые окружают его девочку.

Ну что же, похоже, это будет веселенькое времяпрепровождение!

— Нравится, она мне очень нравится, — ответил я, остановившись недалеко от машины и наблюдая, как Гвиневра и ее отец разговаривают о чем-то.

Он притянул ее к себе и обнял одной рукой. Конечно же, она не могла долго сердиться на него, хотя и очень старалась быть обиженней.

— Да, мэм. На самом деле нравится. Не уверен, что именно рассказала вам Гвиневра, но мне лучше сразу открыть все карты. Это с моей невестой сбежал ее жених. Будете ли и вы меня мучить после этого?

Она улыбнулась.

— Думаю, время покажет. И потом, вы же здесь на все выходные?

Я не был до конца уверен, во что ввязался.

Гвиневра подошла ко мне.

— Я прошу прощения за него, просто... ну, в общем, он такой. Мы можем ехать. Ты когда-нибудь ездил в открытом кузове грузовика?

— Все нормально, и нет, я там никогда не ездил.

Что бы ее отец ни задумал против меня, мне было все равно.

Гвиневра

— Ух ты! — шептал Илай по мере нашего удаления от аэропорта Сайпресс.

Мой дом, как и большинство здешних домов, находился в лесу. Дорога с обеих сторон была окаймлена толстыми, покрытыми мхом ситхинскими елями. Он смотрел на них, задрав голову так, будто мы путешествовали в каком-то необычном параллельном мире. В некотором смысле это было правдой. Солнце находилось над верхушками деревьев, и все вокруг сияло. Это было...

— Место абсолютного покоя в мире хаоса, — произнес он, не отрывая взгляда от неба.

— Только что хотела тебе об этом сказать. Как ты узнал?

— Однажды ты сама сказала об этом в одном из интервью. — Он оглянулся на меня. — Это было написано в статье для «Форбс». Тебе задали вопрос, нравится ли тебе Нью-Йорк, и ты ответила, что нравится. Но ты все равно скучаешь по Сайпресс, потому что для тебя Сайпресс — это место абсолютного покоя в мире хаоса. Я тогда этого не понял, но теперь не могу не согласится.

— Илай, то интервью было почти четыре года назад.

— Да, — он усмехнулся, больше над собой, взял мою руку и замолчал.

Я пожала его руку и улыбнулась.

— Я так и вижу, как ты гуглишь мое имя.

— Нет, тогда мной двигало не желание преследовать. Это было после нашей дискуссии в Нью-Йоркском Университете. Я видел, что все студенты были буквально влюблены в тебя, и хотел понять причину. Потом ты показала мне свою галерею, и мне захотелось узнать, что думают другие.

— О, нет, — застонала я. — У меня было несколько по-настоящему ужасных отзывов.

— К черту Джеки Карлайла из «Нью-Йорк Таймс!» Только мужчина без сердца может критиковать твои работы.

Я захохотала.

— Это же слова мистера Д'Амура о тебе!

— Я не был критиком, я был только... — он пытался подобрать слово.

— Критиком?

— …необразованным, и ты вряд ли можешь винить меня за это. Как только я научился отличать кисточку для рисования от холста, понял, что ты реально талантливая… И не надо так довольно лыбиться.

Он наклонился ко мне, хохоча, и положил голову мне на колени.

— Если хочешь правду: впервые увидев твои картины, я был эмоционально взволнован, и ты до сих пор заставляешь меня испытывать сильные эмоции.

— Эй, куда это подевалась его голова? — заорал отец.

Илай тут же выпрямился, а мне захотелось выпрыгнуть из машины.

— Пап!

— Извините, сэр. — Илай удержал меня на месте, когда я уже хотела повернуться к мужчине, сидевшему на переднем сиденье и посвистывавшему, как ни в чем не бывало. Как будто не он только что убил момент прекрасной душевной близости.

— Это было плохой идеей, — пробурчала я.

— Почему? Ты думаешь, что я сломаюсь? — спросил он, когда мы остановились.

— Не беспокойся об этом, Гвиневра. Что бы он ни замышлял против меня, я выстою. Вдобавок к остальному, посмотри на это лицо, ну как его можно ненавидеть?!

Закатив глаза, я встала. Илай выпрыгнул из кузова первым и протянул мне руку.

— Она выпрыгивала из таких грузовиков с пеленок, ей не нужна твоя помощь, городской мальчик, — выкрикнул мой отец, спуская Тайги с поводка.

— Это называется быть джентльменом, папа, — ответила я ему, самостоятельно выпрыгивая из машины.

— Это называется быть…

Мама выразительно посмотрела на отца, и он не решился закончить свою мысль, к счастью.

Илай забрал наши сумки из машины. Я повернулась к нему и быстро проговорила:

— У тебя все еще есть время дать деру. Аэропорт лишь в девятнадцати километрах отсюда, что для тебя раз плонуть.

— Я не собираюсь сбегать от твоего отца, Гвиневра, после небольшой словесной перепалки. Между прочим, твой дом великолепен! — Он сделал шаг вперед, чтобы лучше охватить его взглядом.

Это был огромным бревенчатым дом на правом конце озера. И только стоя на краю озера, можно увидеть остальные дома. Горы как будто нависали на заднем фоне. Глубоко вздохнув, я наслаждалась теплом.

— Гвен!

Я отпрыгнула назад, когда трое здоровенных мужиков в клетчатых рубашках и горных ботинках подбежали ко мне и подхватили меня на руки.

— Парни! Быстро! Отпустили! — завопила я на них, когда они удумали подбрасывать меня вверх.

Они заржали, поймали меня и поставили на ноги.

Брови Илая плавно ползли вверх, пока он рассматривал каждого из них.

Хотелось бы мне прочитать его мысли.

— Илай, это…

— Не обращайте внимания, парни, на этого городского пижона. Заходите, ужин готов, — заорал отец уже в дверях.

Мне лишь оставалось помолиться небу: «*Убей меня прямо сейчас!*»

— Городской пижон, удачи! — мужчины похлопали его по плечу и направились в дом.

— И они?.. — Илай указал на них.

— Скорее всего, мой отец пригласил их, чтобы тебе жизнь медом не казалась. Давай, я быстренько введу тебя в курс дела: парень с длинными блондинистыми волосами — Джереми Лоуренс. Ему двадцать три, и он был первым парнем Стиви. Не затевай разговора о ней при нем, потому что он до сих пор сохнет по ней. Теперь он работает в

городе механиком. Малик Вашингтон — парень с короткими афроволосами. Ему столько же, сколько и мне. Он работает в полиции Сайпресс. Последний и самый важный — это Рой. Мой отец пытается свести меня с ним со временем нашего детства. Он преподает фотографию в старшей школе, — закончила я, выдохнув. Илай, казалось, ничто не смущало.

— Ты запомнил?

— Ага, — ответил он, подхватывая наши вещи и направляясь к дому.

Я вошла внутрь, и они выстрелили в меня серпантином.

— Добро пожаловать домой, Гвен!

Я смеялась, стягивая бумажные ленточки с головы. Может быть, все сложится хорошо?..

Глава 21

Допрос Илай Дэвенпорта

Илай

Было трогательно наблюдать, как она переживала и беспокоилась обо мне, но, что бы она ни делала и ни говорила своему отцу, это не помогало. Впрочем, я совсем не хотел, чтобы она так старалась. Ведь что хотел видеть ее отец? Разумеется, доказательства того, что я достоин его дочери. В большинстве случаев для отцов это недостижимая цель. Я никогда не окажусь достойным, меня будут лишь терпеть. Ну и пусть, терпят и ладно. Я не знал, по какому маршруту мне двигаться. Усугублял ситуацию тот факт, что Масоа По доверял мне так же, как снеговику, стоявшему посреди пустыни.

— Я приготовила все, что ты любишь, Гвен. — Мама подвела Гвиневру к длинному столу, уставленному всевозможными блюдами: запечённой курицей и семгой, соусами, хлебом, рисом и пирогами.

Гвиневра посмотрела на стол и перевела взгляд на отца.

— Спасибо, но, пожалуйста, скажите, что вы не питаетесь в таком ритме постоянно. Пап, у тебя недавно был сердечный приступ, разве ты не должен есть больше фруктов, овощей и орехов?

Она была права.

— Я похож на оленя?

Гвен нахмурилась. Масоа покачал головой.

— Твоя мама кормит меня исключительно здоровой пищей. Довольна, милая? Все эти блюда приготовлены только для того, чтобы поприветствовать тебя дома. Может быть, если ты вспомнишь, насколько хороша домашняя еда, будешь приезжать к нам почше.

— Илай прекрасно готовит, — гордо поведала Гвиневра присутствующим, садясь за стол.

Я отметил, что парни быстро заняли места вокруг нее, вынудив тем самым меня сесть напротив Гвиневры, аккурат возле ее отца, который восседал во главе стола. Мама Гвиневры села на противоположном конце стола.

— Вы готовите? — спросила она, расставляя на столе блюда.

— Мэм, моя мама не позволила бы мне этого не уметь.

Она удовлетворенно кивнула.

— Если бы только все дети слушались своих матерей!

— Кто произнесет молитву перед едой? — Гвиневра быстро сменила тему, подняв руки.

Я взглянул на нее, она кивнула.

— Ты не читаешь молитву перед едой? — спросил у меня Рой.

— Читаю.

Hem!

— Ну, тогда я прочту. — Гвиневра хлопнула в ладоши. — Благослови еду и людей, которые ее готовили. Спасибо за пищу и за присутствующих за столом. Пусть наши животы наполняются, а души возвышаются.

— Неплохо, — кивнул Рой. — Особенно про возвышенные души.

— Городской пижон, а чем занимается ваша мама? — спросил Джереми, хватая кусок курицы.

— Она президентствует в больнице, где работаю я.

— То есть вы оба врачи? Какого направления? Ты похож на дантиста, — теперь меня расспрашивал Малик.

Я слегка кивнул Гвиневре, намекая ей на то, чтобы она не подскакивала на месте от возмущения. Я прекрасно понимал задумку: парни задавали мне вопросы, интересующие Масоа, а сам отец как бы оставался ни при делах.

— Дантисты важны для человеческого здоровья. Однако, я — нейрохирург, а мама специализируется в детской хирургии. — Я взял с тарелки кусочек семги. — Это невероятно вкусно, мэм.

Гвиневра усмехнулась.

— А что я тебе говорила? Сайпресс — место...

— ...лучшей семги в мире! — продолжил я с серьезным лицом, стараясь изо всех сил сдержать улыбку.

— А ты думал, что я шучу! — Она величественно кивнула, стараясь сохранить серьезное выражение лица, но я не удержался и разразился хохотом. Она была очаровательна!

Гвен посмотрела на меня. Я не мог отвести от нее глаз и уже собирался что-то сказать, когда ее отец кашлянул возле меня, напоминая нам, что мы здесь не одни.

— Спасибо, Илай. Рада, что тебе понравилась семга, — вмешалась мама.

Глаза Джереми остановились на мне, пока я ел.

— Нейрохирург, хм? Классно, но это не считается, если мама главная в больнице.

— Я закончил Йельский Медицинский в топе лучших учеников. Мне было предложено остаться там, но я хотел быть ближе к семье, поэтому, конечно же, пошел в больницу к маме.

Я уже знал, что последует дальше. Просто чувствовал это. Не спрашивай, нет!

— А отец? — дожимал Рой.

Отзови свой вопрос!!!

Гвиневра положила вилку.

— Ребята, мы только что приехали. Не могли бы вы оставить свои расспросы на потом...

— Все нормально, не волнуйся. Мой отец тоже был нейрохирургом. Он умер от сердечного приступа, когда мне только исполнилось одиннадцать. Я, мой младший брат и мама стали свидетелями случившегося. — Я посмотрел на Масоа, который до сих пор не проронил ни слова, но я непрерывно ощущал его взгляд на себе. — Поэтому, сэр, я искренне надеюсь, что вы постараитесь лучше заботиться о себе. Последнее, что я желаю Гвиневре, это почувствовать, как не хватает рядом родного отца.

Я заранее знал, что в этот момент наступит неловкое молчание, поэтому-то и не хотел, чтобы мне задавали этот вопрос.

— Хорошо. — Джереми с хрустом наклонил свою шею вправо-влево. — Блиц-опрос. Ты готов?

— А есть выбор?

— Сколько тебе лет? — спросил Малик, не отвечая мне.

— Тридцать один.

— Дата рождения?

— Двадцать третья июня.

— Где ты живешь?

— По соседству с Гвиневрой.

Все посмотрели на Масоа, затем на Гвиневру, а потом на меня.

— Он жил там еще до меня, а переехала в квартиру, находящуюся рядом, позже, — ответила Гвиневра. — И нет, я не знала.

— Где ты вырос? — вопрос Роя был следующим.

— Нью-Йорк, таунхауз на Восточной, шестьдесят третья улица.

— Ты впервые забрался так далеко от дома?

— Нет, я путешествовал по другим городам.

— У тебя есть дети?

— Нет.

— Ты хочешь детей?

— Со временем.

В это время они все посмотрели на Гвиневру, которая молча дожевывала семгу. Наконец, она, взглянув на всех, перевела взгляд на меня.

— Я не планирую детей, — ответила она.

Мне было трудно в это поверить.

— Ты же любишь детей! В больнице большую часть времени ты навещаешь их.

— О, да, я люблю их! Но лимитировано. Плюс, я всегда могу вернуть их обратно к их родителям.

— Она хочет, чтобы ее мама умерла от разрыва сердца, услышав эти слова, — вмешалась миссис По, нахмурив брови.

Гвиневра вздохнула.

— Если тебе станет от этого легче, я напомню, что сначала было категоричное «нет», а теперь я перешла на стадию «может быть».

Парни смотрели на меня.

— С вопросами покончено? — спросил я.

— Твой любимый фильм? — с непроницаемым лицом спросил Малик.

— Ребята, вы серьезно? — нахмурилась Гвиневра.

— Вынуждена согласиться, это слабый вопрос, — заулыбалась мама.

— «Одиннадцать друзей Оушена».

— У меня тоже! — улыбнулась Гвиневра.

— Стой, — Рой поднял руку, — какая версия? 1960 года или 2001?

— 2001.

Даже не предполагал, что существует ранняя версия этого фильма.

Все, включая Гвиневру, недовольно заворчали. Ее мама покачала головой.

— Не может же он быть идеальным!

Гвиневра попыталась защитить меня, но лишь нахмурилась.

— Илай, серьезно, Клуни, а не Синатра?

— Вообще-то, я не предполагал, что существует более ранний фильм, — ответил я ей честно, чем спровоцировал еще несколько вздохов.

Малик обрадовался.

— Никто теперь не считает мой вопрос слабым, а?

— А знаете ли вы, что Илай владеет черным двухместным кабриолетом «Астон Мартин» DB5 1965 года? — попыталась спасти положение Гвен.

Ребята перевели удивленные взгляды на меня.

— Не может быть!

— У меня есть фотография! — счастливым голосом пропела Гвен, вынимая свой телефон.

— Никаких телефонов за ужином! — отрезала ее мама.

— Но это же «Астон Мартин» 1965 года, — Малик умоляюще обратился к женщине.

— Миссис По, это машина Джеймса Бонда! — добавил Джереми.

— Никаких телефонов за столом! — мама была непреклонна.

— Конечно, мэм, — согласились оба.

Я хохотнул.

Большую часть времени Гвиневра развлекала их городскими историями, начиная от танцоров в подземке и заканчивая местными музыкантами; потом перешла к росписи, которую сделала в больнице и даже о ее несостоявшейся пробежке в парке. Я заметил, что она жестикулировала во время разговора, как будто хотела изобразить картину историй в воздухе. Время от времени она наклоняла голову и улыбалась мне, а затем вновь переносила свое внимание на окружавших ее мужчин. Когда она поднялась, чтобы помочь убрать со стола своей матери, я тоже встал, забирая тарелки у нее из рук.

— Давай помогу, а ты пока дорасскажи свою историю. — Я последовал за ее матерью.

— Должен признаться, городской пижон довольно скучный.

— Малик, будешь так говорить, пожалеешь! Обещаю! — пригрозила Гвиневра.

— Я теперь офицер полиции, Гвен, и не боюсь тебя...

— А еще разок наполнить твой грузовичок пауками будет противозаконно?

Я оглянулся, поставив тарелки в раковину. Она и остальные умирали со смеху, глядя на выражение его лица, передернутое ужасом.

— А недостаточно ли мы стары для таких розыгрышей?

— Сказал мужчина, который не боится, — пробубнил Рой, попивая воду.

— Они как великовозрастные дети, не правда ли? — прошептала мама, качая головой.

— Не все ли мы вновь превращаемся в великовозрастных детей в окружении собственных братьев и сестер? — заметил я, ополоскивая тарелки.

— То есть они не заставляют тебя нервничать? — Ее брови приподнялись в удивлении.

— Совсем нет. — Они, наконец, возобновили разговор. Мои глаза переместились на ее отца, внимательно слушавшего свою дочь.

— Спасибо, Илай, за помощь. Возвращайся к столу.

— Вы уверены?

— Да. Впрочем, как только ты займешь свое место за столом, Гвиневра придет сюда, а мужчины отправятся на озеро подышать свежим воздухом. Удачи! — Она подмигнула мне.

Я хотел спросить, на чьей она стороне, но предпочел подождать и самостоятельно понять это.

Действительно, как только я вернулся за стол, Гвиневра поднялась, чтобы помочь матери.

— Жарко, — заметил Джереми, как по команде

— Не выйти ли нам на свежий воздух? — подхватил я.

Все трое посмотрели на меня сверху вниз, потом перевели взгляды на Масоа, который встал и, повернувшись к жене, сказал:

— Дорогая, мы выйдем на воздух.

— Уже? Ну, хорошо! Мы присоединимся к вам позже, — произнесла она, изображая искреннее удивление.

Ага! Вот кого я должен остерегаться! Ее мать! Все будет хорошо, мэм!

Гвиневра внимательно посмотрела на меня.

Я постарался взглядом сообщить ей, чтобы она не волновалась. Подхватив плащ, я вышел вслед за мужчинами.

Гвиневра

— Мам! — с ударением проговорила я, пока вытирала тарелки.

Я знала маму, и она явно собиралась что-то сказать.

— Просто дайте мне возможность быть с ним.

— Во-первых, я хочу знать, он у тебя временное приключение, или ваши отношения серьезны?

— А ты приводила временных парней домой, чтобы познакомить со своими родителями? — мягко спросила я, поставив тарелку на полку.

— Если бы он был временным молодым человеком, я бы сказала: «Веселись, дочка. Позволь своей...»

— Мам, если ты скажешь «внутренней богине»...

Мама ухмыльнулась.

— Дорогая, ни у кого нет «внутренней богини», мы же не рекламируем «Пантин» для волос снимаем. Просто у нас есть более сексуальная версия самих себя. И, кроме того, жизнь слишком коротка, чтобы отказываться от удовольствий, Гвиневра.

Нет, мы об этом говорить не будем.

— А если он не временное приключение?

— А если он не временное приключение, тогда мне нечего сказать тебе, потому что ты все равно будешь делать то, что захочешь. Потому что в этом вся ты. Я все еще ничего о нем не знаю. Я лишь знаю, что выбор мужчины — не самая сильная твоя сторона.

— Я встречалась только с Себастьяном...

— А сколько раз ты хотела заполучить мужчину, которого не могла иметь? Помнишь, как ты сошла по Джереми? Но он всегда смотрел только на Стиви. Поэтому ты просто ждала, а он никогда и не думал о тебе в этом смысле.

— Это другое. Это было всего лишь маленьким увлечением в старших классах.

Честно, это ничего не значило. Я даже никому ничего не говорила об этом.

— Не должен ли был Илай жениться на ком-то еще? Не потому ли он с тобой, чтобы забыть ту, другую?

Я нахмурилась, вытирая чашку.

— Ты забываешь, что и я оказалась в подобной ситуации.

— Верно, — она кивнула, отряхивая руки.

Я протянула ей полотенце.

— Но когда твои отношения закончились, как ты себя чувствовала?

— Я была расстроена, зла, унижена...

— И свободна! — закончила она за меня.

Я замерла от неожиданности, потому что именно это я и чувствовала в тот момент. После всего, что мы наговорили, мне на секунду стало легче дышать.

— Когда по-настоящему кого-то любишь, когда встречаешь свою половинку, и та вдруг уходит от тебя, или ты вынуждена идти в другом направлении, чувство свободы не возникает. Это чувство живет только рядом с любимым человеком, Гвиневра.

— То есть ты пытаешься сказать мне, что я не любила Себастьяна по-настоящему? Хорошо...

— Я говорю о том... Не знаю, понимаешь ты это или нет, но ты влюбляешься в этого мужчину. Однако способен ли он полюбить тебя так же, или ты нужна ему лишь для того, чтобы забыться?

Когда мама озвучила свои сомнения, первое, о чем я подумала, как он постоянно говорит, что не любит ни о чем думать и теряет счет времени, когда я рядом с ним. Я почувствовала тяжесть в груди и возненавидела эту мысль.

— Что это за пословица, которую ты все время твердишь?

— «Le ntombazane izinkanyezi emehlwani akhe bayokhanya njengokukhanya ebusuku», — ответила она на зулу¹².

Я кивнула.

— «Девушка со звездами в глазах будет сверкать, как лунный свет»... Позволь мне сиять, мам.

Она вздохнула, но кивнула.

— Знаю, тебе неприятно слышать это, но запомни, ты должна суметь защитить свое сердце, Гвиневра, или на этот раз оно действительно разобьется.

Илай

Тайги лаял, прыгая вокруг ног Масоа. Он даже повысил на луну. Я не мог винить его. Я сам никогда в своей жизни не видел такого скопления звезд в одном месте. Как будто

¹² Прим. пер.: Зулу — язык, самый распространенный в ЮАР.

кто-то разбросал миллионы маленьких бриллиантов на темной простыне. Тонкий месяц устроился слева от них.

— Ну что, городской пижон. — Ко мне подошел Малик и положил руку мне на плечо. — Как тебе Сайпресс?

— Такой же красивый, как и в рассказах Гвиневры, — ответил я, когда мы остановились у озера, в котором отражалось небо.

Тайги подбежал ко мне с палкой в зубах. Это напомнило мне о наших с ним пробежках. Я бросил ему палку. Он поймал ее и положил возле моих ног. Опустившись на колени, я потрепал его за холку.

— Пойдем завтра на пробежку?

— Эй, Тайги! Ты не туда побежал! — Джереми похлопал, призывая собаку подойти к нему.

Но Тайги улегся на спину, повернувшись лапками вверх так, чтобы я почесал ему живот.

— Он слишком долго пробыл в городе, у него теперь путаница в голове, — заметил Масоа и свистнул.

Этого хватило, чтобы Тайги молниеносно вскочил на ноги и подбежал к отцу.

— Увидимся, ребята. Я передам Гвен, что вы ушли.

— До встречи, Масоа.

Парни расходились с ухмылками на лицах. Рой покачал головой и добавил:

— Удачи!

Они удалились, оставив нас с Масоа на берегу. И наступила тишина.

— Как долго ты встречаешься с моей дочерью? — спросил мужчина, наклонившись вперед и бросив камень в воду.

У него были настолько чистые глаза, что в них отражались вода и небо.

— Недолго. Какое-то время мы были своего рода друзьями.

— «Своего рода друзьями». И что это значит?

— Мы ругались и постоянно подшучивали друг над другом, хотя, думаю, это я начал, назвав ее Аферисткой.

Он встал как вкопанный.

— Ты назвал мою дочь Аферисткой?

— Да, назвал после того, как узнал, сколько моя мама заплатила за ее картину. А она в ответ назвала меня Доктором Кретином. Иногда, клянусь, она все еще так думает, — усмехнулся я.

— А не должен ли ты сейчас пытаться понравиться мне и продемонстрировать полный набор джентльменских манер?

— О, я и пытаюсь, только осторожно. Кроме того, это всего лишь первый день нашего знакомства, вам предстоит еще несколько раундов, сэр. И потом, только потом, когда вы будете готовы полюбить меня, вы полюбите.

Я засунул руки в карманы, вновь взглянув на небо. Мне казалось, я могу смотреть на звезды вечность.

— Та история с твоим отцом, это правда?

Это единственное, что разозлило меня. Я повернулся к нему и серьезно произнес:

— Если вы хотите знать что-нибудь обо мне, сэр, тогда, пожалуйста, запомните: никогда в жизни я не буду лгать, используя имя моего отца, и не стану использовать свою семью для достижения личных целей. Есть линия, которую я не преступлю никогда. Для меня это — семья.

— Все в порядке? — Гвиневра держала на подносе холодный чай.

— Все хорошо, — ответил Масоа.

Я кивнул, поблагодарив за чай.

— Ну что же, пап, это был длинный день. Я покажу Илаю его комнату.

— Ты, что в подвале. — Его глаза сузились.

— Конечно, — ответила она, потянув меня за руку, когда подошла ее мама.

— Спокойной ночи, — пожелал я ее матери.

Гвиневра повела меня в дом.

— Поздравляю, ты выдержал первый раунд.

Она провела меня через холл вниз. Я заметил, что пол здесь ужасно скрипит.

— Не поэтому ли он решил разместить меня здесь?

В голове даже мелькнула мысль: «Уж не нарочно ли Масоа сделал здесь доски такими скрипучими?»

Она зажгла светильник, осветивший стену, заполненную книгами, — та примыкала к гигантскому зеркалу шкафа. Пол покрывал белоснежный ковер. Моя сумка уже лежала возле еще одной двери, которая, как я могу предположить, была ванной.

— А твои вещи...

Гвиневра прервала меня поцелуем, обвив руками мою шею, и я обнял ее, прикусил ее нижнюю губу, и она приоткрыла рот, тихо простонав, когда я сжал ее ягодицы. Ее груди уперлись в мою грудь, и я почувствовал свою твердость.

— Прости, — прошептала она, когда мы отодвинулись друг от друга. — Я давно хотела сделать это.

— Даже не смей извиняться за такой поцелуй! — Я запустил руки в задние карманы ее штанов. Мы ничего не говорили, просто смотрели друг другу в глаза, а ее пальчики теребили ворот моей рубашки.

— Я должна уйти прежде, чем у тебя начнутся проблемы. — Она уставилась на мои губы.

— Должна...

Но я не хотел, чтобы она уходила.

— Спокойной ночи, Илай.

— Спокойной ночи, Гвиневра.

Никто из нас не пошевелился.

— Отпусти меня, Илай.

Убрав руки, но не отойдя от нее, я ждал, что она уйдет сама, но Гвиневра не уходила.

— Ты сама не хочешь уходить.

— Я надеялась, ты меня еще подержишь. Спокойной ночи, — сказала она, проходя мимо.

Я поймал ее за руку, притянул к себе и страстно поцеловал. Положив руки ей на бедра, словно пушинку, я легко приподнял ее, и она тут же обвила меня ногами. Она гладила мои волосы.

Боже, она понятия не имеет, какая вкусная!

— Гвен? — сверху позвала мама.

Вздохнув, мы оторвались друг от друга, и я отпустил ее. Гвиневра подошла к лестнице, спешно приводя в порядок свою одежду.

— Увидимся утром.

— Я буду здесь, — ответил я, и когда она поднималась, ступеньки скрипели от каждого ее шага. — И... Гвиневра?

— Да?

— В следующий раз я не отпущу тебя, — продолжил я.

— Отлично! Мне понравилось, как ты держал меня, — подмигнула она.

Когда она ушла, я разделся и отправился в душ.

Я пылал от страсти!

Глава 22

Террор и смертельный выстрел

Гвиневра

— Прости, ты пропустил пробежку сегодня утром? — спросила я у Илай, когда мы вышли на лесную тропинку за моим домом.

Он был одет, как для пробежки: в ту же синюю футболку без рукавов с капюшоном и в темные свободные штаны для бега.

— Все нормально, мы оба проспали. И потом, один я бы мог здесь запросто заблудиться. — Илай бросил палку Тайги, который тут же помчался ее ловить.

Мои родители шли на несколько шагов впереди нас, держась за руки. Когда я была маленькой, то считала, что публичное выражение нежных чувств друг к другу — это самая постыдная вещь на свете. Теперь же, наблюдая за ними, я надеялась в их возрасте состоять в таких же нежных отношениях.

— Как давно твои родители женаты? — Илай наклонился к подбежавшему к нему Тайги.

— Они поженились на следующий день после маминого девятнадцатилетия. Вообще-то, они сбежали из дома после того, как мой дедушка попросил их подождать.

— Да ты что?! — Илай с интересом посмотрел на моего отца, и я понимала почему. Всем казалось, что отец — ярый приверженец установленных правил.

— Он романтик, в то время как мама более трезвомыслящая, и она сказала, что уже тогда была уверена, что больше ни с кем не свяжет свою жизнь. Тогда зачем им ждать? И это сработало.

— То есть все те книги в подвале принадлежат ему? — Илай усмехнулся. — В них много секса...

— Это мои книги. И они совсем не сексуальные, хотя и вгоняют в краску. Мой папа предпочитает триллеры и мистику с долей романтики в них. Его любимые книги посвящены Второй Мировой Войне. Если и есть кто-то, любящий разглагольствовать о книгах больше, чем я, так это мой отец.

— Полезно знать.

— Для чего?

— Для информации. Меня же все еще тестируют. Сегодняшний ланч стал тому подтверждением.

Мне захотелось придушить себя при одном воспоминании об этом. Отец подготовил ланч и предумышленно добавил так много перца в свой знаменитый фарш в остром соусе, что из моих глаз градом полились слезы. Даже не представляю, как Илай смог это есть.

— Сколько воды ты выпил после ланча?

— Я выпил все молоко в холодильнике и после еще стакан воды. — Мы рассмеялись. — Пройдя через такое, я могу вытерпеть что угодно.

Только теперь я заметила, что, следя за родителями, мы сошли с тропинки и оказались на поляне, где Джереми, Малик и Рой поджидали с клюшками для лакросса. Позади них были установлены две сетки.

— Ребята?..

— Эй, сюда! Никакого бейсбола, не так ли, парни? — задал вопрос отец, хватая клюшку.

— Нет, сэр! — гаркнула в ответ его «армия».

— Илай, знал ли ты, что Гвиневра играла в лакросс? — Мама присоединилась к пыткам Илая, беря клюшку, которую ей передал Малик.

— Миссис По, Гвен не просто играла в лакросс, она была «террористом». — Рой растягивал слова. — На самом деле, когда в старших классах девчачья команда выгнала ее, она стала играть за парней. Да что говорить... Они до сих пор ее боятся!

— Бедный старина Эндрю ходит со шрамом под левым глазом с тех пор, как она ударила его. — Джереми заложил руки за голову. — Эх, хорошее было время!

— Илай, если ты хочешь быть нашим ЕДИНСТВЕННЫМ зрителем, ничего страшного. Мы тебя не осудим. Наша игра может показаться слегка жестокой для тебя. — Отец бросил мне клюшку, игнорируя мой взгляд. — Честно говоря, все в порядке. Ты же доктор.

— Отец, а не опасно ли это для твоего сердца? — спросила я сквозь стиснутые зубы.

— А я буду вратарем, — отрезал он.

— Да нет же, неопасно, физическая нагрузка полезна для него, — усмехнулся Илай. — Я в игре. Все, что я должен сделать — это отбить мяч клюшкой и забить гол, верно?

Парни заржали, отец кивнул и бросил ему черную клюшку. Поймав, Илай секунду повертел ее в руках.

— Илай, они играют нечестно.

— Эй, да ты сама так же играешь! — закричал мне Малик.

— Даже не понимаю, о чем ты. — Я потянулась, повертела над головой клюшку и опустила ее. — Не моя вина, что вы все регулярно натыкаетесь на конец моей клюшки.

— Вот видишь? Террорист восстает из пепла. — Рой поднял руки к небу.

— Ну ладно, нам надо разбиться на команды. — Мама вышла вперед.

— Главное, чтобы Илай и Гвен играли в разных командах, — произнес Джереми, указывая на нас с Илаем.

— Почему же?

— Это новое семейное правило, — вмешался отец. — Мы с матерью будем капитанами. Городской пижон, ты играешь в команде моей жены. Постарайся, чтобы ей не пришлось за тебя краснеть. Гвен, ты со мной. Малик, ты с лузерами. Рой со мной и Джереми...

— Да понял уже! Я судья. Надеюсь, что сыграете хотя бы два раунда. Я тоже хотел бы «примять траву».

Мы все понимали, о чем он, но Илай переспросил:

— «Примять траву»? — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Это означает выжать все соки из кого-нибудь так, чтобы тот мог только упасть и лежать, как трава, — объяснил Джереми, подойдя к нам.

Илай кивнул, затем посмотрел на клюшку.

— Ты не против, если мы поменяемся? Голубой цвет придает мне сил.

— Цвет придает сил? Что за фигня?! — заржал Джереми.

— Да, для игры против Террориста мне потребуется любая помощь, какую я только могу получить, — объяснил Илай, меняя клюшку.

— Эй! — Я попыталась помочь ему.

— Гвен, ты с нами! — позвал меня Рой.

Я отошла, шепнув Илаю:

— Удачи!

— Спасибо. И, пожалуйста, не бей меня по лицу, ты же знаешь, оно приносит мне деньги. — Он подмигнул мне.

Я покачала головой. Сказать ему, что вообще-то он зарабатывает руками, а не лицом? Пожалуй, это прозвучит неуместно в окружении моей семьи.

— Да, пожалуйста, не трогайте его лицо, — обратилась я к своей команде, когда они запихнули меня в центр своего круга.

— Гвиневра! Илай — противник, — заметил отец, — а ты с нами! И мы хотим выиграть, так что...

— Порвем их! — прокричала наша команда. *Неужели я снова оказалась в старшей школе?* — Гвен, я не слышу тебя!

— Порвем их! — громко произнесла я.

— Эй, вы там еще долго собираетесь обниматься друг с другом? — проорала нам мама.

— Извини, дорогая, не знал, что ты так торопишься умереть, — проорал в ответ мой отец.

Иногда мне не верится, что они — мои родители.

Джереми положил мяч на середину поля.

— Предполагаю, вы хотите, чтобы я вышла вперед? — спросила я их.

Они дружно кивнули, как будто хотели сказать «ясен перец».

Я шагнула вперед, так же поступил Илай.

— Я не смогу подыгрывать тебе, Илай.

— Я знаю, твоя мама сказала мне об этом.

Я кивнула.

Джереми решил, что пришло время для шуток и начал проповедь:

— Теперь запомните: это просто игра и только! И пусть наша игра будет справедливой, честной и... немного кровавой.

— Джереми!

— Раз... Два... Три!

Мы оба атаковали мяч, но Илай с легкостью откинул меня назад, взмахнул клюшкой, подняв мяч с земли, и точным броском отправил его Малику. Наши ворота защищали Рой и отец, который выбежал из них вперед. Помчавшись за мячом, я попыталась отобрать его у Малика, уже бросившего мяч, но тут Илай перепрыгнул через мою ногу, прокрутился вокруг Роя так, чтобы увести его от ворот, и остался один на один с моим отцом. В тот момент, когда показалось, что Илай сейчас будет атаковать ворота, он перебросил мяч назад, Малику, выведя отца из обороны, и мяч стремительно и точно влетел в ворота нашей команды.

— Это чё за херня?! — воскликнул Джереми, откидывая назад свои светлые волосы.

Довольные Илай и Малик ударили друг друга по рукам, а затем Илай обратился к отцу:

— Вы правы, в детстве я много играл в бейсбол, но только весной и летом. Мой тренер не хотел, чтобы я скучал в остальное время, поэтому осенью я играл в лакросс, а зимой в баскетбол. Если бы вы выбрали игру в футбол, вот тогда бы я облажался.

— Ну как я теперь выгляжу, дорогой? — Мама, которая палец о палец не ударила за всю игру, широко нам улыбалась.

Когда Илай подошел к ней, она похлопала его по руке.

— Гвиневра, — позвал меня отец.

— О, да, знаю, — я схватила клюшку. — Илай, это была только разминка, и она уже окончена.

— А разве я просил ее начинать?

— Что ты нашла в этом наглеце? — нахмурился Рой.

— Что ж, сейчас я его проучу.

Мы снова вышли на середину поля. Илай склонился, готовясь перехватить мяч, и улыбнулся так хитро, будто он что-то стащил, но об этом никто так и не узнал. Дьявольские искорки плясали в его зелено-голубых глазах.

— Ты знаешь, как меня называли в старших классах? — спросил он.

— Мне все равно.

— Раз... Два... Три!

Наши клюшки ударились друг о друга. В этот раз я толкнула его изо всех сил, он упал, пытаясь дотянуться до мяча, который откатился в траву. И только я успела подобрать его, как Илай ударил по моей клюшке, выбив ее и мяч. Взяв мяч, он рванул обратно к воротам. Я бежала за ним на всех парах, но Илай был просто недосягаем.

Казалось, только что он стоял передо мной, и вот он уже направляется к отцу, наблюдавшему, как Малик обходит его с левой стороны. В этот раз Илай не стал пасовать мяч, он прицелился, выстрелил, и мяч влетел в наши ворота, медленно поднимая мое и отцовское давление.

— Это был смертельный бросок, на случай, если тебе это интересно, — бросил он мне, пробегая мимо.

Прикусив язык и пытаясь успокоиться с помощью техники глубокого дыхания, я старалась не забывать, что это всего лишь игра.

— Гвиневра, ты идешь? — позвал меня Илай.

— Доктор Дэвенпорт, сейчас тебе будет больно!

Илай

Одним быстрым ударом она повалила меня на спину и навалилась сверху.

— О-о! — застонал я, стараясь восстановить дыхание.

— Ты видел, как она это сделала? — Малик подбежал к нам.

— Нет, я был слишком занят своей смертью, — пробормотал я, уронив клюшку и потирая грудь, когда она скатилась с меня.

— Щенки! Вот и все! Мы проиграли! — Мама Гвен подошла к нам. — Здесь уж ничего не поделаешь, когда в дело вмешался Масоа — великий обманщик!

Мы играли немногим более часа и все время были первыми. Те единственные забитые два мяча были моими, но затем вмешался ее отец и решил особенно уязвить мою гордость. Для мужчины, у которого всего месяц назад случился сердечный приступ, он был в превосходной форме.

— В любом случае пусть Джереми бежит домой и принесет еду, которую я подготовила.

Я попытался встать, но мое тело не слушалось.

— Я полежу так еще чуток.

Рой заржал, присев рядом.

— Именно поэтому мы и называем это «примять траву».

— Ага, я уже понял, — простонал я.

— Гвен, ты тоже собираешься здесь «примять траву»?

Она показала ему средний палец, не открывая глаз.

— К черту вас, парни, за то, что заставили меня снова играть. Я ненавижу лакросс!

— Так зачем играла в него в старших классах? — Я удивленно посмотрел в ее сторону.

— Ее отец был тренером, — усмехнулся Рой, вставая. Он положил бутылку воды возле меня. — А ты не так плох, Илай.

— Ага, теперь ты называешь меня по имени, я заметил. — Наконец я смог встать.

— Не слишком радуйся, — нахмурился Рой, отходя в сторону.

Гвиневра вздохнула, перевернулась на спину и, подняв ногу вверх, потянула ее.

— У меня нога онемела.

— Давай посмотрю, — сказал я, взял ее ногу и положив к себе на колени.

— Илай...

— Ты растянула ногу во время игры? — спросил я, надавливая на ее икры.

Выдохнув через нос, она села и посмотрела на отца с матерью, наслаждаясь своей победой.

— Мой отец любит лакросс. Он играл со своим отцом и моим братом. Поэтому, когда брат умер, я решила начать играть, чего бы мне это ни стоило. В старших классах мне было тяжело. Помнишь Хлою Дрейк? Женщину, которая держала Тайги в аэропорту?

Я кивнул.

— Во время одной из игр она споткнулась и наступила на мою ногу.

Я зажмурился при этой мысли.

— Это та самая Хлоя, которая сбросила сорок три килограмма?

— Ага, тогда она сломала мне ногу. Хлоя чувствовала себя ужасно, все ее дразнили из-за этого. А я по секрету призналась ей, что испытываю благодарность за то, что мне больше не нужно играть.

— Но ты все равно продолжила играть после выздоровления, не так ли?

Ей не пришлось отвечать, я знал ответ.

— Уверена, что ты не камень? — спросил я, помогая ей встать с земли. Я видел, что ей было тяжело сделать это самостоятельно.

Она усмехнулась.

— Никогда ни в одной из историй моего отца я не слышала о том, чтобы человек хотел превратиться в камень.

— Ты меня запутала. — Я придерживал ее за руку, когда мы направились к семье и друзьям.

— Символ дождя — Громовержец, и, если ты хорошенко помолишься, иногда это может помочь, и прольется дождь. Но камень, неважно, сколько бы и как усердно ты ни молился, будет стоять на своем месте, неся все ту же тяжесть на своих плечах. После смерти брата отцу нужна была связь со мной, поэтому я пришла и дала ее ему. И ни о чем не жалею. Мне было не сложно. Каждый раз после того случая моя нога немеет, зато я всю жизнь буду помнить, как он подбегал ко мне после игры, крича на пределе своих легких, поднимал на руки и кружил.

Она улыбнулась, обвив мою руку своей, и поцеловала меня в щеку.

— Ты был великолепен! А мой отец просто не любит проигрывать.

— Гвен! — Масоа протягивал ей бутылку воды.

Она закатила глаза, зная, что он таким образом пытается нас разлучить, но все равно подошла к нему. Когда они с отцом толкнулись плечами, я не мог отвести от нее взгляда, Масоа обнял ее и прошептал что-то на ухо.

Удивительным было то, как каждый раз, когда я наблюдал за ней, все вокруг происходило как будто в замедленной съемке. Мои глаза хотели вобрать в себя каждое выражение ее лица, интонацию голоса, ее движения. *Мне было интересно, как я дошел до этого? Когда я успел так сильно влюбиться в нее? И самое главное... а она? Она испытывает те же чувства, что и я?*

Глава 23
Четыре коротких слова
Илай

Я сидел на крылечке, когда неожиданно возле моего лица материализовалась банка с пивом.

— Спасибо, — поблагодарил я Масоя.

Он молча сел рядом.

Это была наша последняя ночь перед отъездом. Они готовили ужин на берегу озера, и мне даже удалось развести костер. Как и в первую ночь, все небо было усыпано звездами. Гвиневра играла с Тайги, гоняясь за ним вокруг костра. Целый день она показывала мне Сайпресс, где всего было по одному: один кинотеатр, один продуктовый магазин, один торговый центр. И везде, я заметил, ее радостно приветствовали: кто с объятиями, кто с поцелуями, а кто-то просто с улыбкой на лице. Каждый благодарили ее за одолженные ею для Сайпресс деньги. Гвен даже помогла основать новый артцентр для старшей школы.

— Ты ведь знаешь, что не нравишься мне, да? — уточнил Масоя, откупоривая свою банку с пивом и привлекая мое внимание.

— Да. Может быть, когда мы приедем сюда в следующий раз, у меня получится понравиться вам немного больше, — ответил я, взяв пиво.

— Никогда этого не произойдет, — пробурчал Масоя.

Я промолчал, а потом спросил у него:

— Вы не против, если я спрошу у вас одну вещь?

— О моей дочери?

— Да, и о вас тоже.

— Только после того, как ответишь на мой вопрос.

Рискованно.

— Конечно.

— Ну, спрашивай, — он ждал.

— Как вы поняли, что влюбились?

Масоя долго молчал.

— Извините, я не знаю, у кого еще спросить об этом. Моя мама, какой бы замечательной она ни была, не всегда может помочь.

— Разве ты уже не был практически женат? — спросил он.

Я выпрямился, опустив руки на колени.

— Да, но это не означает, что я должен был жениться. Я поставил себе цель — жениться и выбрал человека, который, как я думал, мне подходит. Но я никогда не спрашивал себя, люблю ли ее. Я думал, что у нас все хорошо, и она — именно та, кого я искал. Я сделал ей больно, и она ответила мне тем же.

Я заботился о Ханне. Я не мог лгать об этом, да и зачем? Но теперь все было по-другому. С Гвиневрой я чувствовал себя другим.

— Думаю, как раз тогда, когда ты начинаешь задумываться над этим вопросом, это и означает, что ты влюбился, — проговорил отец.

— Как вы поняли это про ее мать? Гвен сказала, вы сбежали, чтобы жениться, когда вам было всего лишь по восемнадцать лет.

И после стольких совместных прожитых лет они до сих пор держатся за руки!

Он улыбнулся, посмотрев на жену, которая сейчас разглядывала звездное небо в телескоп.

— Сначала я понял, что не хочу, чтобы она возвращалась обратно домой. Я хотел, чтобы мой дом стал ее домом. Затем я задумался о своей жизни через десять, двадцать лет, и она всегда была там, в моем будущем. Как только я получил ответы на эти вопросы, мне все стало ясно.

Я вспомнил нашу первую ночь с Гвиневрой. Тогда я сказал ей, что не хочу, чтобы она была развлечением на одну ночь, и попросил остаться. Но причина не в этом... Может быть, я тогда и не думал о том, чтобы мой дом стал ее домом, но у меня не возникло и мысли остановить ее, когда она принесла ко мне в ванную свою зубную щетку, фен, утюжок для волос... Я думал о том, что не могу спать на ее половине моей кровати, даже если она не со мной, потому что теперь это место принадлежит ей.

— Знаете, где я себя вижу через десять лет? — прошептал я ему, наблюдая, как Гвен повернулась к матери, тоже рассматривая небо.

— Нет, но уверен, ты мне сейчас все равно об этом скажешь.

Я повернулся и посмотрел на него.

— Через десять лет я вижу себя все еще старающимся вам понравиться.

— Ну, это займет больше, чем десять лет, — нахмурился Масоа, отпив пива. — Илай! — наконец он назвал меня по имени. Однако это не обрадовало его. — Она — моя маленькая дочка. Ради нее я пройду сквозь огонь и воду и не смогу вытерпеть, если она снова будет страдать.

— Я не обижу ее.

— В этом-то все и дело. Мы не обижаем людей, которыми дорожим, специально, мы просто делаем это. Ты знал, что она даже не рассказала нам, как закончилась ее помолвка? Она просто позвонила и сообщила, что свадьба отменяется. Мы клещами вытягивали правду у Стиви. И опять, я почувствовал, будто в этом была моя вина. Ведь я в свое время говорил ей не уезжать в Нью-Йорк, просил, уговаривал, настаивал, что этот город сожрет ее и выплюнет со всеми потрохами. Я говорил ей, что она может стать превосходным художником и здесь и преподавать в старших классах. У нас тогда разразился страшный скандал из-за этого. На следующее утро она и Стиви уже сидели в ее машине, и Гвен не разговаривала со мной до тех пор, пока не смогла мне с уверенностью сказать, что справилась. Она писала нам письма, звонила в те моменты, когда мы были на работе или очень заняты, чтобы ответить. Если мы все же отвечали, наш разговор длился не больше пяти минут. Все потому, что она не хотела, чтобы я решил, что оказался прав. Поэтому я представления не имею, через что ей пришлось пройти в первый год в большом городе. Она не приняла бы от нас помочь в виде денег. Но в день, когда в газете было упомянуто ее имя как начинающего художника, она позвонила нам, и мы проболтали несколько часов.

— Она хотела доказать, что сможет, — заметил я.

Он кивнул.

— И вы вините себя в том, что долгое время не общались? Это напоминает вам о вашем сыне?

Его голова резко повернулась в мою сторону. Отец был шокирован, как будто хотел узнать, откуда мне об этом известно. Я лишь кивнул, отпив пива.

— Даже не могу поверить, что она тебе рассказала. Она никому это не доверяла.

— И об этом она тоже рассказала. У меня были некоторые проблемы с собственным братом, который вышел из-под контроля и решил пойти своей дорогой по жизни.

— К черту это, — вздохнул он, вставая. — Думаю, я привыкну к тебе. Привози ее сюда так часто, как сможешь. Я все еще не люблю тебя, но потерплю.

— С чего такая перемена? — спросил я, тоже вставая.

— Ради нее. Потому что она любит тебя. Я предполагал, что ты всего лишь на время, как и тот, предыдущий. Но если она готова наломать дров, лишь бы помочь тебе, тогда мне тут нечего сказать и нечего делать, — ответил он, собираясь подойти к костру.

— Могу я задать еще один вопрос?

— Парень, ты нейрохирург или психиатр?

Игнорируя его замечание, я спросил:

— Как ваше сердце? Я не скажу ей, если вы считаете, что ей не нужно об этом знать. Ответьте честно, как вы себя чувствуете?

— Стараюсь поддерживать холестерин и кровяное давление низкими. Ты мне все равно не поможешь своими расспросами. Еще что-то?

Я поднял руки в знак отказа от дальнейших расспросов. Он подошел к своей жене. Гвиневра что-то шепнула матери, подбежала ко мне и взяла меня за руку.

— Привет, — я улыбнулся ей.

— Ну же! — Она потащила меня назад к дому, и никто — ни ее отец, ни мать даже не обернулись. Они держали друг друга в крепких объятиях. Это скорее напоминало некий танец.

Держа фонарик, она уводила меня все дальше и дальше по тропинке.

— Куда мы идем?

— Ш-ш-ш, ты все испортишь, — прошептала она.

Мы прошли еще немного, пока не оказались на нашей прежней поляне. Она негромко свистнула, и эхо отразилось от деревьев. Один светлячок пролетел над самыми нашими головами, потом еще один, и в следующее мгновение все пространство в темноте засветилось от светлячков. Они были повсюду, как будто вокруг нас зажглось множество рождественских огоньков.

— Я хотела показать тебе это место до отъезда. Когда я была еще ребенком, думала, что у меня получится дрессировать их, заставить светиться в такт мелодии, которую буду наставствовать. Это не сработало, конечно, но зато теперь они всегда появляются, стоит мне засвистеть.

Отойдя от меня, она попыталась поймать одного светлячка. На секунду ее ладошки закрылись, а затем она медленно раскрыла их, но светлячка там не оказалось.

— Как вышло, что после стольких лет у меня не получается поймать светлячка в пространстве, наполненном ими? — улыбнулась она.

Опустив фонарик, я подошел к ней, обнял и ласково прижал к себе. Почувствовав тепло ее тела, я прислонился лицом к ее лицу и поднял вверх наши руки.

— Давай поймаем их вместе, — тихо прошептал я ей на ухо.

Она откинулась на меня.

— Давай.

— Замри и жди.

Она раскрыла свои ладони, положила их на мои, и мы застыли. Мы дышали в унисон, наши сердца бились в такт. И потом светлячок, скорее всего принявший нас за еще одно дерево в лесу, прилетел и сел на ее ладонь, а за ним последовали еще несколько.

В этот момент мне хотелось закричать на весь мир, но я только смог сказать это самому себе:

«Я люблю тебя, Гвиневра».

Гвиневра

К тому времени как мы оказались дома, убегая от ливня, который внезапным, почти мистическим образом залил весь Сайпресс, легкие горели огнем, и каждый вдох давался мне с трудом. Я ушла в свою комнату и все еще мокрая рухнула на кровать. Мое сердце билось так, будто хотело вырваться из груди. Я полежала какое-то мгновенье, разглядывая потолок, где все еще висел мой старый постер с изображением Орландо Блума. Я чувствовала себя совсем другой. Человек, из-за которого я была опьянена, находился в нескольких ступенях от меня.

Я хочу его видеть!

Я только что видела его и хотела видеть его снова. Мой мозг не работал ясно. Я открыла дверь как раз тогда, когда мама проходила мимо. Она остановилась и повернулась ко мне.

— Спокойной ночи, — сказала я ей.

— Иди, — она кивнула мне. — Если отец спросит, я позабочусь об этом. Иди.

— Мам...

— Ну, если ты не хочешь...

— Спасибо, — прошептала я и прошла мимо нее дальше по коридору.

Затаив дыхание, я шла, стараясь как можнотише наступать на края досок, чтобы они не скрипели. Когда мои ноги достигли ковра, я увидела его, сидевшего на краю кровати без рубашки с полотенцем на голове и смотрящего на ожерелье из чайных капелек. Благодаря продолжающемуся дождю свет едва пробивался в комнату через окно над кроватью.

— Красиво, — прошептала я.

Он застыл на мгновенье, вскинув голову.

Его волосы были мокрыми, как и мои.

— Это для кого?

— Для тебя, — прошептал он, не двигаясь. Его взгляд был прикован ко мне. — Я купил его сегодня в городе, когда мы туда ездили, и все думал, когда же его тебе подарить. Но дождь убил момент.

— А сейчас — подходящий момент?

Илай встал, подошел ко мне, и я повернулась к нему спиной. Он откинул мои волосы на бок и застегнул ожерелье у меня на шее. Я повернулась к нему лицом, и он расправил ожерелье на моей груди.

Не отводя взгляда от Илайя, я сняла рубашку и бросила ее у ног.

— Не соблазняй меня, потому что я проиграю. — Он положил руку на бретельку бюстгальтера.

Обойдя его и встав у кровати, я отстегнула ее, и кровать опустилась на пол.

— Ничего страшного нет, если ты прои... — Его губы были на моих еще до того, как я успела закончить предложение, его руки оказались на моем лице, а его язык — у меня во рту. И я обвила свои руки вокруг его шеи. Илай покрыл поцелуями мои губы, подбородок и шею. Его рука накрыла мою грудь, крепко сжал ее. Он сильно потянул за сосок, а другой рукой прорвался мне под юбку, на ягодицы. Илай притянул меня к себе еще ближе. Целуя шею и подбородок, он шепнул мне на ухо:

— Я не отпущу тебя, Гвиневра.

— Я бы не пришла сюда, если бы хотела, чтобы ты отпустил меня, — напомнила я ему.

— Тогда чего ты хочешь?

— Тебя... Во всех мыслимых и немыслимых позах. И почему джинсы все еще на тебе? — Я расстегнула их, стянув вниз и достав его. — Хочешь, чтобы я продемонстрировала?

Я не дала ему времени на рассуждения, начав целовать его член, а затем облизывать его снова и снова, прежде чем взять в рот.

— Гвен... Гвиневра, — застонал он, схватив меня за волосы.

Я взяла его в рот так глубоко, как только могла. Зубы слегка касались его кожи, а мой язык с наслаждением облизывал его. Я чувствовала, как он пульсирует у меня во рту, и сосала его все сильнее и быстрее. Илай подался вперед, с наслаждением трахая меня в рот. Вынув его член изо рта, я принялась поглаживать его руками, нежно лаская кончиком языка его головку и посасывая.

— А ты говоришь, что я хороша на вкус, — сказала я и снова взяла его глубоко в рот.

Я не хотела останавливаться до тех пор, пока он не будет себя чувствовать так же хорошо, как и я. Но Илай остановил меня. Он взял мои руки и помог мне встать, а затем провел большим пальцем по моим губам.

— Если ты, мисс По, думаешь, что я позволю тебе контролировать меня сегодня вечером, то ты хоть иексуально, но глубоко ошибаешься. Встань на четвереньки.

Я была сильно возбуждена и сделала, как он просил. Я чувствовала его тело позади себя, пока он стаскивал с меня юбку и белье. Илай навис надо мной, и я ощутила жар от его прикосновений к моим ягодицам, в то время как его руки ласково поглаживали мою спину.

— Ты меня слишком возбудила, Гвиневра, — прошептал он над моим ухом, целуя мою шею. — Я уже собирался принять холодный душ, — привычка, которую я приобрел благодаря тебе, когда был лишен возможности оказаться внутри тебя.

Он запечатлел нежный поцелуй на моем плече и сжал мою грудь.

— А потом появилась ты, мокрая и раздевающаяся для меня. — Илай потянул за мой сосок, снова потервшись о мои ягодицы. — И я подумал, я не буду трахать тебя сегодня вечером. Наоборот, я планировал заняться с тобой любовью нежно, медленно и страстно.

— Но потом я взяла тебя в рот...

Когда я начала говорить, он шлепнул меня по ягодице так сильно, что я схватилась за край кровати и прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать в экстазе.

— А затем я почувствовал твои зубы на мне, твой язык... Ты наслаждалась мной, как будто я был ванильным мороженым.

— А разве нет?

Еще ШЛЕПОК.

— Ах! — застонала я, и мое тело задрожало мелкой дрожью.

— Я обещал твоему отцу, что не причиню тебе боль, отцу, который находится где-то здесь, в этом доме. Но ты ведь любишь секс с примесью боли, как мне в таком случае поступить? Ты заставляешь меня лгать, Гвиневра.

ШЛЕПОК.

Я наклонила голову, вцепившись в простыню.

ШЛЕПОК.

Мой рот наполнился слюной.

ШЛЕПОК.

Моя задница дрожала, и он умышленно прижался ко мне. Я чувствовала, какой мокрой стала для него. Он терся об меня вверх и вниз. Я прижалась к нему ягодицами, голодная и жаждущая большего.

ШЛЕПОК.

— Илай...

ШЛЕПОК.

Я не была уверена, шлепал ли он меня сильнее, или я просто стала чувствительней — может быть, и то, и другое.

Я знала только то, что мне это жутко нравилось. Еще мне нравился тот факт, что оба моих родителя находились в этом же доме, а я дрожала в руках Илая, — и больше вынести не могла.

ШЛЕП.

— Сильнее! — прошептала я.

ШЛЕП.

— Еще!

ШЛЕП.

— Да!

ШЛЕП.

ИЛАЙ!

Я безмолвно кричала, когда кончала. У меня даже не получилось остаться на четвереньках, я рухнула на подушки, задрав задницу, слишком воспаленную, чтобы лечь на нее.

— Это первый из всех оргазмов, что ты получишь сегодня ночью. — Он поцеловал меня, пальцами вырисовывая круги на моей спине. Его язык пропутешествовал вниз к моим бедрам.

Я не могла дышать, он облизывал и посасывал меня, я же была как в тумане.

Вся моя усталость улетучилась, когда он стал крепко держать меня за бедра. Сидя на нем, я прижимала его голову к себе, потирая свою промежность о его губы. Он не останавливался, упрямо добиваясь, чтобы я окончательно потеряла голову. Я могла видеть в зеркале на стене всю сцену без утайки. Я видела, как мои груди подпрыгивали, пока я прогибалась назад и вперед под ласками его языка. Чем дольше я смотрела, тем шире улыбалась. Когда я перевела взгляд вниз, на него, его глаза оказались закрыты. Илай крепко держал меня за бедра. Мне нравилось, что он, как и я, наслаждался моментом, желая получить больше от меня... всю меня. Ущипнув себя за сосок, я уже не могла остановиться. Мне хотелось кричать его имя всем, кто мог услышать.

— Два, — усмехнулся он, вытирая уголок рта, когда я как подкошенная рухнула возле него на кровать.

— Илай... — я не понимала, куда он меня заведет. Мой разум казался опустошенным.

Сидя на мне, он поцеловал легким поцелуем мои губы, потом шею. Я держалась за него, почти обнимала его, когда он позволил мне вдохнуть, целуя мою грудь.

— Илай, — позвала я настойчивее, и он остановился, посмотрев на меня.

В моей голове была только одна мысль, когда его зелено-голубые глаза посмотрели на меня.

«Я люблю тебя, Илай».

Я очень хотела сказать ему об этом, но вместо этого произнесла:

— Люби меня!

Он откинул мои волосы с лица, поцеловал ямочку на подбородке и улыбнулся мне.

— Как пожелаешь.

Илай устроился между моими ногами, медленно вошел в меня, лаская меня руками, и потом резко толкнулся во мне. Мы как завороженные смотрели друг на друга.

— Ты так красива, — произнес он.

Я попыталась что-то сказать в ответ, но он меня нежно поцеловал.

— Ты... — застонал он, и я держала его, покачиваясь с каждым его новым толчком внутри меня.

— Ты, Гвиневра Аврора По, — самая красивая женщина во всем мире для меня. Позволь мне сказать. Ты должна слышать это.

Я не смогла бы говорить, даже если бы захотела. Наоборот, я еще крепче обвила вокруг него свои руки и ноги, и он обнял меня в ответ. Его лоб был прижат к моему лбу, а к моменту, когда нас накрыл оргазм, между нами не осталось ни миллиметра свободного пространства.

Глава 24

Тик, Так, БУМ!

Гвиневра

— Дом, милый дом, — сказала я, открывая дверь квартиры. Тайги не разделял мою радость от возвращения. Он просто прошел к своему коврику и свернулся в клубок. — Ну и ладно.

— Он просто устал, — произнес Илай, поставив сумки на пол, и направился на кухню. — Твой холодильник пуст, Гвиневра.

— Но у меня есть телефон и список классных ресторанов.

— После стряпни твоей мамы все рестораны покажутся сплошным разочарованием, — ответил он, взяв для себя воду. — Ты звонила ей? Сообщила, что мы уже дома?

— Еще нет, — ответила я и вытащила телефон.

Илай покачал головой и подошел к окну, где и устроился, подложив подушку под спину.

— Когда ты возвращаешься на работу? — спросила я, набирая номер родителей.

— Я могу вернуться в пятницу. — Он вытащил свой телефон.

Мы уехали из Сайпресс сегодня рано утром. Все парни пришли провожать нас и даже называли Илая по имени, что было хорошим началом. Отец так долго обнимал меня, что я начала опасаться, как бы мы ни опоздали на самолет. Мама... ну что ж, она на меня так посмотрела, будто могла прочитать на моем лице все, что произошло со мной прошлой ночью. Я пробыла с Илаем вплоть до самого рассвета, а затем потихоньку прошмыгнула к себе в комнату. Можно было подумать, что, будучи уже взрослой женщиной, необязательно скрываться от родителей, но я не была готова, да и никогда не буду готова к войне с ними на этой почве.

Впервые я чувствовала себя в самолете совершенно спокойно. Я просто вспоминала подробности прошлой ночи или прислонялась к Илаю, и все казалось правильным. Мне не было страшно.

— Привет, мам. Это я. Просто хочу тебе сказать, что мы вернулись. Все в порядке. Я позвоню тебе попозже. Люблю вас, пока. — Я оставила сообщение родителям на автоответчике.

Сразу после этого мне позвонила Тара, мой агент.

— Привет, Тара.

— Привет, Гвен. Можешь говорить? Я не знаю, когда ты вернешься обратно.

Я взяла стакан воды.

— Да, говори.

— Что же, у меня есть новый проект для тебя. Думаю, это будет здорово, но ты должна кое-что знать.

— Что такое? — Я поставила стакан на столик.

— Ну... он от Себастьяна.

— Тара, меня это не интересует.

— Твой контракт с ним еще не окончен, и это идеальный проект для продвижения твоей карьеры.

«Какого черта я не прервала контракт с ним, когда у меня в руках был такой шанс!» — подумала я, прижав ладонь ко лбу.

— Допустим... И что это за проект?

— Себастьян, в сотрудничестве с «Нэшнл Джиграфик», готовит к выпуску новый журнал, который называется «*Реальность*».

— И они тоже хотят меня?

— Они хотят, чтобы ты стала их ведущим фотографом. Ты будешь путешествовать по миру, снимать людей в разных жизненных ситуациях. Богатых, бедных, всех. И снимки

будут публиковаться в «*Реальности*». Все поездки будут оплачиваться, конечно, и у тебя будет своя команда...

Я перевела взгляд на Илая, который уютно расположился рядом с Тайги, поглаживая его шерстку.

— Подыщи мне другой проект, Тара.

— Гвен! Это замечательная возможность! Ты раскроешь себя, у тебя появится столько перспектив...

— Тара, — произнесла я как можно спокойнее и решительнее, — найди для меня другой проект, чтобы я могла спокойно закончить работу по контракту, хорошо? Поговорим позже. Спасибо.

Я отключилась прежде, чем она успела мне что-то ответить.

— Все в порядке?

— Все хорошо. Ты нашел что-нибудь поесть?

Было видно, что Илай не поверил мне. Затем он заглянул в свой телефон.

— Какую кухню ты хотела бы: тайскую, китайскую?

— А как насчет гамбургеров и фри? Чем больше я думаю над этим, тем сильнее мне нравится эта идея. — Я подошла к нему и подала руку, чтобы он встал с окна.

Он поднялся.

— Откуда у тебя столько энергии после...

— После вчерашней ночи? — Я усмехнулась, придерживая двери для него. — Не знаю, но на сто процентов уверена, усталость накроет меня позже. А сейчас я хочу есть. Мюсли и тосты, съеденные сегодня утром, уже дано переварились. Пока, Тайги.

Я закрыла дверь. Илай взял меня за руку, ведя к лифту. Мы оба остановились, увидев там сгорбленного Тоби с полупустой бутылкой виски в руках. Он посмотрел на цифры над нами.

— Это... не мой... этаж. — Он икнул и покачнулся.

Бутылка выпала из его рук на пол.

— Тоби, — позвал его Илай.

— Доктор Дэвенпорт? — Он захочтал и хлопнул Илая по плечу, стараясь стоять ровно. — Ты — настоящая тварь, знаешь об этом?

Двери лифта закрылись за нами. Илай покачал головой, когда я подошла и нажала кнопку этажа Тоби.

— Вы, доктора, ни хрена не можете. — Он снова горько рассмеялся, пока Илай пытался его удержать в вертикальном положении. Тоби оттолкнул Илая от себя. — Все, что ты смог — это сделать моей дочери хуже! Ты явился весь из себя гордый, всемогущий, как хренов бог, и не стал ее спасать... «Время смерти — 8:43»... Ты знаешь, что теперь я эти слышу постоянно? Каждый гребаный день я слышу только их! «Время смерти — 8:43»... Кто дал тебе это право, а? Кто дал тебе право говорить время смерти моей дочери?

— Тоби...

— А ты! — Тоби прервал Илая, поворачиваясь ко мне. В этот самый момент Илай встал между Тоби и мной. — Ты и твоя дерьявая картинка! Ты никому не помогла! Каждый раз, когда смотрю на нее, во мне бушует желание сжечь ее. Зачем ты ее нарисовала? Ты должна была нарисовать их всех с перечеркнутыми лицами.

Двери открылись на этаже, Тоби выпал из лифта и затрясся.

— Звони в скорую. У него, похоже, передозировка алкоголем. — Илай опустился на колени возле Тоби.

Я была уже на телефоне, когда Илай повернул Тоби на бок, помогая тому дышать, и положил его голову к себе на колени. Тот факт, что мы жили так близко к больнице, и что скорая уже подъехала, сегодня воспринимался, как дар свыше. Я ждала их снаружи, придерживая дверь, пока медики вместе с Илаем укладывали Тоби на каталку.

— Я еду с ними...

— Я тоже скоро буду там. Поезжай.

Кивнув, Илай поцеловал меня в макушку и забрался в скорую.

Когда машина скорой помощи отъехала, я наконец позволила себе выдохнуть и попыталась успокоиться.

«Каждый раз, когда я смотрю на нее, мне хочется ее сжечь. Зачем ты ее нарисовала?» Голос Тоби звучал набатом у меня в голове, пока я шла по улице, прижимая к себе сумку. Я не думала, каково ему будет смотреть на картину его семьи, поскольку все ее члены, кроме него самого, были мертвые. Я надеялась, что эта картина принесет ему такую же радость, как Мэрил, Логану или Илаю.

Мы отсутствовали всего три дня, но, войдя в больницу, мне показалось, что не была здесь целую вечность. Может, это было тщеславие, или мне просто нужно было напомнить себе, что когда-то я здесь рисовала. Теперь это пройденный этап. Любой, кто здесь работает, уже успел привыкнуть к росписи, и новые люди, возможно, не придут сюда, чтобы посмотреть на мою живопись.

Несколько детей сидели напротив росписи, пока их родители разговаривали по телефону. Они водили по ней своими пальчиками.

«Ну, хотя бы они улыбаются», — подумала я, проходя к стойке администратора.

— Подскажите, пожалуйста, где я могу увидеть мистера Тоби Уэсли?

— Гвен?

Повернувшись, я увидела улыбающегося Яна. Он передал карточку медсестре.

— Добро пожаловать! Я думал, ты и Илай на каникулах.

— Мы вернулись сегодня. Ты помнишь Тоби Уэсли, отца Молли? Он живет в нашем здании, и мы столкнулись с ним сегодня. Он был в стельку пьян. Скорая должна была уже доставить его.

Ян нахмурился.

— Илай приехал вместе с ними?

Я кивнула.

— Нам лучше посмотреть в отделении скорой помощи. Иди за мной.

Он указал направление, и я поспешила за ним, смутно вспоминая ту страшную аварию на шоссе, из-за которой я впервые появилась в этом отделении. Сегодня здесь было намного спокойнее.

Пройдя к посту медсестер, Ян спросил:

— Тоби Уэсли уже зарегистрирован?

— Да, его готовят к операции.

Ян кивнул, потом хотел уже пойти, но остановился и спросил:

— А доктор Дэвенпорт?

— Он будет ассистировать.

Ян нахмурился.

— Позвоните президенту больницы и проинформируйте ее об этом. Я же попытаюсь вытащить Илая оттуда...

— К нам поступил доктор. — Медсестра положила трубку и тут же поспешила к двери.

— Который? — спросил Ян, уже натягивая перчатки.

— Они сказали, что это доктор Майлз, — ответила медсестра.

— Ханна? — Ян развернулся к двери, когда медики завезли женщину, которая не могла быть Ханной. Я отступила назад, когда они провезли ее мимо меня. Сердце билось как в лихорадке, кровь шумела в ушах. — Что случилось? — спросил Ян, заглядывая ей в глаза.

— Она была на ланче с коллегами из клиники и потеряла сознание. Придя в себя, она попросила привезти ее сюда.

Мои глаза были прикованы к ее животу. Она была беременна!

Это от Себастьяна... Это от Себастьяна...

— Она сказала, что отец ребенка работает здесь доктором.

Мне хотелось провалиться сквозь землю... Но потом я решила, что лучше всего просто убежать отсюда далеко-далеко. Как можно дальше...

Илай

Выходя из операционной спустя два часа, я надеялся отдохнуть. Сняв хирургическую шапочку, я увидел маму и Яна, поджидавших меня. Проигнорировав их, я направился к раковине, чтобы вымыть руки.

— Знаю, что вы оба собираетесь мне сказать. Нет, официально я еще на каникулах. Но именно я привез его сюда и не мог оставить его одного, чтобы самому уйти отдохнуть, — объяснял я им, но никто из них не заговаривал со мной. — Мам, все в порядке? Я всего лишь стоял рядом. Я не оперировал его, хотя теперь ему нужна донорская кровь.

— Дорогой, мы здесь не поэтому, — прошептала мама, отойдя от стены и сжав руки. — Просто выслушай меня...

— Что-то с Гвиневрой? С ней все хорошо? Она сказала, что приедет сюда, и я не...

— Это не Гвен, Илай, — вмешался Ян, когда я уже готов был бегом бежать на ее поиски.

— Если это не Гвиневра, не Логан и не мама, тогда почему у вас такие лица? — резко спросил я.

— Ханна здесь.

— Если это из-за Ханны, мама, я...

— Слушай меня, Илай, — она заорала на меня.

Я застыл.

— У Ханны кровотечение. Она беременна. У нее была истмико-цервикальная недостаточность¹³. И ее воды отошли. Мы пытались замедлить ее роды, но здесь трудно что-либо сделать, ты же знаешь.

— Вы ведь не думаете, что это мой ребенок? У нее была интрижка, вам это известно, да?

Они не всерьез...

— Черт! Гвиневра слышала это? Она могла...

— Ханне сделали тест ДНК два раза. Брали образец зубной щетки, оставленной тобой у нее. И оба раза результаты показали твоё отцовство. 99,97% — положительно. — Ян буквально выплевывал в воздух эту чушь.

Мой мозг не мог усвоить эту информацию, и у меня начался приступ паники.

— Илай, я посмотрела ее карту. Ханна скоро родит, и ты станешь отцом крохотчного недоношенного малыша, так что тебе надо идти...

— Мама, — остановил я ее, качая головой. — Все, что мне нужно сделать, это убедиться в том, что мистер Уэсли не напьется снова до смерти. Мне нужно внести его в список людей, ожидающих донорскую кровь. Затем я должен позвонить Логану, потому что мой младший брат не отвечает на звонки, и я не знаю, что с ним. Затем мне нужно распаковать чемодан, потому что двадцать четыре часа назад мы были на Аляске, в Сайпресс. И двадцать четыре часа назад в мои планы не входило отцовство. Я не знаю, что там наговорила вам Ханна, и почему вы...

— Илай, понимаю, это тяжело. Ты сбит с толку и расстроен, но сейчас речь идет не о тебе. Речь идет о Ханне и твоем ребенке.

— Каком ребенке!? — заорал я. — Ханна была здесь несколько месяцев назад и говорила, что скучает по мне. Она разозлилась, когда узнала, что я собираюсь пойти на свидание. Но ни разу не упомянула о ребенке. Так что либо это не мой ребенок, либо она не хочет, чтобы я был в ее жизни...

¹³ Прим. пер.: истмико-цервикальная недостаточность — патологическое состояние шейки матки во время беременности, при котором увеличивающийся плод не удерживается внутри матки до своевременных родов.

Ян, скрестив руки, молчал. Я бы предпочел, чтобы он сейчас шутил.

— Гвиневра была здесь и видела?

Он молчал.

— Ян, Гвиневра была здесь?

Он кивнул.

— Она искала тебя в отделении скорой помощи, когда привезли Ханну.

Ну конечно! Гребаное, хреновое «конечно»!

Выходя из комнаты, я достал телефон и позвонил. Казалось, прошла вечность, прежде чем включился автоответчик.

— Возьми трубку, Гвиневра! Возьми трубку! — повторял я, набирая ее номер опять.

В этот раз сразу же включился автоответчик.

Черт! Это немыслимо! Это не наяву! Я вспоминал, сколько раз видел Ханну. Она была прежней, без изменений. Возможно, у нее был второй триместр беременности, когда я видел ее в последний раз. Уже тогда должно было быть что-то видно.

— Доктор Дэвенпорт!

Я поднял глаза и увидел, что нахожусь в отделении акушерства. Ко мне подошел интерн.

— Доктор Майлз в палате 617. Доктор Милроу сказал, что роженице скорее всего будет назначено кесарево сечение. Пожалуйста, скажите нам, если вам что-то понадобится. — Он кивнул мне и прошел дальше по коридору.

У меня не было никакого желания видеть Ханну, но мне нужно было, чтобы она сама рассказала обо всем. Мне нужны были ее объяснения. Открыв дверь палаты 617, я увидел Ханну.

Она посмотрела сначала на меня, потом на потолок. Я подошел к ней и сел рядом.

— Он твой, — сказал она. — У меня есть доказательства. Я показала результаты твоей маме. Ребенок твой. Мне не нужны деньги или...

— Почему ты ничего мне не сказала? — Я очень старался спрашивать ее спокойным тоном, глядя на ее живот. — Ты долго здесь проработала. Могла бы рассказать, Ханна!

Она усмехнулась.

— Зачем? Чтобы ты мне сказал, что все равно не любишь меня? Что я должна избавиться от ребенка, чтобы ты спокойно мог лететь к другой женщине? Извини, но нет. Я скрывала правду от тебя и ждала момента рождения, а затем собиралась прийти и показать ее тебе. Я собиралась сунуть ее тебе под нос, чтобы ты больше никогда не смог уйти от меня. С ребенком ты уже не сможешь полностью отвергнуть нас. Я знаю тебя, Илай. Разве Илай Дэвенпорт может отвергнуть свою семью? Никогда! Это наш шанс, Илай! У нас с тобой появился второй шанс! Я, ты и *наша* дочка! Просто подумай, что бы произошло, если бы...

— Если бы ты не сбежала с другим? Если бы мы поженились? Ты сделала свой выбор и «нас» уже не существует! Нет никакого второго шанса, и использовать ребенка, чтобы заставить меня быть с тобой, подло, Ханна! Я мог бы назвать тебя многими словами, но никогда не думал, что ты унизишься до шантажа.

— А что мне оставалось делать? — она зло заорала на меня, борясь со слезами. — Я совершила ошибку, и об этой ошибке я сожалею каждый божий день! Я просыпаюсь и злюсь на себя. Я люблю тебя, Илай! Это наш шанс! Мы были хорошей парой! Я уверена, все еще можно вернуть.

— Ханна...

— Что? Теперь из-за той, другой женщины, ты собираешься бросить *нас*?

— Та женщина — моя девушка.

— А я — мать *твоего* ребенка!

— Просто «Ого»! — прошептал я с отвращением.

Разговаривать с ней было бессмысленно, и, если честно, небезопасно. Неужели я был так сильно ослеплен ею, что не понимал, какой она человек? Ханна всегда думала только о себе и своей выгоде. Она хочет сразу все и только на своих условиях!

Я уставился на нее, недоумевая в который раз: «*Как, ну как вся эта херня могла случиться именно со мной?*»

— Я не брошу ребенка, — ответил я, глубоко вздохнув. — Неважно, кто его мать. Я никогда не брошу мою собственную дочь. Но ты, Ханна... я не хочу тебя больше видеть! Никогда!

С этими словами я покинул палату, услышав ее рыдания. Проводя пальцами по волосам, я пытался успокоиться с помощью техники глубокого дыхания. Я не хотел причинять ей лишнюю боль и быть жестоким. Было очевидно, она не понимает, что натворила.

Это просто бардак! Гребаный бардак!! Твою мать!!!

Менее чем двадцать четыре часа назад я был уверен, что моя жизнь налаживается, и теперь это! *И Гвиневра...*

Я достал телефон из кармана, когда услышал, как кто-то рядом обратился ко мне:

— Доктор Дэвенпорт! Примите мои поздравления! Хотите увидеть вашу дочь? — медсестра счастливо улыбалась мне.

Я сунул телефон обратно в карман и кивнул, не произнеся ни слова.

Гвиневра

Я постучалась.

Натаниэль открыл дверь, его волосы, как обычно, были зачесаны назад, и очки для чтения сидели низко на носу.

— Гвен?

— Стиви приглашала меня посетить Хэмптонс, и вот я здесь. Сюрприз! У вас красивый дом! Очень... белый.

Стиви вышла, одетая в светло-зеленое платье в цветочек. Ее волосы были убранны в хвост.

— Стиви, классно выглядишь! Вот, была в городе и подумала, почему бы мне не приехать и не повидать вас. Извини, мне стоило позвонить заранее, но я случайно уронила свой телефон в унитаз. Здесь очень красиво.

Натаниэль внимательно посмотрел на нас и направился внутрь дома.

— Простите, друзья, вы были чем-то заняты? Я могу уйти и позже снова вернуться. Кстати, я купила машину. — Я указала на их подъездную дорожку, где стоял белый кабриолет «Ауди», в котором на пассажирском сиденье сидел Тайги.

— Гвен, у тебя все в порядке?

— Нет. Думаю, они обманули меня. А ты знала, что можно купить машину просто так, со стоянки? Это немного дороже, но она бы мне нужна срочно. Сначала я хотела приехать сюда на автобусе, но тогда бы мне пришлось топать целый час пешком от станции до твоего дома. Потом я подумала взять такси, но мне не хотелось ехать в компании с кем-то. Тогда я сказала себе: «*Какого черта! Я — миллионерша и должна тратить деньги!*» И тогда я пошла в салон, купила себе новую «Ауди» и приехала сюда. Красивая, правда? — Я указала на нее пальцем, и Тайги гавкнул. — И Тайги она тоже понравилась.

Стиви подошла ко мне и взяла в руки мое лицо.

— Ты как будто сошла с ума. Ты пугаешь меня, Гвен. Все хорошо? А у родителей? Что случилось?

Я прикусила губу, стараясь не разреветься, но это не помогло. Ничего не помогало. Я ни слова не могла вымолвить, только лишь крепко обняла ее.

— Все хорошо. Поплачь. Мы поговорим позже.

Глава 25

Если ты меня любишь...

Гвиневра

«Позже» не наступило и через два дня. Как только я пыталась начать свой рассказ, глаза начинало щипать, и я не могла сдержать слез.

Мы со Стиви сидели на пляже. Тайги, устроив голову на моих коленях, лениво наблюдал за восходом солнца. Стиви протянула мне плитку шоколада, и я отломила себе еще кусочек.

— Илай звонил прошлой ночью, — прошептала она. — Хотел узнать, разговаривала ли я с тобой. У него был такой голос, будто...

— Пожалуйста, не надо, — попросила я, поглаживая Тайги. — Стоит мне только подумать о нем, я тут же вспоминаю ее, беременную. Если бы я осталась в его жизни, то подыхала бы от ревности и была вынуждена смотреть на нее так долго, как долго он пожелал бы оставаться со мной. Мне было бы очень больно, и я бы, в свою очередь, причиняла боль ему в отместку.

В довершении всего я даже не была уверена, хочу ли детей, не говоря уже о том, чтобы стать кому-то мачехой.

— И что, ты теперь никогда больше не будешь с ним разговаривать? Он не виноват, Гвен.

— Да, понимаю. В этом нет его вины. Все это случилось в его жизни еще до моего появления, однако это не меняет того, что он стал отцом. В его жизни больше нет места для меня. Да, он не виноват в случившемся, но я не могу... не могу провести свою жизнь на обочине его жизни, ожидая и надеясь, что в один прекрасный день наконец останемся только «мы». — Я попыталась рассмеяться, но голос сорвался. — Помнишь, как я говорила, что Натаниэль создан не для тебя? Спасибо за то, что тогда послала меня ко всем чертям. Я бы возненавидела себя, если бы испортила и твою жизнь так же, как испортила свою.

— Ты не испортила свою жизнь. — Она взяла меня за руку. — Такие вещи порой случаются. Жизнь есть жизнь. И ты была права насчет Натаниэля, он вел себя, как полный придурок, и действительно изменил мне.

— Нет, не изменил. — *Если бы он это делал, я бы убила его!*

Она кивнула, прокручивая кольцо на пальце.

— Это произошло через несколько недель после того, как я бросила учебу. Я встретила свою соперницу и надавала ей по морде. Я бросала универ не из-за Натаниэля, а потому, что просто не успевала учиться. А ты была рядом, успевающая все со скоростью света. Я чувствовала, как разрушаюсь. Я больше не могла видеть ни тебя, ни родителей, поэтому порвала с ним и пошла работать в бар. В тот год мы с тобой не общались. Я могла бы позвонить тебе в любое время, но мне хотелось выглядеть сильной. Мы сошлись с Натаниэлем уже после того, как снова наладили с тобой отношения. Я никогда тебе об этом не рассказывала, поскольку было бы глупо вспоминать о прошлом. И еще я была уверена, что ты бы сильно расстроилась и долго переживала о том, что не смогла поддержать меня раньше.

— Я — плохая подруга. Прости, что меня не было тогда рядом, Стиви. А теперь я пришла к тебе, чтобы выплакаться на твоем плече.

Она пожала плечами.

— Ты пришла потому, что доверяешь мне, и я счастлива знать об этом. Мне плохо от мысли, что я не доверяла тебе так же.

Я притянула ее к себе и обняла, а потом мы обе, смеясь, повалились на песок.

— Обещай, что бы ни случилось, ты будешь доверять мне, хорошо? И если Натаниэль когда-либо...

— Поняла, поняла. Но сейчас у тебя своя жизнь, в которой надо разобраться.

Это-то и было проблемой. У меня была жизнь, но в ней больше не было любви.

Илай

Я стал отцом.

Имя моей дочери — София Мэй Дэвенпорт, вес полтора килограмма.

И она красавица.

Она даже могла самостоятельно дышать, но пока еще не была готова покинуть отделение интенсивной терапии и выйти из инкубатора. И все равно она была прекрасна. Я провел последние сорок восемь часов рядом с ней. Малышке нужно было сделать еще несколько тестов, и мама уверяла меня, что ей вскоре станет лучше. Ханна находилась с дочкой внутри, сидя в своем кресле, пока я на ресепшене подписывал бумаги.

— Ты выглядишь так, будто последние пару дней были для тебя сущим кошмаром.

Услышав ее голос, я замер. Быстро помолившись, чтобы не ошибиться, я повернулся и мысленно поблагодарил Господа за то, что передо мной стояла Гвен. В руках у нее был стаканчик, пахнущий кофе. Я притянул ее в свои объятия, вот только она не обняла меня в ответ. Она выглядела отстраненной.

— Гвиневра, я знаю... Навалилась куча проблем. Я несколько сбит с толку, но я справлюсь и обещаю тебе...

— Илай, все в порядке, — прошептала она, протягивая мне стаканчик. — Не волнуйся обо мне. У меня все будет хорошо. Единственный человек, о котором ты должен сейчас заботиться, — это твоя дочь. Поздравляю! Я искренне надеюсь, что с ней все будет в порядке.

Я ненавидел то, как фальшиво она улыбалась, словно закрывала дверь прямо перед моим носом. Она была до ужаса чужой и холодной.

— Гвиневра, не надо... Я смогу все решить. Не прогоняй меня. Дай мне шанс. Дай нам шанс!

— Илай, мы просто развлекались...

Она колола меня словами, как ножом, улыбаясь все так же натянуто.

— Нам было одиноко, и мы нашли утешение друг в друге. Пришло время вернуться в реальность. Ты был мне замечательным другом...

— Остановись! — Я больше не мог это слушать.

— Илай...

— Прекрати произносить мое имя так, будто я никогда ничего для тебя не значил. Ты сейчас лжешь, глядя мне в глаза, это очевидно. Я просто оскорблен тем, что ты думаешь, будто я этого не вижу.

— «Нэинл Джиогрэфик» готовит запуск нового журнала — «Реальность». Я собираюсь поехать в Индию, потом в Северную Корею, а затем в Россию. Я буду фотографировать весь мир, Илай, а ты станешь отличным отцом.

— Ты бежишь.

Она убегала от меня настолько далеко, насколько это вообще было возможно. Меня этот факт ранил так сильно, что у меня просто не было слов.

— Я уезжаю...

— Фотографировать, я слышал. Не уезжай. Ты ведь любишь меня... Не уходи, Гвиневра!

В первый раз за все время нашего разговора ее фальшивая маска, за которой она пряталась, спала, и она не смогла натянуть улыбку на лицо.

— Я никогда не говорила, что люблю тебя, Илай. Поэтому, давай...

— Вот так просто? По-твоему, все это вот так легко и просто? Гвиневра, ты говорила мне это своими руками, глазами, своим телом... говорила, что любишь меня, а теперь бежишь в Индию, не дав мне ни единого шанса.

Она покачала головой, заправляя за ухо выбившийся локон.

— Между нами был только секс, Илай...

— Ты сказала это! Сказала мне об этом, как раз перед тем как уснуть в моих объятьях в ту самую ночь. Ты, должно быть, решила, что просто думала об этом, но на самом деле произнесла эти четыре слова вслух. Твои губы прошептали: «Я люблю тебя, Илай». Поэтому не смей утверждать, что нас связывает только секс. Не улыбайся так и не утверждай, что мы всего лишь развлекались.

Я взял ее лицо в свои руки, заставляя посмотреть на меня.

— Это неправда, наши отношения не интрижка. Каждой частичкой своей души я чувствую: то, что возникло между нами, — это нечто большее, чем банальное развлечение, потому что я тоже тебя люблю, Гвиневра. Поэтому, прошу тебя, скажи, что все это неправда. Пожалуйста...

Когда она посмотрела на меня, ее глаза были полны слез.

— Если ты любишь меня, Илай, то должен отпустить.

Я уронил руки, почувствовав, как печет в глазах. Я не мог... не мог позволить закончиться всему и так просто отпустить ее. Она не отрицала своих чувств ко мне, но все еще собиралась сбежать от меня.

— Хорошо, — прошептал я. Мне захотелось сделать ей так же больно, как она делала мне.

Она кивнула и пошла на выход.

— Гвиневра! — окликнул я.

Она остановилась, но не обернулась, чтобы посмотреть на меня.

— В Индии ешь побольше, в Северной Корее чаще смеяйся, и одевайся теплее в России. И, куда бы ты ни поехала после, будь здорова и красива. И, когда ты будешь готова вернуться домой... ко мне, я буду здесь, буду ждать тебя. Через год, через пять, через десять или двадцать лет... Я буду ждать твоего возвращения.

Она повернулась ко мне вполоборота. И во мне вспыхнула надежда...

Но она ушла.

— Ты в поря...

— Нет, — ответил я Яну, протянув ему кофе, который она вручила мне в качестве прощального презента. — Я не в порядке...

Глава 26

Герой и Героиня

Гвиневра

Меня подташнивало. С каждым новым шагом в сторону аэропорта головная боль усиливалась, но я упрямо шла вперед, еле волоча за собой чемодан.

Все правильно!

Это будет правильно для моей карьеры!

Это то, чего я всегда хотела!

Но почему же мне кажется, что я изо всех сил пытаюсь себя что-то доказать?

Мне ведь нравится то, что чем я занимаюсь, и теперь у меня появилась возможность делать снимки по всему миру и посещать места, о которых я всегда мечтала. Но мне все еще хотелось...

— Гвен?!

Повернувшись, я увидела широко улыбающегося Бэша с авиабилетом в руках. Его пиджак был буднично переброшен через руку. Я не могла этого вынести.

— Бэш...

— Да, знаю. Ты меня сейчас ненавидишь, и это нормально. Но однажды я полюбил тебя благодаря твоему искусству и надеюсь, это произойдет с нами снова, потому что ты...

— Бэш, я простила тебя. — Я улыбнулась ему. — И я не ненавижу тебя. Ненависть опустошает меня. Но ты должен понять, что прошлого не вернуть. И никакое искусство мира не способно изменить этого. Я не собираюсь меняться ради тебя, и, пожалуйста, позволь мне пройти.

Еще до того, как он успел ответить мне, я услышала голос, раздавшийся из-за спины, и тут же почувствовала холодок, пробежавший по спине.

— Гвиневра!

Я не повернулась, а только сильнее вцепилась в ручку своего чемодана.

— Гвиневра! — он позвал меня снова, его голос прозвучал ближе.

Я посмотрела на Бэша, и выражение его лица заставило меня рассмеяться, хотя по какой-то глупой причине мои глаза вновь наполнились слезами.

— Откуда ты здесь взялся? — удивленно спросил Бэш.

Илай проигнорировал его.

— Гвиневра... Я буду ждать, — тихо произнес он.

Глубоко вздохнув, я повернулась к нему вполоборота. Илай в медицинской форме застыл прямо передо мной. Его темные волосы были взъерошены, а глаза смотрели на меня в упор. Когда я полностью повернулась к нему, уголки его губ медленно поползли вверх. Постепенно губы Илая растянулись в широкую улыбку, и я больше не могла противиться этому и улыбнулась ему в ответ.

— Не смотри на меня так. — Это было и приятно, и в то же время приносило нестерпимую боль.

— Прости, но я не могу не смотреть, — ответил он, подходя ближе. — Вчера ты попросила отпустить тебя, если я по-настоящему люблю тебя, и я так и поступил, потому что никогда не хотел стоять на пути твоих желаний. Думаю, я смог бы многое вытерпеть. Вообще-то, я чувствовал себя немного глупо из-за той речи о счастье, но потом понял, что на самом деле более эгоистичен, чем считал поначалу. Проснувшись сегодня утром, я понял, что не могу стать счастливым без тебя. Я понимаю, чего именно ты боишься. Прошу тебя, доверься мне. Я люблю тебя так сильно, как никогда бы не сумел описать словами, даже если бы очень захотел. Я просто не способен здраво мыслить в твоем присутствии. Не убегай от меня, Гвиневра. Если ты меня любишь — останься!

Он не просто лишил меня возможности дышать, он стал моим воздухом в легких, и у меня не оказалось слов, остались только слезы. Взял в руки мое лицо, он стер каждую

слезинку и улыбнулся. Чем дольше я смотрела на него, тем сильнее любила. Как в кино: сначала боль, через которую нужно пройти, чтобы обрести свое счастье. Я подумала, может быть, это не просто любовь, это судьба...

— Хорошо, — наконец произнесла я, сделав шаг в сторону от чемодана.

— Спасибо, — прошептал он, склонившись к моим губам.

И в тот момент, когда его губы соприкоснулись с моими, я осознала — это действительно судьба. Он — моя судьба!

Илай

Никто из нас не произнес ни слова с тех пор, как мы покинули аэропорт. Решение взять ее за руку и просто бежать далось нелегко. Гвиневре нужно было забрать Тайги и перенести, а не отменить, свое путешествие. Она пообещала Себастьяну позвонить утром. И я бы соврал, сказав, что теперь-то у меня все в порядке. Часть моей души чувствовала, что я лишь оттягиваю неизбежное.

— Налью нам вина, — сказал я, как только Гвиневра перешагнула порог моей квартиры. Она не ответила, просто села на диван, а Тайги свернулся у ее ног. Наклонившись вперед, она нежно погладила его.

Взяв два бокала и две бутылки, я подошел к ней и присел рядом.

— Ты хочешь напоить меня? — тихо спросила она, приподняв уголки своих губ.

— Да, — сознался я, и она наконец посмотрела прямо на меня. Выражение ее глаз сейчас отличалось от взгляда в аэропорту, доказывая, что, может быть, она сказала «да», оказавшись захваченной врасплох. — За вином у нас с тобой случаются самые лучшие беседы.

Откупорив бутылку, я наполнил бокалы вином. И снова между нами повисло молчание. Оно убивало меня. Гвиневра не была молчуныей, она всегда много болтала, и мне это в ней нравилось. Именно благодаря этому я понял, что причина ее молчания скрывается во мне.

— Чего ты боишься? — спросил я, сделав глоток вина.

— Ты сейчас несерьезно? — удивилась она, так и не попробовав вино, и уставилась на свой бокал.

— Напротив, я абсолютно серьезен и хочу услышать от тебя все, о чем ты сейчас думаешь, все твои мысли и страхи. Даже то, о чем ты не хочешь мне говорить. Именно наши разговоры я люблю больше всего: когда мы смеемся, дразним друг друга, еще больше смеемся и пьем. Еще до того как стать моей девушкой, ты стала моим другом.

Она залпом осушила свой бокал, пролив немного вина мимо рта. Выпив, она глубоко вздохнула и вытерла рот.

— Мы возненавидим друг друга, — призналась она, пока я снова наполнял ее бокал. — Не сразу, нет. Сначала мы будем стараться понять друг друга, но постепенно я начну ревновать сильнее и сильнее. Я буду видеть тебя рядом с дочерью и каждый раз чувствовать себя лишней. Самое ужасное в том, Илай, что она — твой ребенок. Я буду знать это, но все равно меня это будет задевать. Ты будешь чувствовать себя виноватым, а затем раздраженным, потому что я буду чувствовать себя несчастной и вскоре начну избегать тебя. Постепенно мы изведем друг друга... Мы начнем постоянно ругаться, потому что любим друг друга и не захотим отпускать, на самом деле понимая, что должны это сделать. Я ясно вижу это: себя, не имеющую возможности находиться рядом с тобой из-за своей работы, и тебя, не имеющего возможности быть рядом со мной из-за собственной дочери. Кроме того, у меня все еще остались некоторые карьерные планы, которые я хотела бы осуществить. Я эгоистична, Илай. Понимаю, что это неправильно, но... я не хочу делить тебя ни с Ханной, ни с твоей дочерью, ни с кем другим. Я чувствую, что они встали между нами. Я хочу проводить время с тобой, узнавая тебя все лучше. Вот об этих вещах я думаю теперь постоянно.

Я допил свой первый бокал вина и налил второй. Мысли в голове скакали с такой скоростью, что началась головная боль.

— Как бы герой и героиня справились с подобной ситуацией в твоих книгах?

Настроение Гвиневры приподнялось, она даже хихикнула:

— Героиня села бы в самолет, и все мы дружно ждали бы выхода книги номер два, чтобы прочитать о том, как они станут бороться за свою любовь.

Как же я соскучился по игривым интонациям в ее голосе.

— Кто, как ты думаешь, играл бы мою роль, если бы по нашей истории решили снять фильм?

— Том Хиддлстон, — ответила она, не задумавшись даже на секунду.

— У нас с ним ничего общего.

— Знаю, — усмехнулась она, дотянувшись до бутылки. — Но он такой сексуальный. А я с удовольствием сыграла бы саму себя. Заранее спасибо.

Я закатил глаза.

— Ага, удачи тебе в этом.

— Девушке не запрещено мечтать...

— Если ты мечтаешь о мужчине, трахающем тебя в душе, в кровати, в подвале дома твоих родителей, то я — то, что тебе нужно.

Ее брови приподнялись, и она посмотрела на меня так, словно хотела позлить.

— А если нет?

— В момент, когда я почувствую, как ты горяча и волнующа рядом со мной, я с удовольствием напомню тебе о сексе.

Ее взгляд скользнул по мне, и она сглотнула, отводя глаза. Усмехнувшись, я пихнул ее ноги на кофейный столик.

— Мы не в фильме, и мы не какая-нибудь парочка из твоих романтических книжек. Мы — настоящие люди, которым ежедневно приходится иметь дело с некоторыми трудностями. Одно то, что ты встретил любовь всей своей жизни, не может гарантировать, что ничего больше не произойдет. Моя дочь, София, важна для меня. Не могу выразить этого словами, но я счастлив тому, что она появилась у меня, и неважно, кто ее мать. Я люблю ее. Но еще я люблю тебя и не хочу выбирать между вами. Я эгоист. Я хочу вас обеих.

— Илай...

Потянувшись к ней, я взял бокал из ее рук и поставил его на столик рядом с собой. Я распахнул свои объятия для нее, и она обняла меня, прижалась лицом к моей шее.

— Ты должна перенести свой полет в Индию. Я не хочу тебя больше задерживать. Но когда ты уйдешь, помни, что у тебя есть парень, который ждет тебя дома. Мы будем писать друг другу, и кто знает... может, у меня даже появится время, чтобы навестить тебя, когда София будет с Ханной. Мы собираемся разделить опекунство, и Ханна знает, что это предел наших взаимоотношений. Мы собираемся работать, Гвиневра, и не начнем ненавидеть друг друга. Мы будем скучать друг по другу так сильно, что все остальное станет неважно.

— Илай, — прошептала она, сев между моих ног. Ее глаза нашли мои. Я провел пальцем по ее губам.

— Я сказал твоему отцу, что через десять лет все еще буду рядом с тобой. И я говорил абсолютно серьезно.

Когда ее губы открылись навстречу моим, я почувствовал, что мое тело наконец расслабилось. Мы больше не убегали друг от друга. Напротив, мы двигались навстречу друг другу. Да, на нашем пути были и еще будут препятствия. Да, мы иногда ссоримся. И я знаю, что начало долгосрочных отношений не стало столь романтическим, как я надеялся, но это послужило чем-то, что замкнуло пространство между нами.

— Ах... — простонала она мне в губы, когда я одной рукой накрыл ее грудь, а другой попку. Как хорошо, что на ней сегодня юбка...

У нас ничего не закончено. У нас все еще только начинается!

Эпилог

От: Гвиневра По
Тема: У меня к тебе вопрос
Дата: 8 сентября. 2:18
Кому: Илай Дэвенпорт

Дорогой доктор Кретин!

Случалось ли в твоей жизни, чтобы на тебя чихнул слон? Что ж, со мной это произошло... дважды... с одним и тем же слоном. Его имя Анугтана, которое означает, как мне объяснили, грациозность. И здешний погонщик теперь подшучивает надо мной, что у слона открылась аллергия на меня. У меня стойкое ощущение, что ты сейчас смеешься над ироничностью этой ситуации. Но можешь не беспокоиться, Анугтана и я обязательно подружимся до моего отъезда. Ты ведь знаешь, чем большие времена кто-то проводит в моем обществе, тем привлекательней я становлюсь в его глазах[☺]

Надеюсь, у тебя все хорошо. Я звонила, но разница во времени и многое другое сбивают меня с толку. Не скроу, если скажу, что мне все еще страшно находиться вдали от тебя. Не уверена, то ли я убегаю, то ли следую за своей мечтой. Да, у меня все в порядке, но я хотела бы побывать в этих местах и увидеть всю эту красоту вместе с тобой. Так странно, что всего несколько месяцев назад я не была даже знакома с тобой, а теперь моя жизнь кажется пустой без тебя.

*Я должна остановиться прежде, чем окончательно расклеюсь.
Продолжай оставаться таким же «классным».*

*Аферистка
P.S. Я люблю тебя*

От: Илай Дэвенпорт
Тема: У меня к тебе вопрос
Дата: 9 сентября. 15:48
Кому: Гвиневра По

Дорогая Аферистка!

Нет, на меня никогда не чихали слоны, но, пожалуйста, передай это сообщение Анугтане от меня: «Не смотри в ее глаза, мой друг, ибо ты потеряешь голову. В один момент она кажется вполне нормальным, раздражающим тебя человеком, а в следующий миг ты уже не можешь думать ни о ком другом, кроме нее. Если она смотрит на тебя и улыбается, что же, тогда тебе крышка. Просто смирись с этим».

Что касается тебя, Гвиневра, меня не заботит разница во времени, и единственная причина, по которой я могу пропустить твой звонок, — это моя работа. В остальное время, я постоянно жду твоего звонка. Ты бежишь, но это неважно, потому что я стою в конце этого пути, ожидая тебя. Просто наслаждайся всем, что сейчас тебя занимает. Ты можешь всего лишь раз в жизни увидеть их.

Да, я скучаю, и, если бы у меня был выбор, я хотел бы, чтобы ты осталась рядом со мной. Я нахожусь в таком же нетерпении, как Тайги: каждый раз, когда открывается дверь, наши головы резко поворачиваются в надежде, что это ты открываешь ее.

*Я тоже не хочу выглядеть излишне сентиментальным.
Будь здорова, улыбайся больше и будь осторожна.*

*Твой бойфренд,
P.S. Ни за что не буду называть себя доктором Кретином[☺]*

P.P.S. Я люблю тебя так, как солнце любит небо, и даже больше...

От: Гвиневра По

Тема: Не уверена, дьявол ты или святой

Дата: 12 октября. 3:00

Кому: Илай Дэвенпорт

Дорогой бойфренд!

Позвонить своей девушки в полночь, чтобы заняться сексом по телефону, это было... восхитительно! Не уверена, стоит отругать тебя за то, что заставляешь меня скучать, хотеть целовать тебя, хотеть заняться с тобой любовью и трахать тебя или все же благодарить за каждое твое слово. Видишь, уже наступило утро, а мой мозг до сих пор опьянен. Сама не понимаю, что печатаю, голова практически не работает. Когда ко мне вернется способность мыслить, я позвоню тебе.

Твоя очень рассеянная девушка.

P.S. Не помню, говорила ли я, что твой голос — это голос греха.

P.P.S. Я люблю тебя так, как англичане любят свой чай, и даже больше...

От: Илай Дэвенпорт

Тема: Я тот, кем ты хочешь, чтобы я был

Дата: 12 октября. 13:00

Кому: Гвиневра По

Дорогая подруга!

Рад, что тебе все понравилось так же, как и мне. Да, у меня будет «Фэйстайл», я хочу видеть, как мой голос возбуждает тебя. И не ври, твоя голова не пуста, а просто наполнена теми вещами, которые ты хочешь, чтобы я проделал с тобой. Как ты называла меня вчера ночью между собственными стонами?

Если бы ты только знала, каким твердым я был из-за тебя.

Трахатель Твоей Секси Киски

P.S. Теперь я вечно буду использовать это имя для тебя.

P.P.S. Ты мне ничего не рассказываешь о Сеуле и Южной Корее. Похоже, наша совместная ночь затмила все. Не забудь, у тебя работа, которую ты должна закончить вовремя, чтобы суметь сделать немного больше, чем разговор по «Фэйстайл».

P.P.P.S. Я люблю тебя так, как Питер Пен любит Неверленд, и даже больше...

От: Гвиневра По

Тема: Пожалуйста, отметь...

Дата: 12 октября. 3:17

Кому: Илай Дэвенпорт

Дорогой Трахатель Сексуальной Киски!

Пожалуйста, имей в виду, что я тогда была не совсем в себе и поэтому не могу нести ответственность за свои слова. Особенно после того, как ты сказал, что привяжешь меня к кровати и...

*В любом случае, извини, я просто забыла обо всем на свете. Сеул красив, а еда просто **ПОТРЯСАЮЩАЯ**. Передай Яну, что я никогда не прощу ему того, что он не познакомил меня с булдаком раньше.*

Люблю,

Твоя вишненка на торте.

P.S. Я не единственная, раздающая имена.

P.P.S. Ты мне ничего не рассказываешь о том, что происходит дома. Как София?

P.P.P.S. Я люблю тебя так, как садомазохистка любит свою плетку, и даже большие.

От : Илай Дэвенпорт

Тема: Я благодарен за то...

Дата: 25 ноября. 7:13

Кому: Гвиневра По

Дорогая Вишненка на торте!

Я благодарен за то, что встретил тебя. Я благодарен за то, что не только я влюбился в тебя, но и ты полюбила меня. Я благодарен за то, что мы такие разные, и благодаря тебе я вижу мир в другом измерении. Я благодарен за то, что ты жива, потому что это делает живым меня.

София растет не по дням, а по часам. Мама говорит, что у нее глаза моего отца. Я не задумывался над тем, что способен так сильно скучать, пока вы обе были рядом со мной. Когда я получаю твои сообщения, весь остаток дня уже ничто не может испортить моего настроения. Я счастлив, что вы обе есть в моей жизни... так счастлив, что часть меня чувствует себя виноватым перед теми, кто потерял все!

Теби уже лучше, но ненамного. Он потерял свою компанию, но, к счастью, у него остались солидные накопления. Он уехал из города и сейчас живет в Хэмптонсе, где много времени проводит за рыбалькой. Когда я приезжаю к нему, мы практически не разговариваем, просто сидим на холоде. Понимаю, ему очень больно. Знаешь, я не мог осознать боль от его утраты до конца, пока не понял, насколько сильно люблю тебя и Софию. Если, не дай Бог, я потеряю одну из вас, даже не представляю, способен ли буду хотя бы просто рыбачить.

В любом случае, будь осторожна.

Все будет хорошо.

Правда.

Илай.

P.S. Я люблю тебя так же сильно, как рыба любит воду, и даже больше...

От: Гвиневра По

Тема: Я благодарен за то...

Дата: 25 ноября. 21:19

Кому: Илай Дэвенпорт

Илай!

Однажды я решила, что моя жизнь закончилась. В тот момент я утратила способность смеяться, спать, и даже не могла просто сфокусироваться на людях вокруг. И тогда ты помог мне вернуться в этот мир.

Я благодарна за то, что твой брат порезался у меня ножом, и мы поехали к тебе в больницу. Я благодарна за все наши ссоры и пьяные разговоры.

Если бы я могла вернуться в прошлое, я бы не стала ничего менять. Ты был и остаешься моим вторым шансом. Я лишь надеюсь, что Теби тоже когда-нибудь встретит свой второй шанс.

Если ты будешь осторожен, то и со мной ничего не случится.

Твоя Гвиневра.

P.S. Я люблю тебя так, как Золушка любила своего Прекрасного Принца, и даже больше...

От: Илай Дэвенпорт
Тема: С Рождеством.
Дата: 25 декабря. 21:47
Кому: Гвиневра По

*Моя Гвиневра!
Я сильно скучаю по тебе!*

Твой Илай.

P.S. Я люблю тебя так же сильно, как Ромео любил Джулетту, и даже больше...

Илай

Прошла почти целая неделя, а у нас практически не было времени для разговоров. Гвиневра занималась переездом в другую страну на целый месяц, а я был загружен работой и Софией. И даже тогда я все равно скучал по ней. Одно дело предложить завести отношения на расстоянии, и совсем другое — проживать их в действительности.

День Благодарения, Рождество, теперь Новый Год... Праздники казались грустными и одинокими вдали от родного человека, с которым хотелось все время быть рядом.

«Илай, что с тобой творится?» — зарычал я сам на себя, лежа на диване.

В канун Нового года София осталась у Ханны, а на следующее утро мы должны были поменяться. Это была совсем не та жизнь, которую я желал для своей дочери, жизнь в прыжках от одного родителя к другому, но, честно говоря, я не представлял, что еще можно предпринять в нашей ситуации.

Последние несколько месяцев были просто сумасшедшими.

Схватив телефон, я снова проверил почту. Ничего...

Когда я успел превратиться в парня, ждущего звонка?

Это раздражало, но мне все равно было необходимо проверять почту снова и снова.

— Пять!

— Четыре!

— Три!

— Два!

— Один!

Отсчитывал я, слыша радостные крики внизу через открытое окно.

Счастливого Нового Года!

В третий раз проверив почту, я получил сообщение и сел на диван.

От: Гвиневра По
Тема: Счастливого Нового года
Дата: 1 января. 00:01
Кому: Илай Дэвенпорт

Быть вдали друг от друга так тяжело! Просто невыносимо, Илай!

— И это все? Она, должно быть, смеется надо мной? — пробурчал я, запустив телефон на противоположный конец дивана, и встал.

Тайги посмотрел на меня, гавкнув один раз и отвернул голову, как будто его совершенно ничего не волновало.

— Не начинай...

Сняв рубашку, я бросил ее на диван и направился в ванную. Какие бы страхи ни были у Гвиневры, я разберусь с ними утром. Сейчас я слишком устал...

— ГАВ! ГАВ!

— Тайги! — рыкнул я, стягивая штаны.

Он заскулил и притих.

— ГАВ! ГАВ! ГАВ! ГАВ!

Что за черт?!

— Тайги, какого... — начал я, направляясь в гостиную.

А затем я увидел ее, мою Гвиневру, одетую в темно-красное платье до колен и с золотистыми туфлями на шпильке в руках. Рядом лежала зимняя куртка. Ее каштановые волосы находились в полнейшем беспорядке. Одна из прядей была откинута назад порывом ветра. Гвиневра выглядела слегка взволнованной, ее грудь часто вздымалась и опускалась.

— Я... Гв... — Я не мог вымолвить ни слова. Мне казалось, будто я сплю и вижу сон.

— Я опоздала, — произнесла он, выдохнув и надув красивые красные губы. — Я хотела успеть до двенадцати, но город просто сошел с ума.

С каждым словом я подходил к ней ближе и ближе, пока не оказался в шаге от нее, и обхватил ладонями ее лицо.

— Ты здесь... — прошептал я, потрясенный.

— Я опоздала, но я здесь....

Я поцеловал ее. Я не мог не целовать ее. Она тесно прижалась ко мне, обвив руками мою шею. Боже, как же я скучал по ней! По ее вкусу, по звукам, которые она издавала, когда я прикасался к ее попке. Пройдясь руками по ее телу, я опустил их ей на бедра и приподнял ее. Гвиневра крепко обхватила меня ногами.

— Ты здесь, — тихо повторил я.

Она улыбнулась.

— Я здесь. И я бездомная, потому что продала свою квартиру, надеясь, что мой доктор Кретин, мой бойфренд, мой Трахатель Сексуальной Киски, мой Илай пожалеет и приютит меня.

— Я не понимаю.

Я все еще не мог поверить, что сейчас все происходило на самом деле. Она появилась в моей квартире, в моих руках, и захотела остаться.

— Ты не получил моего письма? Я не хочу больше находиться вдалеке от тебя. Я хочу быть здесь, рядом с тобой. Ты не против, мой доктор Кретин, мой Бойфренд, мой Трахатель Сексуальной Киски, мой Илай?..

Она широко улыбалась, и я не мог сдержать своей улыбки.

— Я должен подумать над этим. Твой храп может нарушить сделку...

Гвиневра состроила рожицу и попыталась вырваться, но я лишь крепче прижал ее к себе. Не хочу больше ни на миг ее отпускать.

— Гвиневра?

— Да?

— Не паникуй, когда я это скажу, но... я собираюсь жениться на тебе.

Она ничего не ответила, но я был уверен, она поняла, что я имел в виду. Не осталось никаких сомнений в том, что она оказалась той самой, моей единственной, с кем я бы хотел провести всю свою жизнь.

Я любил ее сильнее, чем самого себя, и даже больше...